

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІ.

1894.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°, Наб. Екатеринин. кан., № 80.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ 3

А. А. Дмитріевъ. Роль Строгановыхъ въ покореніи Сибири 1

Ө. И. Леонтовичъ. Очерки исторіи литовско-русскаго права (продолженіе) 46

Л. В. Рутковский. Общій характеръ англійской философіи 108

В. Андреевъ. Русскія похны придаточными предложениями 129

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

И. В. Цвѣтаевъ. В. Амальротъ. Великіе греческіе ваятели IV-го вѣка до Р. Хр. I. Пракситель. Москва. 1893. 150

Всев. Ө. Миллеръ. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпуски XV, XVI и XVII. Тифлисъ. 1894. 186

Н. В. Волковъ. Къ исторіи русскаго языка. 208

Н. В. Ястребовъ. Я. Амосъ Коменскій. Великая дидактика. Переволъ съ латинскаго А. Щепинскій. С-Петербургъ. 1898 228

А. И. Соболевскій. Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія „Измарагда“. В. А. Яковлева. Одесса. 1893 233

И. Везгинъ. По поводу рецензій о Наказѣ императрицы Екатерины II. 238

— Книжныя новости 240

— Наша учебная литература (разборъ 7 книгъ) 1

СОВРЕМЕННАЯ ЛІТОВИСКЪ.

И. П. Филевичъ. Девятый археологическій съѣздъ въ г. Вильнѣ. 1

Е. П. Ковалевскій. Народное образованіе на всемірной выставкѣ въ г. Чикаго (продолженіе) 39

Л. Н. Майковъ. Николай Саввичъ Тихомировъ (некрологъ). 79

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Г. С. Дестунисъ. Замѣтки по направленію теченій въ обихъ литовинокъ Франціи 1

Н. Н. Платонова. „Риторика“ Аристотеля (продолженіе) 12

М. И. Ростовцевъ. О новѣйшихъ раскопкахъ въ Помпей 45

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части Журнала Миннотерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1881 годъ 1

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го января).

PSlav 318.10

~~Slav 318.10~~

~~PSlav 318.10~~

Harvard College Library
Gift of the Ministry of Public
Instruction, St. Petersburg.
May 24, 1897.

Емблематичний знак., № 80.
2990.

РОЛЬ СТРОГАНОВЫХЪ ВЪ ПОКОРЕНИИ СИБИРИ.

(Новый пересмотръ Сибирскаго вопроса).

Въ глубокой древности угорскія поселенія, безъ сомнѣнія, простирались на югъ нынѣшней Сибири дальше, нежели гдѣ застаютъ ихъ исторіи, но постепенно были оттѣсняемы на негостепріимный сѣверо-западъ Азіи народами монголо-татарской расы. Первое водвореніе ихъ на бывшихъ угорскихъ земляхъ связано съ исторіей завоеваній знаменитаго Темуджина, прозваннаго Чингизъ-ханомъ, то-есть, великимъ ханомъ, и его преемниковъ Чингизидовъ. Припомнимъ, что основатель этой династіи Чингизъ-ханъ, жившій между 1160—1227 годами, имѣлъ четырехъ сыновей, чрезъ старшаго изъ коихъ, именъ Джучи, родъ Темуджина продолжался потомъ нѣсколько столѣтій. Умершій раньше отца Джучи († около 1226 г.) оставилъ въ свою очередь сыновей Батыя, Беркая (или Берке) и Шибана. Та линія династіи Чингизидовъ, которая пошла отъ Джучи, получила особое, частное наименованіе Джучидовъ, а потомство Шибана стало называться въ свою очередь Шейбанидами. Ханъ Батый, столь памятный намъ по разгрому Руси, послѣдовавшему въ 1237—1240 годахъ, какъ извѣстно, утвердился въ южной части Россіи, основавъ въ бывшихъ дотолѣ владѣніяхъ турецкаго народа кипчаковъ, или кумановъ (половцевъ нашихъ лѣтписей), „Золотую“ или „Кипчакскую“ орду, подъ гегемоніей жившаго въ средней Азіи великаго хана Огодая, третьяго сына Темуджина. Эта орда по первому завоевателю Кипчака получила еще названіе „улуса Джучіева“. Батый царствовалъ здѣсь до самой смерти, постигшей его въ 1253 г., передавъ престолъ своему брату Берке. Послѣдній около 1261 года ввелъ въ

улусъ магометанство вмѣсто прежняго идолопоклонства. Но онъ правилъ недолго (умеръ въ 1266 г. въ Грузіи). Склонность къ раздорамъ еще при его жизни обнаружилась среди Чингизидовъ и имѣла послѣдствіемъ отпаденіе западной части улуса между Дономъ и Днѣпромъ отъ зависимости кипчакскихъ хановъ и образованіе въ тѣхъ мѣстахъ особой „Ногайской“ орды, получившей имя отъ своего основателя, золотоордынскаго царевича Ногай (во второй половинѣ XIII вѣка).

Одновременно съ основаніемъ улуса Джучіева на западѣ возникаетъ улусъ Шибанскій на востокѣ, въ предѣлахъ Туркестана и, кажется, Бухаріи и Хивы. Здѣсь воцарилась младшая вѣтвь рода Джучидовъ въ лицѣ младшаго сына Джучи, Шейбана, также подъ гегемоніей великихъ хановъ общей династіи Чингизидовъ. Послѣ Огодая († 1241 г.) великими ханами были: сынъ его Гаюкъ († 1247 г.) и два племянника, сыновья его брата Тулуя,—Менгу († 1257 г.) и Кубилай. И Шибанская орда еще при ея основателѣ Шейбаниханѣ приняла магометанство, но и она не избѣжала внутреннихъ раздоровъ, изъ-за которыхъ такъ рано началось распаденіе родственной ей Кипчакской орды Джучидовъ. Уже въ XIV вѣкѣ часть подданныхъ Шейбанидовъ покидаетъ берега Аму-Дарьи, удаляется на сѣверъ и утверждаетъ на рѣкѣ Ишимѣ, притоцѣ Иртыша. Это было дѣломъ нѣкоего Она, или Онсома, который будто бы состоялъ въ родствѣ съ ханами ногайскими, почему впоследствии сибирскіе татары также стали называться ногайскими. Есть извѣстіе, что этотъ ханъ подчинилъ себѣ часть вогуловъ и остяковъ, жившихъ по Турѣ, Тоболу и нижнему Иртышу ¹⁾. Дѣло его продолжалъ сынъ Тайбуга, переселившійся съ Ишима на рѣку Туру и основавшій тамъ свою столицу Чинги-Тура (впоследствии Тюмень) ²⁾. Относительно этой рѣки Миллеръ справедливо замѣчаетъ: „Татары имя рѣки Туры выговариваютъ Туре, а вогуличи, которые чайтельно еще до татаръ въ сихъ мѣстахъ жили, оную рѣку Тере или Тере-я называютъ, такъ что татарское названіе можетъ быть взято отъ вогуличей“ ³⁾.

¹⁾ Миллеръ, Описаніе Сибирск. царства, 1750 г., стр. 37—38.

²⁾ По другому же извѣстію, Тайбуга былъ родомъ киргизъ-кайсакъ, сынъ Мамыкъ-хана. Тамъ же, стр. 41.

³⁾ Миллеръ, Опис. Сибирск. царства, 1750 г., стр. 45.

Такимъ образомъ „въ маломъ видѣ тутъ повторилось то же, что было въ великой Волжской ордѣ, отъ которой отдѣлилась Ногайская, съ потомствомъ Эдигея во главѣ. Но также, какъ въ Ногайской ордѣ, преемники Тайбуги назывались не царями или ханами, а только князьями, то-есть, беками; ибо и тутъ право на высшій титулъ принадлежало потомству Чингизову, то-есть, Шейбанидамъ“ ¹⁾. Отсюда слѣдуетъ, что Онъ и его сынъ Тайбуга не были людьми Чингизидовой крови, и извѣстіе о ихъ ногайскомъ происхожденіи является весьма вѣроятнымъ, если особенно имѣть въ виду, что источники XVI вѣка весьма часто называютъ татаръ Сибири ногайцами. Въ возможности дѣйствительныхъ сношеній сибирскихъ татаръ съ ногайскими нѣтъ основаній сомнѣваться, какъ сейчасъ увидимъ.

Примѣръ Онсома и Тайбуги оказался заманчивымъ при томъ просторѣ, какой представляла Сибирь для полудикихъ хищниковъ. По примѣру ихъ, одинъ изъ Шейбанидовъ, Ивакъ, главный ханъ Шибанской орды, уже владѣвшій въ средней Азіи Туркестаномъ, утвердился на той же рѣкѣ Ишимѣ, притокѣ Иртыша, а отчасти на этомъ послѣднемъ, принудивъ болѣе раннихъ насельниковъ тѣхъ мѣстъ Тайбугина рода ограничиться рѣкой Турой. Мало того, властолюбивый Ивакъ, шибанскій ханъ, скоро изгналъ ихъ и съ береговъ Туры, заставивъ пѣкоторое время скитаться гдѣ-то на Оби или верхнемъ Иртышѣ. Онъ самъ засѣлъ въ городѣ Чинги-Турѣ, переименованномъ русскими въ Тюмень, и отсюда вошелъ въ непосредственныя сношенія съ ханами Ногайской орды. Онъ женился на какой-то ногайской царевнѣ, братьевъ которой звали Муса-мырза и Яигурчей-мырза ²⁾, и съ помощью Ногайской орды задумалъ погубить послѣдняго хана Золотой орды, извѣстнаго противника Іоанна III, Ахмата, что ему и удалось въ 1481 г. Убивъ Ахмата, „шибаны съ ногаи начаша Ахматову орду грабити межъ Дономъ и Волгою, на Донцу на Маломъ близъ Азова; и стоялъ царь Ивакъ 5 дней на

¹⁾ Д. И. Иловайскій, Исторія Россіи. Т. III: Московско-царскій періодъ, первая половина или XVI вѣкъ. Москва. 1890 г., стр. 386—387. Въ примѣчаніяхъ 68—78 указана обширная литература по вопросу о завоеваніи Сибири. Въ I томѣ того же труда, въ части 2-й: Владимірскій періодъ, Москва, 1880 г., въ примѣч. 48, 53 и 54, указаны источники и пособія по вопросу о монголо-тарахъ.

²⁾ Н. М. Карамзинъ, Истор. Госуд. Россійскаго, VI, примѣч. 240.

Ахматавъ ордіѣ и поиде прочь; а Ордобазаръ съ собою поведе въ Тюмень, не грабя, а добра и скота и волона литовскаго безчисленно поймавъ и за Волгу перевелъ. Тогожъ лѣта царь Ивакъ послалъ Чюнгуръ князя къ великому князю Ивану Васильевичу и къ сыну его съ радостію, что суюстата твоего есни убилъ царя Ахмата; и великій князь посла Иванаго чествовалъ и дарилъ.... Этотъ же Чюнгуръ былъ въ Москвѣ еще два раза—въ 1489 и 1494 годахъ ¹⁾. Эти посольства были, однако, не болѣе какъ знакомыи любезности между двумя сосѣдними владѣтелями.

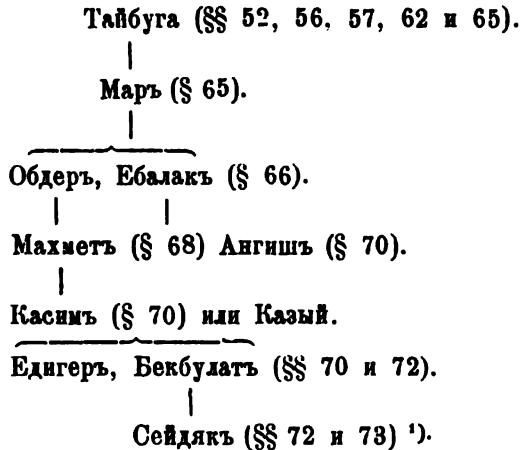
Вѣролюбіи и честолюбивый Ивакъ самъ, однако, нигдѣ участь несчастнаго Ахмата, навшаго отъ его руки. Обиженный нигъ Тайбугинъ потомокъ Махметъ, также родственникъ ногайскъ, собрался съ силами, началъ на Ивана и убилъ его въ собственной землѣ ²⁾. Послѣ того сынъ Ивана, Кулукъ-Салтанъ, пытался утвердиться въ сосѣдней Періи Великой, но безуспѣшно, такъ какъ эта страна съ 1472 г. уже была въ рукахъ Москвы. Лѣтопись подъ 1505 годомъ говорить: „Въ понедѣльникъ на страстной рать пришла безъ вѣсти изъ Тюмени на Великую Перію. Кулукъ-Салтанъ, Ивана царевъ сынъ, да съ братьемъ и съ дѣтьми, города (Чердыни) не взяли, а землю Нижнюю завоевали, въ Усолѣ на Камѣ (то-есть, въ Соликамскѣ) русаковъ вывели и выскли; и князь Василей Коверъ (первый государевъ намѣстникъ въ Періи Великой) на полѣ водѣ (то-есть, на полой водѣ) въ погоню послалъ русаковъ въ судѣхъ, и догнали ихъ въ Смылѣ на перевозѣ заднюю заставу, да и побили“ ³⁾. Этой неудачной попыткой сдѣлаться независимыми владѣтелями на Уралѣ не кончились, какъ ниже увидимъ, предпріятія потомковъ Ивана, одно время столь сильнаго и предпріимчиваго дѣятеля въ родѣ Шейбанидовъ. На берегахъ же Туры и далѣе къ востоку снова стали править князья, или беки, изъ рода Тайбуги. Миллеръ въ первой

¹⁾ Карамзинъ (VI, примѣч. 240) разказываетъ это на основаніи Архангельскаго лѣтописца и Ногайскихъ дѣлъ, начинающихся съ 1489 года.

²⁾ Иловайскій, Исторія Россіи, томъ III, стр. 386 и 657.

³⁾ См. дополнительные выписки изъ лѣтописей въ VI томѣ „Исторіи“ Карамзина (последняя выписка въ примѣчаніяхъ). Ср. мою „Перискую Старину“, выи. I, стр. 163 и 184. Изъ тѣхъ же выписокъ видно, что въ 1504 г. городъ Чердынь сгорѣлъ, „и князь Матвій Михайловичъ Великоперискій поставилъ городъ на Покчѣ (то-есть, Покчѣ) новой“. Послѣ этого не совѣтъ понятно, какъ пощадилъ его Кулукъ-Салтанъ, разорившій Нижний станъ Чердынскаго уѣзда.

части своего „Описанія Сибирскаго царства“ указываетъ слѣдующую ихъ родословную:

Въ общемъ эта родословная Тайбугиныхъ потомковъ согласуется съ болѣе или менѣе позднѣйшими выводами ориенталистовъ. Миллеръ, строго критически установляя преемственность ихъ владѣнія на берегахъ Туры, Тобола, Ишима и Иртыша какъ по русскимъ, такъ по татарскимъ и другимъ источникамъ восточнаго происхожденія, указываетъ еще на двухъ отдѣльныхъ правителей на берегахъ Иртыша—Севбахту, сына Махмета, и Саускана, „котораго сродство и наслѣдіе не описаны“ (см. § 70). Но эти два послѣдніе бека были второстепенными владѣтелями. Главное же татарское княжество со времени Махмета, убившаго Изака, утвердилось на р. Иртышѣ при впаденіи въ него р. Тобола. Столица этого княжества Сибирь, или Искеръ, находилась на правомъ берегу Иртыша, на высокомъ мысу, въ 16 верстахъ выше нынѣшняго Тобольска ²⁾. Этотъ древній городъ упоми-

¹⁾ Карамзинъ (т. IX, стр. 373) приводитъ ту же родословную; только сыномъ Тайбуги считаетъ Ходжу, а внукомъ—Мара.

²⁾ По Миллеру, основателемъ Искера былъ Махметъ, но это не вѣрно. Въ 1750 г. еще видны были остатки этого города (Опис. Сиб. царства, стр. 42—43). Считаемо нужнымъ указать здѣсь на специальную „Замѣтку о происхожденіи слова Сибирь“, В. М. Флоринскаго, въ *Извѣстіяхъ Императорскаго Томскаго университета*, кн. 1-я, Томскъ, 1889 г., отд. II, стр. 1—14. Авторъ ея вѣдается, однако, въ слишкомъ сильныя предположенія. Искеръ по-татарски значить *старое городище*. Предположеніе И. А. Словцова, будто Сибирскій юртъ Едигера находился между рѣкъ Исети и Міаса, при озерахъ Иртышъ и двухъ Нанняяхъ, мы рассмотримъ дальше. См. его „Историч. обзор. Сибири“, С.-Пб., 1886 г., ч. I, стр. XV—XVI.

нается уже на картѣ Пицигани 1367 года ¹⁾. Въ началѣ XVI вѣка это княжество имѣло довольно обширные размѣры, простиралось отъ Иртыша по Тоболу и нижней Тавдѣ до р. Туры, гдѣ, какъ мы видѣли, еще едва ли не раньше возникъ городъ Чинги-Тура. Выше этого города въ томъ же вѣкѣ находился г. Епанча, впоследствии переименованный русскими въ Туринскъ. Къ сѣверу отъ этого „Сибирскаго“ княжества лежала область угровъ-вогуловъ и остяковъ, а какъ далеко простирались его границы къ югу, опредѣленно сказать нельзя.

Махметъ и сынъ его Касимъ или Казый, преемники убитаго Ивака по владѣнію указанными землями, въ отношеніи Москвы держались, однако, его политики: они поддерживали дружественныя связи съ московскими государями, зная ихъ силу и отношенія къ угорскимъ князьямъ, жившимъ къ сѣверу отъ ихъ татарскаго княжества. Это видно изъ грамоты царя Ѳеодора Іоанновича Кучуму 1597 г., въ которой говорится, что отецъ Едигера Казый и дѣдъ Махметъ платили дань великому князю московскому Ивану III Васильевичу ²⁾. Тѣмъ болѣе долженъ былъ поддерживать добрыя отношенія къ Москвѣ сынъ Казыя, Едигеръ, при которомъ Шейбаниды снова заявили свои права на Сибирское княжество потомковъ Тайбуги. При Едигерѣ вновь появляется въ фамиліи Шейбанидовъ могущественный ханъ. Это былъ извѣстный Кучумъ, сынъ Муртазы, внукъ умерщвленнаго Махметомъ Ивака. Опасаясь его могущества и вражды къ роду Тайбуги, Едигеръ, какъ представитель этого рода, долженъ былъ волею-неволею искать покровительства въ сильномъ московскомъ царѣ. И вотъ въ 1555 г. пришли къ Іоанну послы отъ сибирскаго князя Едигера и отъ всей земли Сибирской поздравили царя со взятіемъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго и били челомъ, чтобы и Сибирскую землю онъ взялъ подъ свою защиту и дань свою наложилъ и прислалъ бы въ Сибирь для ея сбора человѣка. Іоаннъ пожаловалъ челобитчиковъ, взялъ подъ свою руку князя Едигера и его Сибирскую землю, наложилъ на нее дань по тысячѣ соборей въ годъ и отправилъ въ Сибирь посла своего Дмитрія Непейцына, которому велѣлъ привести къ при-

¹⁾ См. „Пермскую Старину“, II, 3.

²⁾ Собрание Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, т. II, М., 1819 г., стр. 132, № 66: „А послѣ дѣда твоего, Ибака-царя, сказано здѣсь, были на Сибирскомъ государствѣ князи Тайбугина роду, *Махметъ-Куль*, а послѣ *Казый* князь, а послѣ *Казыя* *Едигеръ* князь, и тѣ естъ князи дѣду нашему.... государю царю и великому князю *Ивану Васильевичу* съ Сибирскія земли дань давали“.

сягѣ жителей Сибирской земли и переписать „черныхъ“ ея людей. По донесенію посланныхъ, таковыхъ людей оказалось 30.700 чел.¹⁾. Такъ совершилось первое добровольное подчиненіе Тайбугиной династїи власти московскихъ государей. Въ сохранившихся свидѣтельствахъ Едигерь дѣйствительно представляется такимъ же данникомъ Москвы, какъ, напримѣръ, югорскіе князья Певгѣй и Лугуй или извѣстный Игичей Алачеевъ, князь Коды. Для Едигера Іоаннъ IV уже считалъ дань обязательною, „почему нѣтъ ничего удивительнаго, если этотъ государь въ грамотѣ польскому королю Сигизмунду отъ 20-го іюля 1563 г. называлъ себя: „.... и Удорскій, Кондинскій и всея Сибири“ (Миллеръ, стр. 70). Въ Степенныхъ книгахъ того времени и въ лѣтописяхъ, конии пользовался Миллеръ, сохранились подробныя свѣдѣнія о дальнѣйшихъ отношеніяхъ Едигера къ Іоанну IV. Изъ нихъ видно, что въ 1556 г. въ ноябрѣ мѣсяцѣ возвратился въ Москву изъ Сибири посолъ Іоанновъ Дмитрій Куровъ и съ нимъ прїѣхалъ отъ Едигера посолъ Боянда съ данью 700 соболей и съ грамотою отъ Едигера, въ которой сибирскій князь извѣщалъ московскаго царя, что, за приходомъ на него, Едигера, шибанскаго царевича и причиненнымъ отъ него разореніемъ, онъ, сибирскій князь, не можетъ прислать дани больше. Русскій же посолъ Куровъ увѣрялъ, что „имъ было возможно сполна дань прислать, да не похотѣлъ Едигерь“. „И царь и великій князь на сибирскаго посла опалу наложилъ,... а въ Сибирь послалъ служиваго татарина съ грамотою, чтобъ ся во всемъ предъ нимъ, государемъ, исправили“²⁾. Дальнѣйшій образъ дѣйствій Іоанна по отношенію къ Едигеру становится все болѣе властнымъ. Въ сентябрѣ 1557 г. посланные татары возвратились въ Москву³⁾. Одна лѣтопись въ библіотекѣ Академіи Наукъ (№ 11) повѣствуетъ объ этомъ такъ: „прїѣхали изъ Сибири царя и великаго князя служивые татаровя Девлетъ Козя да Сабаня Рязановъ, а съ ними Едигера, князя сибирскаго, посланники Истемиръ съ товарищи и привезли дань Сибирскія земли сполна тысячу соболей, да дорожной пошлины сто соболей, да 69 соболей за бѣлку, да грамоту шертную привезли со княжіею (то-есть, Едигеровой) печатью, что ся учинилъ князь въ холопствѣ, а дань на всю свою землю положилъ впредь ежегодъ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VI, 410; Иловайскій, Исторія Россіи т. III, 387.

²⁾ Изъ лѣтописца игумена Сильвестра Никольскаго. Въ Степенныхъ книгахъ то же событіе изложено не такъ подробно. Выдержки см. у Миллера, стр. 73.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VI, стр. 410.

безпереводно царю и великому князю со всей Сибирской земли давать. И царь и великій князь посла его Боянду выпустилъ, "...а съ нимъ послалъ служивыхъ татаръ по дань въ передней годъ" ¹⁾). Ясно, что данническія отношенія теперь уже приняли обязательный характеръ, какой едва ли былъ желателенъ всѣмъ подданнымъ Едигера, да, кажется, и самому ему.

По этому поводу справедливо говорить С. М. Соловьевъ: „Такая зависимость сибирскаго юрта отъ Москвы была не прочна: Едигеръ поддался съ цѣлью имѣть помощь отъ русскаго царя противъ своихъ недруговъ, или по крайней мѣрѣ сдерживать ихъ страхомъ предъ могущественнымъ покровителемъ своимъ; но помощь трудно было получить ему по самому отдаленію его владѣній отъ областей московскихъ, и та же отдаленность отнимала страхъ у враговъ его, которые надѣялись безнаказанно овладѣть Сибирскимъ юртомъ и потомъ, въ случаѣ нужды, умиловитъ московскаго царя обязательствомъ платить ему такую же дань, какую платилъ прежній князь.... Дѣйствительно, мы видимъ въ Сибири перемѣны: князья изгоняють, губятъ другъ друга (Махметъ—Ивака, внукъ послѣдняго Кучумъ—внуковъ Махметовыхъ Едигера и Бекбулата и т. д.). Москва, не принимая никакого участія въ этихъ перемѣнахъ, требуетъ одного—дани" ²⁾). Отсюда самъ собою являлся вопросъ: въ чемъ же состояло покровительство Москвы, столь дорого оплачиваемое сибирскими владѣтелями? Да и не въ одной Сибири было такъ; то же было въ Башкиріи къ западу отъ Урала. Доказательствомъ служить черемисскій бунтъ на Камѣ 1572 г. ³⁾). Вотъ почему подданство Едигера Іоанну считается только номинальнымъ. До полнаго покоренія Сибири было еще далеко. За это время и отношенія многихъ угорскихъ князей къ Москвѣ отличались не болѣею прочностью.

Теперь посмотримъ, что дѣлалось за то же время во враждебномъ Едигеру лагерѣ Кучума. Мы сказали, что по происхожденію онъ былъ Шейбанидъ, сынъ Муртазы, внукъ извѣстнаго Ивака, почему въ источникахъ и называется „шибанскимъ царевичемъ“, а потомъ и „царемъ“. Какъ представитель династии Чингизидовъ, онъ и называется во всѣхъ источникахъ царемъ-ханомъ или султаномъ, тогда какъ Едигеръ и его предки Тайбугиной династии вездѣ именуются только князьями-

¹⁾ Миллеръ, Описаніе Сибирскаго царства, стр. 73.

²⁾ Исторія Россіи, VI, 410—411.

³⁾ О немъ см. грамоту Строгановымъ, приведенную у Миллера на стр. 85—86. Грамота дана 6-го августа 1572 г.

беками. Лучшее всего генеалогія этихъ двухъ враждебныхъ другъ другу династій разработана въ прекрасномъ трудѣ нашего ориенталиста Вл. Вл. Вельяминова-Зернова: „Изслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ“ (С.-Пб., 1864 г.) ¹⁾, къ которому и отсылаемъ читателя за подробностями. Мы же остановимся на политическихъ отношеніяхъ Кучума къ Едигеру и затѣмъ къ Іоанну IV.

Кучумъ жестоко отомстилъ Едигеру за смерть своего дѣда Ивака, павшаго отъ руки Махмета. Внуки рассчитали за честь своихъ дѣдовъ. Отъ Москвы Едигеръ не получилъ никакой помощи и около 1563 г. вмѣстѣ съ роднымъ братомъ Бекбулатомъ трагически погибъ отъ руки безпощаднаго врага. Въ Искерѣ, на высокомъ берегу Иртыша, взылось знамя Шейбанидовъ. Только сынъ Бекбулата, Сейдякъ, спасся отъ смерти, да нѣкоторые подручные Едигеру мурзы крѣпко засѣли въ своихъ городахъ, рѣшившись защищаться до послѣдней возможности. Одинъ изъ нихъ укрѣпился въ Тюмени (Чинги-Турѣ), другой въ Туринскѣ (Епанчѣ). Они сохраняли свою независимость даже при Кучумѣ. Разные вогульскіе и остяцкіе князья въ первое время также оказали сопротивленіе Кучуму. Таковы особенно были князья Пелымскіе. Но силы Кучума, подкрѣпленные киргизъ-кайсаками или ногаями, сломили упорство отдѣльныхъ противниковъ, не связанныхъ болѣе единствомъ власти и не поддержанныхъ своевременно Москвою. Въ началѣ 1570 годовъ Кучумъ уже прочно утвердился въ Сибири и ввелъ среди татаръ магометанскую вѣру, которая скоро сплотила ихъ въ одинъ политическій союзъ, одушевленный фанатизмомъ. Въ этомъ объединеніи сибирскихъ татаръ ему много содѣйствовалъ родственникъ Магметкулъ ²⁾.

Въ отношеніи же къ Москвѣ Кучумъ первое время держался политики своихъ предшественниковъ Тайбугина рода, а также своихъ дѣда—Ивака-хана и отца—Муртазы. Съ Москвою онъ жилъ сначала мирно, именно по примѣру своего дѣда и отца. Въ первой своей грамотѣ къ Іоанну отъ 1570 г. Кучумъ писалъ, между прочимъ: „Съ нашимъ отцомъ (Муртазоу) твой отецъ (Василій III) гораздо поми-

¹⁾ Особенно см. II томъ, стр. 386—399 объ отношеніяхъ Тайбуги къ Шейбанидамъ, стр. 238—240 объ Ивакѣ, 394—о Муртазѣ и мн. др. Нѣкоторые послѣдователи (напримѣръ, *Миллеръ*, стр. 50) едва ли правильно считаютъ Кучума киргизъ-кайсакомъ.

²⁾ По однимъ извѣстіямъ, это былъ братъ Кучума, по другимъ—сынъ, по третьимъ—племянникъ. Послѣднее считается наиболѣе вѣроятнымъ. См. *Иловай-скаю*, *Исторія Россіи*, т. III, стр. 658; у *Карамзина* см. примѣч. 660 къ IX тому.

рился, и гости на обѣ стороны ходили.... Съ кѣмъ отецъ чей былъ въ недружбѣ, съ тѣмъ и сыну его въ недружбѣ же быть пригоже¹⁾. Обѣ отношеніи его дѣда Ивака, убійцы хана Ахмата, къ Іоанну III мы уже сказали выше: ихъ отношенія также были дружественныя. Однако воинственные наклонности Кучума сказываются въ другихъ словахъ той же грамоты: „А по ся мѣста грамоты къ тебѣ не присылалъ есмь потому, что не съ которымъ (то-есть, съ нѣкоторымъ человѣкомъ) намъ война была, и мы того недруга своего взяли; и нынѣ похощу миру, и мы помиримся, а похощу воеватися—и мы воюемся“. Такой ханъ лишь до поры до времени могъ терпѣть обычное требованіе московской дани: онъ былъ слишкомъ самолюбивъ для этого. Тѣмъ не менѣе о миролюбивыхъ сначала намѣреніяхъ новаго сибирскаго хана говорятъ и рѣчи пермскаго намѣстника Никиты Ивановича Ромодановскаго, воротившагося изъ Перми въ мартѣ 1570 г. Онъ свидѣтельствуетъ, что нѣкто Ивашка Поздѣевъ, взятый въ плѣнъ на Чусовой сибирскими людьми, воротился отъ сибирскаго царя съ извѣстіемъ, что царь этотъ собираетъ дань для государя московскаго, къ которому хочетъ послать ее, но что этому пока препятствуетъ война его съ казацкимъ (то-есть, киргизъ-кайсацкимъ) ханомъ²⁾. „Теперь собираю дань,—говорилъ будто бы Кучумъ русскому человѣку,—къ господарю вашему пословъ отправлю; теперь у меня война съ казацкимъ царемъ (то-есть, киргизъ-кайсацкимъ); одолѣетъ меня царь казацкій, сядетъ на Сибирь, но и онъ господарю дань станетъ же давать“³⁾. Дѣйствительно, въ 1571 г. отъ Кучума явились въ Москву посолъ Таймашъ и гонецъ Аиса, которые привезли полную дань, согласно съ прежними условіями, заключенными Москвою еще съ Едигеромъ, то-есть, тысячу соболей. Отъ имени сибирскаго царя они снова договариваются о ежегодной дани московскому царю по 1000 соболей и по столько же бѣлокъ⁴⁾. Но дружба Кучума съ Іоанномъ оказалась непродолжительна и объясняется главнымъ образомъ войнами его съ прежними сибирскими владѣтелями и какимъ-то киргизъ-кайсацкимъ ханомъ. Какъ только эти войны кончились въ пользу

¹⁾ Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ, II, стр. 52, № 42.

²⁾ Акты Историческіе, т. I, № 179.

³⁾ Тамъ же и у Соловьева въ Исторіи Россіи VI, 411.

⁴⁾ Собран. госуд. грам. и догов., II, № 45. Съ хронологическими соображеніями П. А. Словцова едва ли можно согласиться. См. „Историч. обозрѣніе Сибири“, С.-Пб., 1886 г., стр. XVI.

Кучума, онъ сбросилъ съ себя маску и, вопреки заключеннаго съ Москвою договора, самъ сталъ дѣйствовать вызывающимъ на войну образомъ. Уже съ слѣдующаго 1572 г. онъ начинаетъ беспокоить сосѣднюю московскую область—Пермь Великую, въ юго-восточномъ углу которой лежали вотчины Строгановыхъ, а по сосѣдству съ ними, къ югу отъ Чусовой, по верховьямъ этой рѣки и въ бассейнѣ ея притока Сылвы, жило много башкиръ, татаръ, остяковъ и вогуловъ. Последніе ограничивали Пермь Великую съ востока и юго-востока въ ближайшемъ сосѣдствѣ Уральскихъ горъ. Все это были сподручные для Кучума элементы населенія, питавшіе непріязнь къ московской власти и, слѣдовательно, склонные къ измѣнѣ при всякомъ удобномъ случаѣ. Ими-то и воспользовался Кучумъ для своей интриги противъ Москвы. Едва ли не безъ его участія въ 1572 г. вспыхнулъ извѣстный черемисскій бунтъ. По крайней мѣрѣ, его можно считать подстрекателемъ черемисъ, владѣнія коихъ были на Чусовой и Камѣ. Въ одной грамотѣ Строгановымъ отъ мая 30-го 1574 г. мы читаемъ: „а къ нашимъ де измѣнникамъ, къ черемисѣ, какъ намъ была черемиса измѣнила, посылалъ сибирской чрезъ тахчей и перевелъ тахчей къ себѣ“ (*Миллеръ*, стр. 87). Далѣе мы увидимъ, что вогульская область Тахчей лежала на верхней Тавдѣ, на старой сибирской дорогѣ изъ-за Урала на р. Каму. Потому въ сообщеніи грамоты нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ черемисы взбунтовались на Камѣ, у Кучума отношенія съ Москвою тогда еще не были прерваны и посылать своихъ людей чрезъ Тахчей онъ имѣлъ возможность. Другой дороги къ р. Камѣ онъ и не зналъ, судя по тому, что въ 1573 году, по словамъ той же грамоты 1574 года, Магисткулъ приходилъ на Чусовую, „собрался съ ратью дорогъ провѣдывати, куды идти ратью въ Пермь“.

Черемисскій бунтъ на Камѣ прежде всего угрожалъ Строгановымъ, вотчины которыхъ лежали по берегамъ этой рѣки и могли подвергнуться разоренію. Поэтому въ іюлѣ 1572 г. тогдашній великопермскій воевода князь Иванъ Юрьевичъ Булгаковъ послалъ въ Москву съ своимъ человѣкомъ Иваномъ Борисовымъ челобитную, въ которой доносилъ царю „о вѣстяхъ про черемисской приходѣ на торговыхъ людей суды на Камѣ“, и о томъ, что отъ 15-го іюня онъ получалъ письмо съ устья Камы отъ Строгановскаго человѣка Третьячка, въ которомъ говорилось: „приходили де измѣнники черемиса на Каму 40 человѣкъ, да съ ними де остяки и башкирцы и буннцы войною, и побили де на Камѣ пермичъ торговыхъ людей и вотащиковъ 87 че-

ловѣкъ" ¹⁾. Въ виду важности донесенія воеводы Булгакова, царь немедленно отправилъ въ Пермь, въ Орель-городокъ („въ слободку на Каму“) грамоту отъ 6-го августа 1572 года на имя Якова и Григорія Аникіевичей Строгановыхъ, въ которой повелѣвалъ имъ: „жить съ великимъ береженіемъ, выбравъ у себя голову добра, да съ нимъ охочихъ казаковъ, сколько приберется, со всякимъ оружіемъ, съ ружьицами и съ сайдаки; да и остяковъ и вогуличъ, которые намъ пріямъ, съ охочими казаки, которые отъ насъ не отложились, велѣли прибрать.... А какъ голову выберете, да и охочихъ людей стрѣльцовъ и казаковъ велѣли написать въ списокъ; а сколько остяковъ и вогуличъ охочихъ людей соберется, и вы-бъ то велѣли жъ написать на списокъ же, по именомъ написать.... да оставя у себя противень, а съ того именного списка списавъ, прислать за своею рукою и печатью, съ кѣмъ будетъ пригоже, къ намъ на Москву въ приказъ Казанскаго дворца къ дьякамъ нашимъ Андрею Щелкалову да къ Кирею Горину, чтобъ намъ про тотъ ихъ сборъ было вѣдомо“. Всѣ подчеркнутыя слова грамоты очень важно имѣть въ виду при дальнѣйшихъ нашихъ объясненіяхъ событій. Далѣе царь писалъ Строгановымъ: „Да тѣ бы есте головы съ охочими людьми съ стрѣльцы, и съ казаки, и съ остяки, и съ вогуличи посылали войною ходить и воевать нашихъ измѣнниковъ—на черемису, и остяковъ, и на во-тяковъ, и на нагай, которые намъ измѣнили, отъ насъ отложились“. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается предупрежденіе, чтобы охочіе люди тѣхъ измѣнниковъ одиночно не воевали, но вмѣстѣ съ выборнымъ головой и людьми Строгановыхъ, а чтобы жены и дѣти оставались въ острогѣ. Наконецъ, въ грамотѣ замѣчено: „А которые (измѣнники) будутъ и поворовали, а нынѣ похотятъ намъ пріямъ и правду свою показуть, и вы-бъ имъ велѣли говорить и приказывать наше жаловальное слово, что мы имъ пожалуемъ, пеня имъ отдадимъ, да и во всемъ имъ полегчимъ, а они бы намъ тѣмъ правду свою показали, чтобъ своими головами собрався, съ охочими ходили вмѣстѣ воевати нашихъ измѣнниковъ,.... а котораго повоюють, и тому того животь, а жены ихъ и дѣти имъ въ работу“ (Миллеръ, стр. 86).

Заручившись такою грамотой, благодаря великоперскому воеводѣ

¹⁾ Изъ грамоты Строгановымъ отъ 6-го августа 1572 года, напечатанной у Миллера въ Опис. Сиб. царства, 1750 г., стр. 85. Въ Строгановской лѣтописи допущена путаница фактовъ: тамъ сказано, что 15-го іюля 1572 г. черемисы будто бы были уже въ Пермь, гдѣ около Канкора и Кергедана побили русскихъ 87 человекъ. Въ дѣйствительности этого не было.

Булгакову, Строгановы поступили во всемъ согласно волѣ царя. Черемисскій бунтъ былъ прекращенъ безъ особеннаго ущерба для Перми Великой. Но въ грамотѣ 1572 г. Строгановы нашли себѣ урокъ для будущихъ дѣйствій: она впервые поселила въ нихъ мысль о призывѣ казаковъ въ случаѣ надобности на будущее время. Обѣщая отъ имени царя полное прощенье всѣмъ измѣнникамъ его, въ случаѣ раскаянія и готовности загладить свои прежнія вины вѣрной службой царю, грамота 1572 г. впоследствии навела Строгановыхъ на мысль тайно пригласить къ себѣ охочихъ казаковъ для завоеванія Сибиря, а Ермаку и его товарищамъ подала мысль бить челомъ Іоанну всѣмъ Сибирскимъ царствомъ, чтобы заслужить себѣ прощенье. Нѣтъ сомнѣнія, что, призывая съ Волги казаковъ, Строгановы показали имъ эту грамоту, чего не могло бы быть, еслибы казаки самовольно вторгнулись въ ихъ вотчины на Камѣ. Но подробности скажемъ объ этомъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь возвратимся къ сибирскимъ дѣламъ Кучума и Строгановыхъ, какъ они слѣдовали по порядку времени.

Мы видѣли, какое пестрое населеніе жило вокругъ и частію въ самой Перми Великой. Всѣ эти элементы населенія легко было привлечь на сторону магометашъ, тѣмъ болѣе, что и раньше они не были особенной привязанности къ русской власти. Самъ Кучумъ, занятый внутренними дѣлами своей пестрой орды, большею частью жилъ въ Искерѣ, а вылазки противъ Перми Великой предоставлялъ Магметкулу. Дѣйствія этого Магметкула и отношенія его къ соседнимъ съ Пермью инородцамъ подробно обрисовываются въ жалованной Якову и Григорію Анніевымъ Строгановымъ грамотѣ отъ 30-го мая 1574 г. ¹⁾ Грамота эта дана была Строгановымъ вслѣдствіе ихъ челобитной, въ которой они, жалуясь на безпокойныхъ сибирскихъ людей, просили у царя дозволенія „на Тахчей и на Тоболѣ рѣкѣ и кои въ Тоболѣ рѣку озера падуть, и до вершинъ на усторожливомъ мѣстѣ освободити крѣпости дѣлати, и сторожей наймовати, и вогнянной нарядъ держати собою, и желѣзо дѣлати, и пашни пахати и угодыя владѣти. А кои остяки отъ Сибирсково (хана) отступятъ и (царю) дань давати учнутъ, и тѣхъ бы остяковъ отъ Сибирсково обороняти“. Въ началѣ же челобитной Строгановы заявляли, что въ государевой „отчинѣ за Югорскимъ каменемъ, въ Сибирской украинѣ, межъ Сибири и Нагай Тахчей и Тоболѣ рѣка съ рѣками и съ озерами и до вершинъ, гдѣ собираются ратные люди сибирсково салтана

¹⁾ Напечатана у Миллера въ Описаніи Сибирск. царства, стр. 87—90.

да ходять ратью. А въ восемьдесятъ де первомъ году (1573) о Ильинѣ дни съ Тобоя де приходилъ Сибирскова салтана братъ Маметкулъ, собрався съ ратью дорогъ провѣдывати, куды идти ратью въ Пермь, да многихъ де (нашихъ¹⁾) данныхъ остяковъ побили, а жены ихъ и дѣти въ полонъ повели, а посланника (нашего) Третьяка Чебукова и служилыхъ татаръ, кои шли въ Казацкую орду, Сибирской же побилъ, а до ихъ острогу, гдѣ за ними (наше) жалованье промыслы ихъ (вѣроятно, Нижній Чусовской городокъ), Сибирской не доходилъ за пять верстъ". Далѣе челобитчики-Строгановы писали царю: „Да и прежде того (то-есть, до 1573 г.) Сибирской же салтанъ ратью (нашихъ) данныхъ остяковъ Чагиря съ товарищи побилъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ ихъ Яковлевъ да Григорьевъ промыслъ. А иныхъ данщиковъ (нашихъ) Сибирской имаетъ, а иныхъ и убиваетъ, а не велитъ (нашимъ) остякамъ и вогуличамъ и югричамъ (нашимъ) дани въ (нашу) казну давати, да и на рать съ собою емлетъ насильствомъ въ судѣхъ воевати югричь тѣхъ же, остяковъ и вогуличъ, а къ (нашимъ де) измѣнникомъ къ черемисѣ, какъ намъ была черемисы измѣнила, посылалъ Сибирской черезъ Тахчей, и перевелъ Тахчей къ себѣ, а прежде сего тахчевы намъ дани и въ Казань ясаковъ не давали, а давали де ясакъ въ Нагай; а которые живутъ остяки кругъ тахчей, и тѣ остяки приказываютъ, чтобъ имъ (наша) дань давати, какъ иные наши остяки дань даютъ, а Сибирскому-бъ дани и ясаковъ не давати, и отъ Сибирсково-бъ ся имъ оборонити за одно" (Миллеръ, стр. 87).

Челобитная братьевъ Строгановыхъ такимъ образомъ довольно ясно указываетъ тогдашнее положеніе дѣлъ въ Сибири. Кажется, и само московское правительство кое-что впервые узнало только изъ этой челобитной. Въ виду важности дѣла, Іоаннъ IV, прежде дарованія Строгановымъ грамоты на просимыя въ Сибири мѣста, послалъ имъ въ Пермь Великую указъ отъ 12-го марта 1574 г., коимъ повелѣвалось братьямъ Строгановымъ немедленно явиться въ Александровскую слободу для личныхъ объясненій съ царемъ, для чего дана была имъ и особая подорожная на 2 лошади²). Старшій братъ Яковъ Аникиевичъ Строгановъ († 1579 г.) жилъ тогда въ Чусовскомъ городкѣ,

¹⁾ Въ челобитной Строгановыхъ вмѣсто слова *наши* (поставленнаго въ грамотѣ) вездѣ, конечно, стояло слово *исударствъ*, почему мы вездѣ и заключаемъ его въ скобки.

²⁾ Изъ имѣющихся у меня рукописныхъ замѣтокъ О. А. Воегова.

а другой братъ Григорій († 1578 г.). — въ Орлѣ. городкѣ на Камѣ Іоаннъ. видимо, удовлетворился личными объясненіями братьевъ Строгановыхъ и 30-го мая того же 1574 г. далъ имъ весьма важную грамоту на земли за Ураломъ. Въ виду исторической важности заключающихся въ грамотѣ условій пожалованія, мы опять позволимъ себѣ подробно указать ихъ. Царь пожаловалъ Строгановымъ слѣдующія права въ дополненіе прежнихъ своихъ грамотъ, данныхъ имъ на земли въ Пермь Великой въ 1558 и 1568 гг. ¹⁾: 1) „на Тахчейхъ и на Тоболѣ рѣкѣ крѣпости имъ подѣлати, и снаряжь вогненой и пушкарей и пищальниковъ и сторожей отъ сибирскихъ и отъ ногайскихъ людей держати, и около крѣпостей у желѣзнаго промысла и у рыбныхъ ловель и у пашень по обѣ стороны Тобола рѣки и по рѣкамъ (то-есть, притокамъ Тобола) и по озерамъ и до вершинъ дворы ставити, и лѣсъ сѣкти, и пашни пахати, и угоды владѣти: а людей называти не письменныхъ и не тяглыхъ“. 2) „А воровъ имъ и боярскихъ людей бѣглыхъ съ животы и татей и разбойниковъ не называти и никакихъ воровъ не держати, и отъ всякаго лиха беретчи“. 3) „А гдѣ въ тѣхъ мѣстѣхъ найдутъ руду желѣзную, и имъ руда дѣлати, а мѣдяну руду или оловянную, свинчатую и сѣры горючія гдѣ найдутъ, и тѣ руды на испытъ дѣлати“, при чемъ дозволялось искать руды и другимъ желающимъ взяться за такое дѣло и, въ случаѣ успѣха, платить за то оброкъ по указу. 4) „А льготы на Тахчей и на Тоболѣ рѣку съ рѣками и съ озерами и до вершинъ на пашни дали есьми отъ Троицына дни лѣта 7082 (1574) до Троицына дни лѣта 7102 (1594) году на 20 лѣтъ“. 5) „И въ тѣ льготныя лѣта съ тѣхъ мѣстъ не надобѣ моя царя и великаго князя дань, ни ямскіе, ни ямчужные деньги и посошная служба, ни городовое дѣло, ни иные ни которые подати, ни оброкъ съ ихъ промысловъ и угодей въ тѣхъ мѣстахъ до урочныхъ лѣтъ“. 6) „А будетъ въ тѣхъ мѣстахъ старыя села и деревни и починки и въ нихъ жильцы, и Якову и Григорью въ тѣ мѣста не вступатись, а быти тѣмъ по старому въ тяглѣ и по всякихъ напихъ податѣхъ“ ²⁾. 7) Въ другихъ же городахъ Строгановымъ и ихъ людямъ со всякихъ

¹⁾ Объ этихъ первыхъ пожалованіяхъ см. мою „Пермскую Старину“, вып. I, стр. 101—102. Грамота отъ 4-го апрѣля 1558 г. вполне напечатана мною въ IV выпускѣ того же изданія.

²⁾ Въ грамотѣ 1558 г. на земли по р. Камѣ было поставлено такое же условіе, но Строгановы его безнаказанно нарушали. См. „Пермскую Старину“, I, 98—99; IV, 109.

товаровъ „пошлины давати, какъ и съ иныхъ торговыхъ людей, по нашимъ указамъ“. 8) „А кои остяки и вогуличи и югричи отъ Сибирсково отстануть и почнутъ намъ дань давати, и тѣхъ людей съ данью посылати къ нашей казнѣ самихъ“, а если этого нельзя, то присылать дань съ довѣренными Строгановыхъ и такихъ „остяковъ и вогуличъ и югричъ и съ жены ихъ и съ дѣти отъ сибирцовъ отъ ратныхъ приходу беретчи Якову да Григорью у своихъ крѣпостей, а на Сибирсково Якову и Григорью собирая охочихъ людей и остяковъ и вогуличъ и югричъ и самоедъ съ своими наемными казаки и съ нарядомъ своимъ посылати воевати и въ полонъ сибирцовъ имати, и въ дань за насъ приводити“. 9) Заѣзжимъ торговымъ людямъ бухарцамъ и изъ „Казацкіе орды“, то-есть, Киргизъ-Кайсацкой, „и изъ иныхъ земель“ дозволялось торговать въ Строгановскихъ городкахъ беспошлинно. 10) „И наши пермскіе намѣстники и ихъ тиуны Якова да Григорья и ихъ слободы людей не судить ни въ чемъ, ... а вѣдаютъ и судятъ Яковъ да Григорей своихъ слобожанъ сами во всемъ, или кому прикажутъ“. 11) По дѣламъ уголовнымъ „на Якова да на Григорья имати управныя грамоты у бояръ и у дьяковъ нашихъ, а по тѣмъ управнымъ грамотамъ обоемъ—ищущимъ и отвѣтчикомъ безприставно ставиться на Москвѣ предъ нами на тотъ же срокъ на Троицынъ день“. 12) „А какъ урочныя лѣта отойдутъ, и Якову да Григорью наши всѣ подати велѣти возити въ Москву въ нашу казну на срокъ на Троицынъ день по книгамъ, чѣмъ ихъ наши писцы обложать“. 13) „Коли они (Яковъ да Григорій), или ихъ люди, или ихъ слободы крестьяне поѣдутъ отъ Вычегодскіе Соли мимо Пермь на Тахчей въ слободу, или изъ слободы къ Вычегодской Соли, и наши пермскіе намѣстники и ихъ тиуны и доводчики и всѣ приказные люди въ Пермѣ (то-есть, въ Чердыни) Якова и Григорья и ихъ людей... не судятъ ни въ какихъ дѣлахъ“. 14) При проѣздѣ царскихъ пословъ съ Москвы въ Сибирь или въ Казацкую орду чрезъ крѣпость Строгановыхъ и обратно, Яковъ и Григорій не должны имъ давать подводъ и кормоваго довольствія въ теченіе 20 льготныхъ лѣтъ. 15) „На Иртышѣ и на Обѣ и на иныхъ рѣкахъ, гдѣ пригодится для береженья, и охочимъ на опочивъ крѣпости дѣлати, и сторожей съ вогненнымъ нарядомъ держати, и изъ крѣпости рыба и звѣрь ловити безоброчно до тѣхъ же урочныхъ лѣтъ“.

Эта замѣчательная грамота была дана Строгановымъ въ Александровской слободѣ, близъ Москвы, 30-го мая 1574 года за подписью дьяка Петра Григорьева. Царь далъ братьямъ Строгановымъ

даже больше, чѣмъ они просили. За исключеніемъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ опредѣляются ихъ отношенія къ царю сибирскому, грамота 80-го мая 1574 г. есть почти дословное повтореніе первой грамоты Іоанна отъ 4-го апрѣля 1558 г. на земли по Камѣ, ниже Чердыни. Она опять давала Строгановымъ широкое право занять огромное пространство въ Сибири, а именно весь бассейнъ р. Тобола, съ устьевъ и до вершинъ его, включая всѣ его притоки и не стѣняясь, въ случаѣ надобности, расширеніемъ своихъ владѣній по берегамъ Иртыша и Оби. Короче сказать, она отдавала въ руки Строгановыхъ почти все тогдашнее царство Кучума. Безъ всякихъ съ своей стороны затратъ правительство думало не только уничтожить враждебное ему Сибирское царство, но и колонизировать обширный край русскими людьми, оживить его промышленной и торговой дѣятельностью, чтобы со временемъ извлекать изъ этого края свои выгоды. Въ 1558 г. тѣ же самыя права и на тѣхъ же условіяхъ предоставлены были Строгановымъ на Прикамскія земли въ Пермь Великой. Въ другомъ мѣстѣ мы видѣли ¹⁾, какъ широко воспользовались Строгановы подобными правами въ Пермскомъ краѣ, который они, сравнительно въ очень короткое время, дѣйствительно оживили и сдѣлали источникомъ крупныхъ доходовъ для русской казны. Далекое не съ тѣмъ успѣхомъ воспользовались Строгановы такими же правами въ Сибири, чему причиною послужили политическія обстоятельства того времени въ „Сибирской украинѣ“, а главное самовольный призывъ Ермака Строгановыми, о которомъ мы уже подробно говорили ²⁾, который былъ нарушеніемъ втораго пункта грамоты 1574 г. и вызвалъ со стороны Іоанна IV справедливое негодованіе на Строгановыхъ. Вглядимся поближе во всѣ подробности этого дѣла, имѣвшаго чрезвычайно важныя послѣдствія для нашего государства на его восточныхъ окраинахъ.

Мы знаемъ, что съ Печоры за Уралъ въ XV вѣкѣ и позже шло три пути въ земли самоѣдовъ, югры, вогуличей и остяковъ,—шло по правымъ притокамъ Печоры—Усѣ, Щугору и Илычу. Но въ Сибирь въ XVI вѣкѣ шла съ бассейна Камы единственная, признанная нашимъ правительствомъ „государева“ дорога; другія если и были, то считались тогда запретными, но отсутствію на нихъ таможенъ для взиманія торговыхъ пошлинъ въ пользу казны. Эта единственная дорога

¹⁾ „Пермская Старица“, вып. I и II.

²⁾ „Пермская Старица“, вып. IV, 29—63.

до 1597 года шла окольно отъ Соликамска мимо Чердыни водой по р. Вишерѣ вверхъ, чрезъ Уралъ, на рѣки Лозьву, далѣе на Тавду до Тобола и вверхъ Тоболомъ до Туры, по которой достигали Тюмени (татарскаго Чинги-Тура) ¹⁾. Въ грамотѣ отъ 6-го января 1617 года соликамскому воеводѣ Богдану Лупандину объ этой старой дорогѣ сказано: „А прежде того въ Сибирь была дорога окольная отъ Соли Камской мимо Чердынъ водянымъ путемъ Вишерою рѣкою вверхъ, да черезъ Камень въ Лозву рѣку, да Лозвою внизъ въ Тавду рѣку, да Тавдою рѣкою внизъ до Тобола рѣки, а Тоболомъ вверхъ до усть Туры рѣки, а Турою вверхъ до Тюменскаго города. И тою де дорогою хаживала наша денежная и соболиная казна и хлѣбныя запасы, по смѣтѣ съ двѣ тысячи верстъ“ ²⁾. Зимомъ этотъ путь нѣсколько сокращался: съ Тавды ѣздили прямо тюменскимъ волокомъ далѣе на сѣверо-западъ „въ Вогуличи и въ Сылву“ (притокъ Чусовой). Объ этомъ волокѣ и дальнѣйшемъ пути въ Сылву упоминается въ древнѣйшей великопермской уставной грамотѣ начала XVI вѣка ³⁾. Этимъ направлениемъ старой сибирской дороги и объясняется выборъ мѣста для русскаго города Лозьвы, основаннаго на рѣкѣ того же имени около 1590 года. Этотъ путь по своей отдаленности и трудности перехода черезъ Уралъ былъ весьма неудобенъ, почему вскорѣ по построеніи города Лозьвы явилась мысль построить новый русскій городъ на мѣстѣ вогульского городка Неромкарра на р. Турѣ, каковой въ 1598 г. и возникъ дѣйствительно подъ именемъ Верхотурья. Но еще до постройки послѣдняго, въ 1595 г., послѣдовалъ указъ царя Феодора Иоанновича, коимъ повелѣвалось охочимъ людямъ „проставлять прямую дорогу на р. Туру“. Соликамскій крестьянинъ Артемій Сафоновъ Бабиновъ вскорѣ же указалъ другую, ближайшую дорогу прямо отъ Соликамска чрезъ Уралъ къ р. Турѣ; онъ получилъ за это вотчину на р. Яйвѣ и царскую жалованную грамоту, слова изъ коей мы и привели выше. По новой дорогѣ было „отъ Соли отъ Камскіе до новаго города до Верхотурья 263 версты“ ⁴⁾. Съ постро-

¹⁾ Объ этомъ пути см. „Пермск. Стар.“, I, 42.

²⁾ Миллеръ, Опис. Сиб. царства, стр. 392.

³⁾ Напечатана въ приложеніяхъ къ I вып. „Пермск. Стар.“, гдѣ см. стр. 192. На Сылву ѣздили, вѣроятно, и прямо изъ Чердыни чрезъ вотчины Строгановыхъ.

⁴⁾ Подробное описаніе новой сибирской дороги см. въ грамотѣ отъ 22-го апрѣля 1599 г. „въ новой городъ на Верхотурьѣ Василію Петровичу Головину“ (Миллеръ, стр. 330—331).

еніемъ Верхотурья, городъ Лозьва былъ упраздненъ, просуществовавъ только 8 лѣтъ.

Братья Строгановы получили царскую грамоту на земли за Ураломъ въ 1574 г., слѣдовательно, при существованіи еще старой сибирской дороги. По направленію этого-то стараго пути они и начали колонизировать вновь пожалованныя за Ураломъ земли, начиная съ Лозьвы, южной Сосьвы и ихъ притоковъ. Какъ было и на Камѣ, они въ этомъ случаѣ пользовались правомъ занимать земли порѣкамъ съ ихъ устьевъ и до вершинъ, а рр. Тавда, Лозьва, южная Сосьва, Тура и др. принадлежали къ системѣ Тобола, на который они получили право владѣнія. Словомъ, Строгановы начали дѣйствовать за Ураломъ точно также, какъ раньше дѣйствовали на р. Камѣ, въ Пермь Великой ¹⁾. Еслибы и здѣсь имъ суждено было столь же широко распространить свою колонизаторскую дѣятельность, то этому не помѣшали бы прежнія поселенія, кои имѣли встрѣтиться имъ на пути: на притокахъ Камы они сумѣли же постепенно захватить въ свои руки многія старинныя поселенія чердынцевъ и усольцевъ, вопреки грамотѣ 1558 г. и при поддержкѣ подкупныхъ великопермскихъ воеводъ. Въ Сибири они тѣмъ болѣе не постѣснились бы прибѣгнуть къ такимъ способамъ „самоводворенія“. Въ 1574 г. тамъ еще не было ни одного русскаго воеводы; вновь пожалованныя земли считались въ вѣдѣніи тѣхъ же великопермскихъ намѣстниковъ, жившихъ въ Чердыни, которые и за 80 верстъ отъ своей резиденціи дозволяли Строгановымъ безнаказанно чинить всякія самоуправства ²⁾. Словомъ, въ Сибири Строгановыхъ ожидало полное принолье, полный просторъ для ихъ колонизаторской дѣятельности.

Строгановы начали колонизацію вновь пожалованныхъ за Ураломъ земель по направленію старой сибирской дороги съ самаго выхода ея изъ ущельевъ Уральскихъ горъ. Прежде всего они утвердились на верхней Лозьвѣ и ея притокахъ Ивделѣ и Большой Вольѣ ³⁾, откуда перешли на верховья южной Сосьвы, самаго значительнаго праваго притока Лозьвы. На одномъ изъ самыхъ верхнихъ притоковъ Сосьвы Вагранѣ и при озерѣ того же имени, переименованномъ рус-

¹⁾ См. мою „Пермск. Стар.“, вып. I, стр. 98—103.

²⁾ О злоупотребленіяхъ воеводъ, тиуновъ и доводчиковъ въ Пермь Вел. см. тамъ же, стр. 173—181.

³⁾ Впоследствии здѣсь возникла такъ называемая Заозерская дача гг. Всеволожскихъ, о которой см. у Чупина „Географич. и стат. словрь Пермской губ.“ стр. 496 и слѣд.

скими въ Крылышково озеро, Строгановы нашли серебряную руду, что доказывается наименованіемъ одной изъ береговыхъ возвышенностей по р. Ваграну „Серебрянымъ“ камнемъ или рудникомъ ¹⁾. Съ рѣки Сосьвы они перешагнули на верховья р. Туры, гдѣ ихъ ожидали богатые желѣзные рудники ²⁾. Вѣроятно, на всѣхъ указанныхъ рѣкахъ по мѣстамъ возникли русскіе починокъ, но названія ихъ намъ неизвѣстны. Коренными же обитателями тѣхъ мѣстъ искони были вогулы; на верхнихъ притокахъ Лозьвы попадались настоящіе югричи, къ востоку отъ нихъ остяки, а на самыхъ горахъ Уральскихъ кое-гдѣ бродили и самоѣды. Потому-то грамота 1574 г. объ этихъ народахъ и дѣлаетъ неоднократную оговорку, ставя рядомъ остяковъ, вогуличей и югричъ. Подвигаясь далѣе на юго-востокъ по старой сибирской дорогѣ, обезпечивая себѣ тылъ устройствомъ маленькихъ поселковъ, Строгановы должны были вступить въ Тахтанскую волость, или вогульскій улусъ, расположенный тогда на нижней Лозьвѣ и верхней Тавдѣ, при сліяніи Лозьвы съ южной Сосьвой, откуда Лозьва и перемѣняетъ свое названіе на Тавду. Этотъ важный гидрографическій пунктъ особенно желали занять Строгановы, и эту-то вогульско-остяцкую Тахтанскую волость или улусъ и слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ Тахчей грамоты 1574 года. На эту мысль наводятъ и этнографическія названія остяковъ, вогуличей, собственно югричей и даже самоѣдовъ, приурочиваемыя въ грамотѣ къ топографическому названію Тахчей ³⁾. Сознавая особенно выгодное географическое положеніе улуса на мѣстѣ соединенія двухъ судоходныхъ рѣкъ, Строгановы сильно добивались правъ на занятіе этой мѣстности и просили у царя дозволенія прежде всего поставить свои крѣпости—одну здѣсь, на Тахчаяхъ, и другую на р. Тоболѣ. Тахчей должны были служить для нихъ ключемъ для завладѣнія всей долиной р. Тавды до самаго Тобола. Въ жалованной грамотѣ 30-го мая 1574 г. на Тахчаяхъ и Тоболѣ рѣкъ упоминается желѣзный промыселъ, который служилъ

¹⁾ Тутъ образовалась Вагранская дача, о коей см. тамъ же, стр. 242 и др. Въ книгѣ Устрялова „Именитые люди Строгановы“, С.-Пб., 1842 г., есть карта владѣній Строгановыхъ, гдѣ показаны обѣ эти дачи.

²⁾ На Верхней Турѣ образовалась Туримская дача, также показанная на упомянутой картѣ Устрялова.

³⁾ Г. Флоринскій въ своей „Замѣткѣ о происхожденіи слова Сибирь“, не принимая ничего этого въ соображеніе, совершенно безосновательно видитъ въ Тахчаяхъ рѣку Течу, притокъ Исети (стр. 8), гдѣ мы встрѣчаемъ въ XVI вѣкѣ совѣтъ другой составъ населенія. Въ историческихъ разсужденіяхъ этого ученаго мы вообще встрѣчаемъ очень много странностей.

для Строгановыхъ сильною приманкою. Въ нѣкоторыхъ спискахъ житія св. Трифона Вятскаго упоминается „сѣкира такціанскаго желѣза“. которою было срублено священное дерево остяковъ на Камѣ ¹⁾. Очень возможно, что тутъ говорится о желѣзѣ съ Тахчей, и что это слово не есть испорченное слово „италианскій“. Кромѣ торгово-промышленныхъ соображеній, Строгановы ижѣли въ виду и стратегическія, наставляя предъ царемъ на отдачу имъ Тахчей. Но и Кучумъ, который въ 1573 г. „провѣдывалъ“ чрезъ Маметкула, „куда идти ратью въ Пермь“, хорошо понималъ всѣ выгоды положенія этого мѣста на главной дорогѣ въ Русь, а потому „и перевелъ Тахчей къ себѣ“, какъ заявляли Строгановы въ челобитной Іоанну, но жившіе „кругъ Тахчей“ остяки тянули къ Москвѣ, съ которой знакомы были раньше. Въ той же челобитной говорится, что Тахчей давали прежде ясакъ въ Нагаи, изъ чего заключить должно, что этотъ улусъ въ началѣ XVI вѣка уже состоялъ въ зависимости отъ туринскихъ татаръ, средоточіемъ которыхъ былъ городъ Тюмень и стоявшій выше его по Турѣ городъ Енапча (Туринскъ русскихъ). Словомъ, всѣ данныя заставляютъ видѣть въ Тахчехъ не иное что, какъ Тахтанскій улусъ, упоминаемый въ нѣкоторыхъ старинныхъ актахъ Сибири, напримѣръ, въ отпискѣ тобольскаго воеводы князя Катырева-Ростовскаго къ воеводѣ тюменскому Матвѣю Годунову 1612 г. ²⁾. Но названія Тахчей, кромѣ грамоты 1574 г., мы болѣе не встрѣчаемъ ни въ одномъ старинномъ документѣ.

Какъ ни добивались Строгановы обладанія Тахчехами и Тоболомъ, но не успѣли осуществить своего замысла даже съ царскою грамотою въ рукахъ. Политическія обстоятельства того времени круто повернули не въ ихъ пользу, противъ ихъ ожиданія. Имъ пришлось волей-неволей отказаться отъ всѣхъ видовъ своихъ на обширныя земли въ Сибири и со-временемъ потерять даже тотъ клочекъ земли, который они успѣли занять на сѣверъ нынѣшняго Верхотурскаго уѣзда. Перейдемъ теперь къ изложенію дальнѣйшихъ фактовъ изъ жизни Кучума.

Мы видѣли, что въ 1573 г. Маметкулъ подступалъ къ Чусовскому городку Якова Строганова, побилъ многихъ остяковъ, платив-

¹⁾ Объ этомъ подробно говорится въ моей статьѣ о св. Трифонѣ во II вып. *Трудовъ Пермск. Ученой Архивной Коммиссіи*, стр. 30 и др.

²⁾ См. ее въ „Русской Историч. Библіотекѣ“, т. II, ст. 287. О Тахтанской волости упоминаетъ *Носицкій* въ „Описаніи о народѣ остякомъ“, стр. 89. См. о ней также въ сочиненіи *Бущинскаго*: „Заселеніе Сибири“, Харьковъ, 1889 г., стр. 9.

шихъ дань московскому царю, и умертвилъ отправленнаго къ киргизъ-кайсакамъ отъ Іоанна IV посланника его Третьяка Чебукова. Такой образъ дѣйствій былъ прямымъ вызовомъ къ войнѣ со стороны Кучума, не смотря на его прежнія миролюбивыя заявленія. Полнаго разрыва съ Москвой на этотъ разъ, однако, не послѣдовало, при отдаленности Москвы отъ Сибири и отсутствіи въ Перми значительнаго войска на случай войны, какъ подъ руками великопермскаго воеводы, такъ и у Строгановыхъ, у коихъ въ 1579 г., по писцовой книгѣ Яхонтова, все мужское тяглое населеніе вотчинъ было около 400 человекъ¹⁾. Съ своей стороны Кучумъ, какъ видно, не могъ еще вполнѣ полагаться на вѣрность ему всѣхъ сибирскихъ инородцевъ, какъ убѣждаетъ въ томъ образъ дѣйствій остяковъ, жившихъ вокругъ Тахчей и не порывавшихъ своихъ связей съ Москвой. Кучумъ зналъ о мирныхъ отношеніяхъ между Москвой и ногаями, почему и самъ позаботился стать въ близкіи отношенія къ ногаямъ, женивъ сына своего Алея на дочери ногайскаго князя Тинъ-Ахмата въ 1577 г.²⁾ На случай войны съ Москвою родственныя отношенія сибирскаго князя къ ногаямъ были, конечно, въ интересахъ перваго, и женитьба Алея на ногайской княжнѣ, вѣроятно, устроена была изъ политическихъ соображеній. Только указанные обстоятельства въ царствѣ Кучума и съ другой стороны отдаленность Москвы отъ Сибири, неподготовленность ея къ войнѣ на востокъ и осложнившіяся отношенія ея къ Ливоніи на западѣ, дошедшія тамъ до войны, неудачной для русскаго оружія, могли кое-какъ продлить номинально-мирныя отношенія Москвы къ Кучуму до начала 1580-хъ годовъ.

Между тѣмъ Строгановы сильно озабочены были выполненіемъ добровольно взятой на себя трудной задачи—колонизировать Сибирь въ столь тревожное время, сдѣлать это безъ матеріальной поддержки правительства, одними собственными средствами. Нужно было имѣть много рѣшительности, чтобы при небольшомъ числѣ людей, которыми они могли располагать, вызваться на такую миссію. Или они имѣли въ виду свой удачный опытъ подобной колонизаціи на Камѣ и Чусовой при поддержкѣ великопермскихъ намѣстниковъ? Но въ Перми Великой имъ легко было справиться съ иньвенскими пермяками, народомъ мирнымъ, исключая крайне рѣдкихъ случаевъ, не проявляв-

¹⁾ „Перм. Старина“, вып. I, 116, и вып. IV, 61.

²⁾ Карамзинъ, т. IX, 378, и примѣч. къ нему 658, гдѣ есть ссылка на дѣла ногайскія.

лими воинственнымихъ наклонностей ¹⁾. Не то было за Ураломъ, среди угуровъ и татаръ, отличавшихся прямо противоположнымъ характеромъ. Тутъ Строгановы скоро убѣдились, что они имѣютъ дѣло съ людьми иныхъ понятій, привычекъ и традицій, очень устойчивыхъ, какъ дики ни были какіе нибудь вогуличи и татары въ долинахъ Лозьвы и Тавды. Къ тому же нельзя было забывать и грозной силы, стоявшей за ними на берегахъ Иртыша и Тобола подъ знаменемъ Кучума. Какъ ни желали Строгановы занять Тахчеи, но предупредившій ихъ Кучумъ сталъ твердою ногою на Тавдѣ и лишилъ ихъ возможности подвигаться далѣе, въ глубь Сибири, по направленію старой Сибирской дороги изъ Руси. Силы его и Строгановыхъ были слишкомъ неравны, и послѣднимъ необходимо было прибѣгать къ наемной силѣ, если они не желали отступаться отъ правъ, дарованныхъ имъ царскою грамотою 1574 года. Но такой отказъ съ ихъ стороны также былъ бы неудобенъ, такъ какъ Строгановы сами просили царя о пожалованіи землями въ Сибири, да и самолюбіе ихъ едва ли бы позволило сдѣлать столь малодушный шагъ назадъ. Такимъ образомъ Строгановы оказались въ крайне затруднительномъ положеніи, выходъ изъ котораго они должны были найти во всякомъ случаѣ безъ матеріальной поддержки правительства, такъ какъ при ней потеряли бы смыслъ предоставленныя имъ царскою грамотою широкія льготы по владѣнію обширными землями въ Сибири. Строгановы по примѣру 1572 года могли, положимъ, просить царя опять дозволить имъ набрать охочихъ казаковъ, которые отъ царя не отложились, то-есть, не вольныхъ, а домовыхъ, но, впервыхъ, много людей, на примѣръ, до 500 человекъ, царь не позволилъ бы имъ набирать изъ опасенія какихъ либо замѣшательствъ на востокъ, гдѣ отношенія съ Кучумомъ и безъ того были непрочны; а, во вторыхъ, по условіямъ 1572 г., все захваченное казаками имущество (животы) побѣжденных поступало въ пользу самихъ казаковъ, а отъ этого не было бы особенной выгоды Строгановымъ. Тогда они стали искать другаго исхода. Окончаніе этого дѣла выпало на долю преемниковъ Якова и Григорія Строгановыхъ, скончавшихся — первый въ 1579, а второй въ 1578 г. ²⁾. Преемниками ихъ по владѣнію землями въ Пермь Великой были: младшій ихъ братъ Семенъ Аникіевичъ, получившій лѣвый берегъ Чусовой и

¹⁾ Только въ общемъ возстаніи 1581 г. они были вовлечены въ смуту другими инородцами.

²⁾ См. родословную ихъ во II вып. „Пермск. Стар.“, стр. 70. По другимъ свѣдѣніямъ, оба брата умерли въ 1578 г. См. въ томъ же изданіи, вып. IV, стр. 87.

Сызу, и сыновья ихъ, племянники Семена, Максимъ Яковлевичъ, получившій правый берегъ Чусовой, и Никита Григорьевичъ, наследникъ Орловскаго округа на р. Камѣ ¹⁾). Впрочемъ, Семень и Максимъ Строгановы въ первое время владѣли землями, повидимому, сообща ²⁾).

Чтобы выйти изъ труднаго положенія, Строгановы рѣшились на смѣлый шагъ: вопреки грамоты 1574 г., воспрещавшей имъ призывать и держать у себя „воровъ и боярскихъ людей бѣглыхъ, и татей, и разбойниковъ“, они рѣшились призвать съ Волги вольныхъ казаковъ. Съ большимъ рискомъ для себя они соблазнились опытомъ 1572 г. съ отступленіемъ отъ прежнихъ условій найма людей. При томъ же, какъ видно, они надѣялись, что, при благосклонномъ отношеніи къ нимъ великопермскихъ воеводъ, свѣдѣніе о самовольномъ призывѣ казаковъ не дойдетъ до царя, какъ осталось неизвѣстнымъ ему въ 1558 г. ложное показаніе царю пермяка Кодаула о полной незаселенности, будто бы, прикамскихъ земель, лежавшихъ южнѣе Чердыни и потому-то отданныхъ тогда во владѣніе Григорію Строганову ³⁾. 6-го апрѣля 1579 г., по свидѣтельству Строгановской лѣтописи, новые владѣтели обширныхъ вотчинъ написали казакамъ на Волгу призывную „грамоту“, приглашая ихъ явиться въ Пермь и принять участіе въ борьбѣ съ Кучумомъ за Ураломъ. Они обѣщали имъ оружіе, продовольствіе и своихъ воинскихъ людей на поддержку въ предстоявшемъ походѣ, а отъ имени царя — полное прощеніе за ихъ вѣрную службу. Что могло быть заманчивѣе этого предложенія для удалаго казака? На призывъ Строгановыхъ немедленно откликнулась храбрая дружина Ермака Тимофеевича, сына „Поволжскаго“, и съ этого момента начались дѣятельныя приготовленія къ знаменитому походу за Уралъ на царя Кучума ⁴⁾.

Есть возможность опредѣлить съ большею или меньшею вѣроятностью и то мѣсто, гдѣ укрывались на Волгѣ до призыва Строгановыми Ермакъ и его боевой товарищъ Иванъ Кольцо. Самымъ удобнымъ притономъ и наблюдательнымъ пунктомъ за плывшими по Волгѣ

¹⁾ См. ту же родословную во II вып. моей „Пермской Старины“.

²⁾ „Пермск. Стар.“, I, 115—116, и IV, 75.

³⁾ О первомъ „пожалованіи“ земель на Камѣ см. подробности въ I вып. „Пермск. Стар.“, стр. 96—103.

⁴⁾ Вопросъ о призывѣ Ермака Строгановыми весьма подробно изслѣдованъ нами по источникамъ въ IV вып. „Пермск. Стар.“, Пермь, 1892 г. О призывѣ Ермака см. у *Карамзина*, т. IX, стр. 380 (изданіе бр. Слѣпниныхъ); у *Соловьева*, VI, 424.

судами служила въ тѣ времена Самарская лука, при которой еще не было тогда города Самары (основана одновременно съ Уфою весною 1656 г. ¹⁾). По ней расположены довольно высокія и утесистыя горы, „подошвы которыхъ изрыты естественными пещерами, а самыя горы въ прежнее время были покрыты непроходимыми лѣсами; въ этихъ лѣсахъ и пещерахъ, отчасти ими самими вырытыхъ, казаки находили для себя надежный и безопасный пріютъ... Между прочимъ, въ нынѣшнихъ селеніяхъ Ермаковкѣ и Кольцовкѣ, находящихся на Самарской лукѣ, признають мѣста, гдѣ нѣкогда жилъ знаменитый Ермакъ Тимофеевичъ и его сподвижникъ Иванъ Кольцо“ ²⁾). Это мѣстное преданіе намъ представляется весьма правдоподобнымъ и по слѣдующимъ соображеніямъ. Извѣстно, что въ юговосточный поворотъ Самарской луки впадаетъ съ правой стороны рѣчка Уса, которая при самомъ впаденіи въ Волгу принимаетъ въ себя ничтожную по величинѣ, но замѣчательную по содержанію соли рѣчку Усолку. „Говорятъ, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ XVII вѣка (1632 г.) подлѣ р. Усолки раскинулись уже поселенія, которыя царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ пожалованы были гостю Надѣю Свѣтешникову, и его сыну Семену“ ³⁾). Это тотъ самый гость Надѣя Свѣтешниковъ или Дѣй Андреевичъ Свитейщиковъ, который около 1640 г. разработывалъ своимъ коштомъ Кушгурскій желѣзный рудникъ въ вотчинахъ Строгановыхъ на р. Яйвѣ, притокѣ Камы, и поставлялъ эту руду на Пыскорскій заводъ, первый горный заводъ въ Пермѣ Великой, существовавшій возлѣ извѣстнаго монастыря того же имени ⁴⁾). Такимъ образомъ въ первой половинѣ XVII вѣка между Самарскимъ Усолемъ и Пермскими вотчинами Строгановыхъ несомнѣнно существовали промышленныя связи. Но, вѣроятно, предприимчивые пермскіе солевары, построившіе на Камѣ Новое Усолѣ и на рѣчкѣ Усолкѣ, притокѣ Чусовой, Верхній Чусовской городокъ, также съ солеварнями, которыхъ они много имѣли и у Соли Вычегодской съ начала XVI вѣка,—вѣроятно, они еще въ томъ же XVI вѣкѣ провѣдывали соленныя залежи и на Самарской Усолкѣ и, можно думать, были знакомы съ

¹⁾ Карамзинъ, т. X, примѣч. 40.

²⁾ Перетятковичъ, Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ, Москва, 1877 г. стр. 312—313.

³⁾ Перетятковичъ, Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка, Одесса, 1882 г., стр. 225. О богатыхъ соляныхъ залежахъ на этой Усолкѣ говорятъ Лески въ своихъ „Запискахъ путешествія“, часть I, С.-Пб., 1771 г., стр. 320.

⁴⁾ Пермская Старина, I, 49, и II, 104.

этой мѣстностью. Если это предположеніе вѣрно, то нѣтъ ничего удивительнаго, что люди Строгановыхъ еще до призыва казаковъ могли или лично знать Ермака Тимофеевича и Ивана Кольцо, или, по крайней мѣрѣ, слышать о нихъ. А когда, по вышеуказаннымъ обстоятельствамъ, явилась надобность въ наемной силѣ, то Строгановы и обратились за помощью къ атаману Ермаку и его товарищамъ, какъ къ людямъ, отчасти уже извѣстнымъ имъ. Такъ какъ въ то время казаковъ на Волгѣ стало сильно преслѣдовать правительство, то Ермакъ принялъ охотно предложеніе Строгановыхъ отъ 6-го апрѣля 1579 г., конечно, на выгодныхъ для себя условіяхъ. Этимъ, кажется, нужно объяснить и то, что на пути въ Пермь по Камѣ дружина Ермака въ 540 человекъ вела себя довольно сдержанно; по крайней мѣрѣ, нѣтъ извѣстій о какихъ либо крупныхъ разбояхъ ея на Камѣ до прибытія на Чусовую, и только здѣсь казаки уже начали враждовать съ сосѣдними инородцами въ ожиданіи дальнѣйшаго похода въ Сибирь. Загадочныя связи Ермака со Строгановыми, существовавшія еще до призыва его на Каму и Чусовую, находятъ себѣ подтвержденіе и въ слѣдующемъ преданіи, занесенномъ въ „Сказаніе Сибирской земли“, впервые печатаемое нами въ приложеніяхъ къ V выпуску „Пермской Старины“ ¹⁾: „О себѣ же Ермакъ извѣстіе написалъ, откуда рожденіе его. Дѣдъ его былъ суздалецъ посадской человекъ, жилъ въ лишеніи, отъ хлѣбной скудости сошелъ въ Володимерь; именемъ его звали Аеонасей Григорьевичъ сынъ Аленинъ; и тутъ воспитанъ двухъ сыновъ Родіона да Тимоея; и кормился извозомъ и былъ въ найму въ подводахъ у разбойниковъ, на Муромскомъ лѣсу пойманъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ, а оттуда бѣже съ женою и съ дѣтьми въ Юрьевецъ Поволской, умре, а дѣти его Родіонъ и Тимоея отъ скудости сошли на рѣку Чусовую въ вотчины Строгановы; ему породилъ дѣтей: у Родіона два сына — Дмитрей да Лука, у Тимоея дѣти Гаврило, да Фролъ, да Васплей. И оной Васплей былъ силенъ и вѣлѣрѣчивъ, и остръ, ходилъ у Строгановыхъ на стругахъ въ работѣ по рѣкамъ Камѣ и Волгѣ и отъ той работы принялъ смѣлость и, прибравъ себѣ дружину малую, пошелъ отъ работы на разбой и отъ нихъ звався атаманомъ, прозванъ Ермакомъ, сказуются

¹⁾ „Сказаніе Сибирской земли“, открытое мною въ Соликамскомъ уѣздѣ въ 1890 г., во время моей службы тамъ, есть не что иное, какъ неизвѣстная доселѣ „нѣкоторая исторія“, на которую ссылается сибирскій лѣтописецъ Илья Черепановъ.

дорожной артельной таганъ, а по волскимъ—жерновой мельнецъ рушной. А какъ службу показалъ, о томъ показано въ сей исторіи выше сего⁴.

Приведенное свидѣтельство „Сказанія“ очень важно, во первыхъ, тѣмъ, что указываетъ о состояніи Ермака на службѣ у Строгановыхъ еще до вступленія его въ казачество и дѣлаетъ легко объяснимымъ фактъ, почему въ 1579 г. Строгановы призвали къ себѣ на помощь именно этого атамана, а не какого либо другаго; во вторыхъ, оно указываетъ на происхожденіе прозванія Ермакъ, каковое необходимо было имѣть бѣглому человѣку, какъ нѣкоторую гарантію на случай поимки (такія прозвища среди вольныхъ казаковъ, вѣроятно, были дѣломъ обычнымъ); третьихъ, оно объясняетъ другое названіе Ермака Поволскимъ отъ имени Юрьевца Поволжскаго; вчетвертыхъ, свидѣтельство „Сказанія“ основано на разказахъ самого Ермака.

Во всемъ этомъ свидѣтельствѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Отецъ Ермака вмѣстѣ съ сыномъ могъ прійти къ Строгановымъ въ первый же годъ пожалованія имъ земель въ Пермь Великой въ 1558 г., когда Ермакъ могъ быть въ юношескомъ возрастѣ и вмѣстѣ съ отцомъ служить у Строгановыхъ, отъ которыхъ ушелъ потомъ добровольно, какъ человѣкъ пришлый, вольный. Онъ ушелъ на Волгу, гдѣ поселился на Самарской лукѣ. Объ этомъ мѣстопробываніи его, повидимому, знали люди Строгановыхъ. Когда послѣдніе встрѣтили нужду въ наемной силѣ, они вспомнили о бывшемъ своемъ слугѣ и 6-го апрѣля 1579 г. написали ему письмо съ приглашеніемъ идти военать Кучума. Для вольнаго казака это было очень заманчивое предложеніе, и онъ охотно согласился идти на помощь къ знакомымъ ему богатымъ пермскимъ людямъ.

Изъ „Сказанія“ приведенное извѣстіе было включено впоследствии въ извѣстный сибирскій лѣтописный сборникъ Ильи Черепанова, который Н. М. Карамзинъ называетъ „Новой сибирской лѣтописью“, а П. А. Словцовъ—„Тобольскимъ сборникомъ“ ¹⁾. По поводу извѣстія о происхожденіи Ермака, сообщаемого Черепановымъ на основаніи „Сказанія Сибирской земли“, Карамзинъ замѣтилъ: „Это

¹⁾ Карамзинъ, Исторія, IX, гдѣ въ примѣч. 664 см. указанную выписку о происхожденіи Ермака въ подновленной, сравнительно со „Сказаніемъ“, формѣ. Словцовъ, Историч. обзор. Сибири, С.-Пб., 1886 г., XVIII—XIX. Л. Н. Майковъ, „О Сибирскомъ лѣтописномъ сборникѣ Черепанова“ въ VII вып. *Лѣтописи зачатой Археографической Комиссіи*. Въ „Пермской Старинѣ“ о ней см. вып. IV, 83—84.

сказка, думаю". Но, вопервыхъ, и великимъ людямъ свойственно ошибаться въ своихъ заключеніяхъ, а, вовторыхъ, всѣ мѣстныя изысканія даютъ основаніе видѣть въ приведенномъ извѣстіи, основанномъ на показаніяхъ самого Ермака, значительную долю вѣроятности. Въ послѣднее время Д. И. Иловайскій не безъ основанія высказался въ пользу этого извѣстія въ III томѣ своей „Истории Россіи“ (стр. 388).

Въ изложеніи самаго похода, уже столько разъ описаннаго по сибирскимъ лѣтописямъ, обратимъ главное вниманіе на разные спорные вопросы, связанные съ нимъ, считая вопросъ о призывѣ Ермака Строгановыми съ нашей стороны рѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ. Предоставляемъ другимъ отвергнуть то, къ чему мы пришли какъ въ IV выпускѣ нашей „Пермской Старины“, такъ и здѣсь, на основаніи пересмотра всѣхъ письменныхъ источниковъ, сюда относящихся, критическая оцѣнка которыхъ нами приведена въ томъ же IV выпускѣ упомянутаго изданія и значительно дополняется здѣсь.

Первый спорный вопросъ касается года прибытія Ермаковой дружины въ Пермь, къ Строгановымъ. Въ Строгановской лѣтописи, куда занесенъ фактъ посылки къ казакамъ приглашенія отъ Строгановыхъ при письмѣ ихъ отъ 6-го апрѣля 1579 г., прибытіе казаковъ въ Пермь относится къ 28-му іюня того же года, а по сентябрьскому счисленію едва ли не къ концу 1578 г., послѣ чего казаки, будто бы, оставались въ вотчинахъ Строгановыхъ 2 года и 2 мѣсяца ¹⁾, то-есть, до 1-го сентября 1581 г. По тому же извѣстію, казаковъ пришло съ Ермакомъ 540 человекъ; пришли они въ Чусовскіе городки, гдѣ Семень, Максимъ и Никита Строгановы „пріяша ихъ съ честію и да-яху имъ дары многи и брашны и питіи изобильно ихъ наслаждаху“. Въ Есиповской лѣтописи, въ началѣ 8-й главы, эти подробности опущены, и замѣчено только: „въ лѣто 7089 (1580) году при державѣ... придоша сіи воины съ Волги въ Сибирь“... ²⁾. Такимъ образомъ показанія этихъ двухъ лѣтописцевъ не сходятся въ опредѣленіи начала похода изъ Перми въ 1581 г.; не согласны они и въ показаніи времени и обстоятельствъ прибытія казаковъ въ Пермь, что и создало среди ученыхъ два прямо противоположныхъ воззрѣнія на роль Строгановыхъ въ этомъ походѣ. Въ Ремезовской лѣтописи, вообще страдающей ошибками въ годовыхъ датахъ, къ 1579 г. отнесено начало самаго похода, почему ея показаніе безусловно слѣдуетъ счи-

¹⁾ См. выписку изъ Строгановской лѣтописи въ „Пермской Старинѣ“, IV, 46—47.

²⁾ См. выписку изъ Есиповской лѣтописи въ „Пермской Старинѣ“, IV, стр. 41.

татъ ошибочнымъ въ соображеніи со всѣми фактами того времени ¹⁾. Строгановская лѣтопись убѣждаетъ, что 1579 годъ былъ годомъ прибытія Ермака въ Пермь, а не выступленія его изъ Перми въ Сибирь, которое и Есиповскою лѣтописью относится къ 1580 году. Это признаетъ даже сторонникъ Ремезовской лѣтописи Д. И. Иловайскій, какъ можно видѣть изъ его словъ: „Казацкіе атаманы пробыли два года въ Чусовскихъ городкахъ и въ это время помогали Строгановымъ обороняться отъ безпокойныхъ инородцевъ“ ²⁾.

Посмотримъ теперь, какія же безпокойства испытывала Пермь Великая, пока казаки готовились къ сибирскому походу. Со времени Черемисскаго бунта 1572 г. и нашествія Маметкула на Чусовую, въ южную часть Перми Великой, въ 1573 г.,—въ этой странѣ и около нея не было волненій среди инородцевъ. Семь слишкомъ лѣтъ прошли въ относительномъ спокойствіи. Но со времени появленія дружины Ермака въ вотчинахъ Строгановыхъ начинаются набѣги вогуличей на Пермь Великую. Очевидно, казаки не могли спокойно сидѣть въ вотчинахъ Строгановыхъ—сидѣть, сложа руки, безъ дѣла. Это было не въ ихъ привычкахъ и характерѣ. И въ достовѣрной Строгановской лѣтописи о пребываніи казаковъ въ вотчинахъ Строгановыхъ въ 1579—1581 г. дѣйствительно сказано: „Атаманы же и казаки стояху противъ безбожныхъ агарянъ буйственно и единомысленно съ живущими ту людьми въ городкахъ ³⁾, и бѣхуса съ безбожными агаряны сурово и немилостиво, и твердо стояху и на невѣрныхъ поощряхуса: пожиста же они, атаманы и казаки, въ городкахъ ихъ (Строгановыхъ) два лѣта и мѣсяцы два“ ⁴⁾. Эти слова, сопоставленные съ приведеннымъ выше соображеніями, служатъ новымъ убѣдительнымъ доказательствомъ достовѣрности извѣстій Строгановской лѣтописи.

Дѣятельный, подвижной характеръ казаковъ вызывалъ неизбѣжныя „задиранія“ ихъ противъ инородцевъ, жившихъ къ югу отъ Чу-

¹⁾ Л. Н. Майковъ, „Хронологическія справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибиря“, въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1881 г., № 9, и оттискъ, стр. 8.

²⁾ „Исторія Россіи“, т. III, стр. 389.

³⁾ Чусовской Нижній городокъ основанъ въ 1568 г., Сылвенскій острожекъ, что нынѣ село Троицкое, Пермскаго уѣзда, въ 1570 г., по указанію грамотъ и Строгановской лѣтописи.

⁴⁾ См. „Пермская Старина“, IV, 47. То же сказано въ имѣющемся у меня рукописномъ спискѣ Строгановской лѣтописи начала нашего вѣка или конца прошлаго.

совой и въ бассейнѣ ея притока Сылвы. Тамъ жило много татаръ и остяковъ, которые на предгорьяхъ Урала смѣшивались съ вогуличами. Все это были народы, враждебные Перми Великой и уже не разъ беспокоившіе ее набѣгами своими. Притихнувшіе на нѣсколько лѣтъ, они снова были выведены изъ терпѣнія дебоширствами казаковъ. Прежнія же ихъ возстанія вызывались преимущественно вымогательствами сборщиковъ дани, о коихъ можно догадываться изъ Великопермской уставной грамоты начала XVI вѣка ¹⁾).

Въ 1580 году іюля 22 послѣдовало нашествіе на Чусовую мурзы Бегбелія, которое Строгановская лѣтопись неправильно относитъ къ слѣдующему году. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ на Пермь Великую бросился князь Кихекъ, что произошло 1-го сентября 1581 года, какъ достоверно извѣстно. (Слѣдуетъ помнить, что новый годъ тогда считался съ 1 сентября, почему набѣгъ Бегбелія и былъ несомнѣнно еще въ концѣ 1580 года). По словамъ Строгановской лѣтописи, вогульскій мурза Бегбелій Ахтаковъ (повидимому, изъ отатарившихся вогуль) со скопищемъ въ 680 человекъ вогуль и остяковъ „безвѣстно и украдомъ“ пришелъ подѣ Чусовскіе городки, пожегъ много русскихъ деревень и увелъ въ плѣнъ не мало людей обоюго пола, но вскорѣ самъ попалъ въ руки русскихъ, повинился предъ ними, возвратилъ „полонъ“ и обязался платить исправно дань русскому царю. Впослѣдствіи Бегбелій измѣнилъ клятвѣ ²⁾). Поимка Бегбелія, вѣроятно, была дѣломъ казаковъ, которые своимъ буйствомъ вызвали и самый набѣгъ вогуловъ. Объ этомъ буйствѣ казаковъ, кромѣ Строгановской лѣтописи, говоритъ и Ремезовская. Изъ послѣдней видно, что въ теченіе двухъ лѣтъ Ермакъ съ своей шайкой бродилъ по рѣкѣ Сылвѣ, притоку Чусовой, гдѣ кончались вотчины Строгановыхъ и начинались поселя остяковъ и татаръ. Есть извѣстіе, что казаки еще до похода разузнавали дороги въ Сибирь, о чемъ подробно мы скажемъ далѣе. У Ремезова читаемъ: въ 1578 году Ермакъ „плылъ Камой, Чусовою и, не зная пути, вошелъ 26 сентября въ рѣку Сылву; плылъ далѣе и далѣе, увидѣлъ наконецъ, что это не дорога въ Сибирь, и остановился зимовать въ томъ мѣстѣ, которое

¹⁾ Напечатана въ приложеніи къ I-му выпуску „Пермской Старины“, 187—195: „Да ваши жъ де Пермскіе намѣстники посылають по Пермской землѣ своихъ людей, тиуновъ и доводчиковъ, луковъ писати и кормовъ брати, и намѣстничіе де люди *приписываютъ* у нихъ многіе луки лишніе“ и т. д.

²⁾ Рукописная Строгановская лѣтопись; у Карамзина, т. IX, 381, и примѣч. 686. Въ грамотѣ отъ 6 ноября 1581 года надо разумѣть того же мурзу Бегбелія.

и теперь называется „Ермаковымъ городищемъ“; отсюда 300 казаковъ ходили въ землю вогуличей и пришли назадъ съ добычею“¹⁾. Дѣйствительно, на лѣвомъ берегу Сылвы, повыше села Тохтарева Красноуфимскаго уѣзда, на устьѣ рѣчки Шатлыка донинѣ есть деревня „Хуторы Ермаковы“²⁾.

Для рѣшенія вопроса о приходѣ Ермака въ Пермь Великую немаловажное значеніе должно имѣть упомянутое уже, вновь открытое нами въ 1890 году „Сказаніе Сибирской земли“ неизвѣстнаго составителя³⁾. Оно представляетъ дѣло такимъ образомъ.

Когда на Волгѣ казаковъ стало сильно преслѣдовать правительство (по Ремезову въ 1576 году противъ нихъ былъ высланъ стольникъ Иванъ Мурашкинъ), то „онѣй разбойникъ (Ермакъ), убояся того, съ товарищи пять сотъ человекъ убѣжали съ Волги въ Каму рѣку вверхъ и прибѣже въ вотчины Строгановы и тамо пребысть нѣсколько время. И въ то число (?) въ Строгановы городки и вотчины по Чусовой и по Камѣ рѣкамъ пришелъ вольно изъ вогуличъ Пелымской князь во многомъ собраніи. И воевода (?) Максимъ Строгановъ просилъ его, Ермака, чтобы онъ отъ того Пелымскаго князя оборонилъ. Ермакъ же, не преслуша не мало времени, въ тотъ часъ собрався съ дружиною своею, иде скоро противъ вогуль и побѣ ихъ безъ остатку, и вотчины Строгановы выручилъ, и за что его, Ермака, оной Строгановъ принялъ любительною ласкою и кормомъ“.

Въ приведенномъ извѣстіи несомнѣнно говорится о набѣгѣ пелымскаго, то-есть, вогульского князя Бегбелія, сдѣланномъ на Чусовской городокъ Семена и Максима Строгановыхъ 12 іюля 1580 года. Строгановская лѣтопись свидѣтельствуетъ, какъ видимъ, о томъ же событіи, но съ большими подробностями, какъ мѣстная великопермская лѣтопись. Обѣ лѣтописи согласно также свидѣтельствуютъ о ласковомъ обращеніи Строгановыхъ съ казаками. Еслибы при этомъ Ермакъ самовольно вторгнулся въ вотчины Максима Строганова, то послѣдній не сталъ бы такъ обращаться съ нимъ, постарался бы не допустить его къ себѣ и, при недостаткѣ собственныхъ силъ для этого, обратился бы за содѣйствіемъ къ государеву намѣстнику князю

¹⁾ Карамзинъ, т. IX, примѣчаніе 670. Выдержка приводится въ редакціи Карамзина.

²⁾ Чулинъ, Географическій словарь Пермской губерніи, Пермь, 1873 года стр. 482.

³⁾ Впервые печатается въ приложеніи къ V выпуску моей „Пермской Старины“.

Елецкому, чего, однако, не было. При томъ о Бегбелѣ „Сказаніе“ дѣлаетъ оговорку, что онъ пришелъ вольно, а объ Ермакѣ этого не замѣчено. Все это доказываетъ, что Ермакъ пришелъ въ вотчины Строгановыхъ по приглашенію самихъ владѣльцевъ вотчинъ. И мѣстная великопермская Строгановская лѣтопись, составителю которой ближе были извѣстны всѣ эти обстоятельства, именно такъ объясняетъ дѣло, вводя и здѣсь больше подробностей сравнительно со „Сказаніемъ“¹⁾.

Далѣе „Сказаніе“ приписываетъ Ермаку мысль о походѣ въ Сибирь, которую Строгановы приняли будто бы очень охотно. Но разъ они сами пригласили Ермака, то съ такимъ лѣтописнымъ толкованіемъ инициативы похода уже нельзя согласиться. Безъ сомнѣнія, Строгановы призвали Ермака именно для задуманнаго ими еще въ 1579 или 1578 году сибирскаго похода противъ Кучума. Въ этомъ случаѣ больше можно вѣрить царской грамотѣ отъ 16-го ноября 1582 года, прямо заявляющей о призваніи Ермака Строгановыми, нежели сбивчивымъ и неподнымъ извѣстіямъ лѣтописи. Изъ сибирскихъ же лѣтописей въ данномъ вопросѣ, конечно, заслуживаетъ наибольшаго довѣрія Строгановская, какъ мѣстная великопермская, составитель которой гораздо ближе могъ знать участіе Строгановыхъ въ призваніи Ермака, чѣмъ далекіе отъ Перми тобольскіе лѣтописцы.

Важно еще отмѣтить замѣчаніе „Сказанія“, что Ермакъ набралъ въ вотчинахъ Строгановыхъ, съ позволенія владѣльцевъ, 154 человекъ „тутошнихъ жителей къ своимъ въ прибавку—всего собралъ себѣ 654 человекъ и назвалъ казаками“. Не мудрено послѣ этого, что въ Сибири говорили и знали только о казакахъ и ничего—о людяхъ Строгановскихъ. Думаю, что Строгановы сдѣлали это изъ предосторожности и желанія скрыть всякое участіе свое въ дѣлѣ, предпринятомъ хотя и въ личныхъ выгодахъ, но безъ царскаго указа.

Наконецъ, мы должны обратить здѣсь вниманіе на одинъ вещественный памятникъ, современный Ермаку. Въ богатомъ собраніи древностей, хранящихся въ старинномъ наслѣдственномъ домѣ графовъ Строгановыхъ въ Петербургѣ, что на Невскомъ проспектѣ, сохранился старинный ружейный стволъ съ надписью на немъ, вылитой славянскими литерами: „Въ градѣ Кергеданѣ на рѣцѣ Камѣ

¹⁾ Великопермское происхождение Строгановской лѣтописи доказать недавно С. А. Адриановъ въ статьѣ: „Къ вопросу о покореніи Сибири“, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1893 г., апрѣль. Нельзя не выразить автору признательности за это важное открытіе, хотя самъ авторъ и есть крайній сторонникъ Есипова.

дарю я, Максимъ Яковлевъ сынъ Строгановъ, атаману Ермаку лѣта 7090¹⁾. Эта хронологическая дата вполне согласна съ показаніемъ Строгановской лѣтописи относительно выступленія казаковъ въ сибирскій походъ 1-го сентября 1581 года. Хотя Максимъ Яковлевичъ жилъ въ Чусовскомъ Нижнемъ городкѣ, но онъ владѣлъ, кромѣ праваго берега рѣки Чусовой, и землями по рѣкѣ Камѣ, ниже Орловскаго округа, принадлежавшаго его двоюродному брату Шикитѣ Григорьевичу (отъ Карышева острова до устья Чусовой и ниже его)²⁾. Вмѣстѣ съ нимъ, какъ мы видѣли, онъ имѣлъ участіе въ зауральскихъ имѣніяхъ, пожалованныхъ Строгановымъ по грамотѣ 30 мая 1574 г., и, слѣдовательно, особенно былъ заинтересованъ въ поддержкѣ Ермака. Максимъ Яковлевичъ былъ главнымъ активнымъ участникомъ изъ всѣхъ Строгановыхъ въ подготовленіи сибирскаго похода, какъ видно изъ лѣтописи Ремезова и „Сказанія Сибирской земли“. Разумѣется, онъ часто бывалъ и въ Орлѣ на Камѣ (Кергеданъ то же), у своего двоюроднаго брата, хотя самъ жилъ обыкновенно на Чусовой. Бывалъ тамъ, очевидно, и атаманъ Ермакъ, который тамъ-то и получилъ подарокъ отъ Максима Яковлевича. Что же скажутъ противъ всего этого тѣ историки, которые отвергаютъ всякое участіе Строгановыхъ въ покореніи Сибири? Вѣроятно, они будутъ стараться доказать, что и приведенная надпись на старинномъ ружейномъ стволѣ есть не болѣе, какъ поддѣлка позднѣйшаго времени. Пусть такъ, но за всѣмъ этимъ въ Пермскомъ краѣ живы еще народныя преданія о связяхъ Ермака со Строгановыми. Тутъ какъ быть крайнимъ скептикамъ? Мы думаемъ, что въ виду всего сказаннаго ихъ упорный скептицизмъ долженъ рано или поздно до нѣкоторой степени поколебаться.

Наконецъ, 1-го сентября 1581 г., послѣ двухлѣтняго пребыванія у Строгановыхъ, Ермакъ со своею дружиною отправился на судахъ вверхъ по р. Чусовой въ сибирскій походъ. Предъ выступленіемъ казаки отслужили въ Чусовскомъ городкѣ молебенъ, запаслись, по словамъ Строгановской лѣтописи, „оружіемъ огненнымъ, пушечками скорострѣльными семипядными, запасами многими“ и въ сообществѣ мѣстныхъ „охочихъ людей“, двинулись въ путь. Позднее выступленіе въ

¹⁾ Сообщено мнѣ покойнымъ В. В. Голубцовымъ (генеалогомъ), который лично видѣлъ этотъ интересный и въ данномъ случаѣ весьма важный памятникъ древности.

²⁾ „Пермская Старина“, I, 114.

походъ и объясняется бывшимъ передъ тѣмъ нашествіемъ Бегбелія ¹⁾ на Чусовской городокъ и его окрестности въ исходѣ іюля и началѣ августа 1580 г., по тогдашнему счисленію времени. Жившіе въ ближайшемъ сосѣдствѣ инородцы, хорошо знавшіе о всемъ происходившемъ въ Перми Великой, только и ждали этого желаннаго момента. Они навѣрное знали, что съ уходомъ казаковъ страна осталась беззащитна, знали это отъ перебѣжчиковъ. Отъ тѣхъ же перебѣжчиковъ непріятель узналъ заранѣе и день выступленія казаковъ въ походъ 1-го сентября; это важное извѣстіе черезъ 3—4 дня возможно было передать чрезъ гонца на противоположный конецъ Перми Великой, гдѣ на вершинахъ Вишеры или Лозьвы уже стоялъ наготовѣ Пелымскій князь, а чрезъ недѣлю можно было со всей силой броситься на Чердынь. И увѣренъ, что такъ это и было, какъ говорятъ доселѣ народныя преданія, и что предварительный набѣгъ подручнаго Кихеку Бегбелія на Чусовую и сдѣланъ былъ въ расчетъ задержать казаковъ подольше въ Перми, чтобы дать возможность Кихеку собраться съ силами на Пелымѣ и сдѣлать переходъ оттуда до Вишеры. Лишь только Ермакъ очистилъ путь къ Чусовскому городку, какъ скопища вогуловъ, жившихъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ городкомъ, по предварительному условію съ пелымскимъ княземъ Кихекомъ, отрѣзали возвращеніе казакамъ въ городокъ, обложивъ его съ южной стороны, а самъ Кихекъ, руководившій всѣмъ движеніемъ, вторгнулся въ Пермь Великую съ сѣвера и того же 1-го сентября 1581 г. приступилъ къ городу Чердыни. Очевидно, пелымскій князь съ своими сибирскими людьми и вогулами проникъ сюда со стороны Тахчей, по старой сибирской дорогѣ, шедшей съ Тавды и Лозьвы на рр. Вишеру и Колву. Все это было сдѣлано врасплохъ, совершенно неожиданно какъ для жившихъ въ Чердыни государева великопермскаго намѣстника, князя Ивана Михайловича Елецкаго и его соправителя Василя Пелепелицына, такъ и для Строгановыхъ. И такъ какъ послѣднихъ отъ перваго отдѣляло довольно значительное разстояніе, около 400 верстъ, то навѣрное Семенъ и Максимъ Строгановы, жившіе на Чусовой, не подозрѣвали той страшной опасности, какая одновременно грозила Никитѣ Строганову, жившему на р. Камѣ, въ Орлѣ-городкѣ, и уже наступила для Чердыни. Этимъ-то неожиданнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и объясняется то недоразумѣніе, какое произошло въ

¹⁾ Небольсинъ въ книгѣ „Покореніе Сибири“ (С.-Пб., 1849 г.) забываетъ это извѣстное ему обстоятельство.

самый критическій моментъ между Семеномъ и Максимомъ Строгановыми съ одной стороны и Никитой Строгановымъ, княземъ Елецкимъ и Василиемъ Пелепелицынымъ съ другой. Время и обстоятельства были таковы, что не позволяли медлить ни одного дня въ принятіи самыхъ рѣшительныхъ мѣръ самозащиты, а значительныя разстоянія дѣлали невозможнымъ на столько быстрый обмѣвъ „вѣстями“. на сколько требовалось это совершенно исключительными обстоятельствами того времени. При такихъ условіяхъ для насъ становятся вполне понятными царскія грамоты на имя Никиты Строганова отъ 6-го ноября 1581 г. и на имя того же Никиты и брата его Максима Строгановыхъ отъ 16-го ноября 1582 г. ¹⁾). Первая изъ нихъ была послѣдствіемъ жалобы царю на Никиту дяди и двоюроднаго брата первого за несоказаніе имъ своевременной помощи въ виду явной опасности отъ стоявшихъ за Чусовой вогуличей; а грамота 1582 г. была отвѣтомъ на донесеніе царю Пелепелицына о двоюродныхъ братьяхъ Строгановыхъ относительно несвоевременной отсылки ими дружины Ермака въ Сибирь въ моментъ страшной опасности для главнаго города Перми Великой. Ни Семенъ и Максимъ Строгановы, ни тѣмъ болѣе Пелепелицынъ не дѣйствовали въ данномъ случаѣ иначе, какъ искренно, въ виду дѣйствительной, общей для всѣхъ нихъ, опасности въ то время. Строгановы грѣшны были предъ царемъ только въ томъ, что скрыли отъ него признаніе казаковъ, а Пелепелицынъ, съ увольненіемъ князя Елецкаго въ декабрѣ 1581 г. оставшійся главнымъ ответственнѣйшимъ лицомъ за спокойствіе всего Пермскаго края, уже въ то время долженъ былъ сказать, открыть передъ царемъ всю правду, донести и о самовольномъ призывѣ Ермака Строгановыми, и о посылкѣ казаковъ въ Сибирь въ самое трудное для Перми время.

Таковы были исключительныя обстоятельства, въ которыхъ очутилась Пермь Великая съ момента оставленія ея дружиною Ермака 1-го сентября 1581 г. Образъ дѣйствій нелымскаго князя Кихека въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ въ немъ значительную дальновидность и способности хорошаго стратега, близко знавшаго всѣ мѣстныя условія для успѣшнаго веденія войны. И тогдашній перм-

¹⁾ Грамота Никитѣ Григорьевичу Строганову отъ 6-го ноября 1581 г. напечатана у Миллера въ Опис. Сиб. царства, на стр. 144, а знаменитая ~~именная~~ грамота Максиму Ях. и Никитѣ Григ. отъ 16-го ноября 1582 г. — тамъ же, стр. 145—147. Вторично онѣ напечатаны въ „Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ“, томъ I, стр. 188—185.

скій намѣстникъ князь Елецкій, и Строгановы оказались ниже его въ этомъ отношеніи. Изъ грамоты 1582 г. мы увидимъ однако, что во всемъ этомъ дѣлѣ участвовалъ и Кучумъ, которому подчиненъ былъ Кихекъ, но самъ Кучумъ едва ли могъ близко знать мѣстныхъ условій войны. Пользуясь чрезвычайно благоприятнымъ моментомъ, князь пелымскій съ войскомъ въ 700 человекъ разгромилъ всю Пермь Великую отъ Чердыни и Кайгорода до береговъ Чусовой, при чемъ на этомъ пути его подкрѣпили всѣ старые недоброжелатели русскихъ: татары, башкиры, остяки, вогуличи, вотяки, обитавшіе по рѣкамъ Иньвѣ, Обьѣ, Косьвѣ (притокамъ Камы) и южнѣе — по Сылвѣ, Шаквѣ и Ирени (бассейнъ Чусовой) ¹⁾. Такого страшнаго погрома Пермь Великая не испытывала никогда въ теченіе всей ея исторіи. Начавъ съ Чердыни, которой, однако, не взялъ, Кихекъ пошелъ на Кай-городокъ, опустошая все на своемъ пути, оттуда на Соликамскъ, который разграбилъ и предалъ пламени, далѣе прошелъ по прикамской вотчинѣ Никиты Строганова — мимо Канкора (Пыскора тожъ) и Кергедана (то-есть, Орла), по вотчинѣ Семена Аппикіевича, мимо Яйвенскаго острожка и наконецъ вторгнулся въ самую южную часть Перми Великой, въ вотчину Максима Строганова, гдѣ его полчища и соединились со стоявшими на Чусовой инородцами, предавъ всю эту мѣстность полному разграбленію, при чемъ однако же Чусовской городокъ и Сылвенскій острожекъ съ ихъ гарнизонами устояли противъ враговъ. Отсюда пелымскій князь направился во-свои по слѣдамъ казаковъ, которые между тѣмъ были уже на вершинахъ Урала. Пелымъ не оставался, вѣроятно, безъ всякой защиты; Кихекъ отлично зналъ всѣ ближайшіе къ нему пути и, видимо, рассчитывалъ возвратиться туда до прихода казаковъ.

Теперь подробно остановимся на упомянутыхъ выше челобитныхъ и грамотахъ отъ 6-го ноября 1581 г. и отъ 16-го ноября слѣдующаго года. Мы показали, при какихъ условіяхъ возникла эта переписка съ царемъ: она вызвана была совершенно исключительными обстоятельствами и крайней опасностью, которой подвергалась осенью 1581 г. вся Пермь Великая. Только этимъ можно объяснить слишкомъ необычную жалобу самому царю Семена и Максима Строгановыхъ на своего

¹⁾ Строгановская лѣтопись подъ 1581 г.; *Карамзинъ*, IX, примѣч. 671. Подробности этого разгрома указаны и въ мѣстныхъ Соликамскихъ лѣтописяхъ, напечатанныхъ мною въ *Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1883 и 1884 гг. и отдѣльно, и *Бергомъ* въ книгѣ: „Путешествіе въ гг. Чердынь и Соликамскъ“, С.-Пб., 1821 г.

же ближайшаго родственника и ближайшаго участника въ сибирскомъ предпріятіи. Но имъ нечего было бояться выдачи ихъ головою царю, потому что Никита Строгановъ былъ такой же виновникъ призванія казаковъ вопреки царской грамоты 1574 г., какъ Семень и Максимъ: выдавъ ихъ, онъ выдалъ бы и себя. Не то было по отношенію къ Пелепелицыну, который, по увольненіи кн. Клецкаго отъ намѣстничества въ декабрѣ 1581 г., остался одинъ правителемъ Перми: въ расчетѣ на его молчаніе Строгановы сильно ошиблись, полагаясь, вѣроятно, на прежде обычную благосклонность къ нимъ намѣстниковъ и не предвидя всего случившагося. Погромъ Перми въ 1581 г. былъ столь ужасенъ, что замалчивать правду предъ царемъ для Пелепелицына было бы равносильно добровольному обреченію себя на смерть въ то грозное время Іоаннова царствованія, и онъ открылъ царю всю правду, что для Строгановыхъ было сильнымъ нравственнымъ ударомъ. Теперь спрашиваемъ: есть ли сколько нибудь прочное основаніе подозрѣвать Пелепелицына въ умышленномъ извѣстѣ на Строгановыхъ, какъ это дѣлаетъ г. Адриановъ въ послѣдней своей статьѣ по вопросу о покореніи Сибири? ¹⁾ Задавшись цѣлью доказать, что „Ермакъ дѣйствовалъ по собственной инициативѣ и совершенно независимо отъ Строгановыхъ“ (стр. 548), и опираясь въ своихъ доказательствахъ только на сибирскія лѣтописи, г. Адриановъ возвелъ напраслину на ни въ чемъ неповиннаго Пелепелицына, надъ головой котораго висѣлъ мечъ,—будто онъ, „желая навлечь царскую опалу на Строгановыхъ (?), обвинялъ ихъ въ призваніи воровъ казаковъ и въ задираніи Сибирскаго салтана“ (стр. 549); сдѣлалъ же онъ такой извѣстъ потому будто бы, что „отъ Строгановскихъ привилегій кормленіе чердынскаго воеводы сильно страдало“ (548). Все это придумано г. Адриановымъ для того, чтобы убѣдить читателя, что и вызванная челобитною Пелепелицына грамота 16 ноября 1582 г. такъ же неправа насчетъ Строгановыхъ, какъ и сибирская лѣтопись, носящая ихъ названіе, а затѣмъ и послѣдующія царскія грамоты, жалованныя Строгановымъ въ XVII вѣкѣ. Такой пріемъ историческихъ „доказательствъ“, признаемся, намъ напомнилъ г. Новокрещенныхъ, на котораго г. Адриановъ съ удовольствіемъ ссылается, и о своеобразныхъ критическихъ пріемахъ котораго мы уже говорили въ

¹⁾ „Къ вопросу о покореніи Сибири“ въ *Журналъ Мин. Нар. Пр.* 1893 г., апрѣль, стр. 548—549. Статьи эта представляетъ возраженія на наши выводы по тому же вопросу, изложенные въ IV вып. „Пермской Старины“.

IV-мъ выпускѣ нашего изданія (стр. XI—XIV). Кромѣ того исключительнаго положенія, въ которомъ на мѣстѣ Пеленелицына въ 1581—1582 гг. поступилъ бы не иначе всякій, кому дорога собственная жизнь, укажемъ г. Адрианову и его единомышленникамъ, что Строгановскія привилегіи ничуть не мѣшали воеводамъ обогащаться на счетъ Строгановыхъ, какъ въ этомъ убѣждаетъ вся исторія колонизаціи ими прикамскихъ земель, при несомнѣнномъ содѣйствіи великопермскихъ намѣстниковъ ¹⁾. При отсутствіи легальныхъ доходовъ съ вотчинъ Строгановыхъ, намѣстники не гнушались добровольными даяніями отъ ихъ щедротъ въ видѣ „благодарностей“ за услуги, и, какъ бывало у насъ сплошь и рядомъ, на бумагѣ было одно, а на дѣлѣ другое.

Итакъ, отдавая справедливость г. Адрианову за старательное изученіе состава сибирскихъ лѣтописей, анализъ содержанія которыхъ показаль намъ ихъ взаимное соотношеніе и пермское происхожденіе Строгановской лѣтописи, мы не можемъ согласиться съ его основнымъ взглядомъ на Строгановыхъ и Пеленелицына, а равно и на значеніе царскихъ грамотъ, данныхъ на имя Строгановыхъ, на которыя г. Адриановъ смотритъ слишкомъ поверхностно и безъ достаточнаго основанія вѣрить имъ гораздо менѣе, чѣмъ „Осиповской“ и Ремезовской лѣтописямъ. Допустимъ, что Строгановская лѣтопись была составлена позже „Осиповской“, что составитель первой компилировалъ съ помощью второй, что онъ былъ для Строгановыхъ „свой человѣкъ“, а потому, не въ примѣръ всѣмъ другимъ лѣтописцамъ, воспользовался и ихъ фамильными грамотами, такъ какъ ясно видѣлъ крупныя пробѣлы въ изложеніи фактовъ другими лѣтописцами. Но гдѣ все-таки основаніе подозрѣвать его въ вымысленіи всѣхъ событій касательно Строгановыхъ, которыхъ другіе лѣтописцы, жившіе преимущественно въ Тобольскѣ, по отдаленности отъ Перми Великой и не могли знать? Гдѣ основаніе подозрѣвать его въ извѣстѣ на Пеленелицына, когда именно этому лѣтописцу выгоды было умалчивать о такихъ отношеніяхъ воеводы къ Строгановымъ ²⁾, равно какъ и о призывѣ казаковъ съ Волги, что было явнымъ злоупотребленіемъ со стороны Строгано-

¹⁾ „Пермская Старина“, I, 95—105; II, 97—98 и 154—189; III, 108—110; IV, 83—87.

²⁾ Именно *Строгановская* лѣтопись не проронила слова о томъ, что Пеленелицынъ по злобѣ сдѣлалъ донесеніе царю о дѣйствіяхъ Строгановыхъ; онъ долженъ былъ донести царю по своему служебному положенію.

выхъ довѣріемъ къ нимъ царя. ихъ щедрого благодѣтеля? Гдѣ, наконецъ, основаніе считать самого Полепелицына лежцомъ предъ грознымъ царемъ, когда факты того времени говорятъ о полной искренности всѣхъ его дѣйствій—такіе исключительные факты, которые заставили даже дядю бить челомъ на племянника и брата на брата? Нѣтъ, мы должны снять съ этой личности, столь памятной всему Пермскому краю, незаслуженный ею упрекъ, очистить ее отъ несправедливыхъ укоровъ потомства и отвести ей наиболѣе почетное мѣсто въ длинномъ ряду другихъ великопермскихъ намѣстниковъ и воеводъ. Личность этого воеводы въ ряду другихъ представляется наиболѣе свѣтлою и во всякомъ случаѣ болѣе безупречною по сравненію съ современными ему Строгановыми. Достопамятнымъ царскимъ грамотамъ Строгановыхъ 1581 и 1582 г. мы должны вѣрить ничуть не менѣе лѣтописей, если желаемъ быть безпристрастными въ своихъ сужденіяхъ.

Во всей грамотѣ отъ 6-го ноября 1581 года на имя Никиты Строганова нѣтъ и намекъ на вольныхъ казаковъ, потому что не могло быть его въ челобитной Семена и Максима Строгановыхъ, послѣдствіемъ которой явилась эта грамота; нѣтъ его и въ грамотѣ, посланной въ одинъ день пермскому намѣстнику, князю Елецкому. Строгановы призвали казаковъ вопреки грамотѣ 1574 г., отправили ихъ въ Сибирь также безъ царскаго указа, а потому естественно не могли ни словомъ упомянуть объ ихъ недавнемъ присутствіи въ своихъ вотчинахъ. Вѣроятно, они отправили свою челобитную къ царю въ самомъ началѣ сентября, когда вогуличи послѣдъ за уходомъ казаковъ обложили ихъ Чусовскую вотчину съ южной стороны, по предварительному уговору съ пелымскимъ княземъ Кинскомъ (6-го ноября уже дана была грамота). Самъ же князь стоялъ въ это время на противоположномъ концѣ Перми Великой, подъ стѣнами Чердыни, а не на Чусовой, какъ неправильно толкуютъ многіе: это доказыпается всѣмъ послѣдующимъ движеніемъ его рати съ сѣвера на югъ, съ береговъ Колвы на р. Чусовую. потому что и пришелъ онъ изъ-за Урала съ Лозьвы на Вишеру по старой сибирской дорогѣ. Движеніе рати подробно указано въ Строгановской лѣтописи. Но еслибы Ермакъ самовольно вторгнулся въ вотчины Строгановыхъ и, надѣлавъ въ нихъ дебоширствъ, самовольно двинулся въ Сибирь, ~~въ~~ вынужденной поддержкой ихъ, какъ заявляетъ Ремезовъ, то Строгановы, какъ сторона пострадавшая, непременно упомянули бы о томъ въ челобитной къ царю въ собственныхъ интересахъ. Но этого мы изъ грамоты Никиты не видимъ. „Были намъ челомъ,—гласитъ грамота,—Семенъ да Максимъ

Строгановы, а сказали: приходитъ де войною Пелымской князь съ вогуличи на ихъ слободы (разумѣются Чусовская и Сылвенская слободы), и деревни многіе выжгли и крестьянъ въ полонъ емлютъ, и нынѣ де Пелымской князь съ вогуличи стоитъ (не самъ князь, а одинъ изъ его „мурзъ“) около Чусовского острогу; и намъ бы пожаловати велѣти имъ дати ратныхъ людей съ Перми съ Великія, а ты де (Никита) съ ними противъ вогуличъ не стоишь и людей на помощь не даешь“ ¹⁾. Тутъ челобитная Семена и Максима Строгановыхъ кончается, и далѣе начинается самая грамота, то-есть, резолюція царя на челобитную. По смыслу этой послѣдней, Семень и Максимъ жаловались только на Никиту, о князѣ Елецкомъ и Пелепелицынѣ не упоминали ничего и только просили у царя распоряженія о присылкѣ войска изъ Чердыни, такъ какъ не знали, что тамъ, подъ самымъ городомъ, уже стоитъ самъ Кихекъ. Пелепелицынъ зналъ, конечно, о казакахъ въ вотчинахъ Строгановыхъ и, не предвидя послѣдствій ихъ пребыванія въ вотчинахъ, не доносилъ о призвѣ ихъ преждевременно, не желая сдѣлаться допосчикомъ. Можетъ быть, главный памѣстникъ края, князь Елецкій, не желалъ того. Но когда обстоятельства круто измѣнились, и Пелепелицынъ убѣдился, что вся напасть на Великую Пермь обрушилась по винѣ казаковъ, когда вслѣдъ за тѣмъ въ декабрѣ 1581 г. былъ отозванъ отъ должности князь Елецкій, который, повидимому, сильно благоволилъ Строгановымъ, то оставшійся единоличнымъ правителемъ края Пелепелицынъ уже не могъ болѣе скрывать отъ царя дѣйствительное положеніе дѣлъ и, по долгу совѣсти и службы, донесъ о всемъ царю такъ, какъ было въ дѣйствительности, открывъ всю правду.

На челобитную Семена и Максима царь отвѣчалъ Никитѣ Строганову въ слѣдующихъ словахъ: „и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ съ Семеновыми и съ Максимовыми людьми на вогуличъ посылалъ людей своихъ сколько пригоже, и стояли бѣ твои люди съ Семеновыми и Максимовыми людьми за одинъ и себя оберегали сопча; а съ Перми земскимъ старостамъ людей въ помощь собравъ посылати велѣли жъ есмыа, смотря по людямъ, сколько коли вогуличъ воинскихъ людей придетъ, и велѣли имъ стояти съ Семеновыми и Максимовыми людьми противъ Пелымскаго князя сопча за

¹⁾ Миллеръ, стр. 144. Мы полагаемъ, что здѣсь надо разумѣть одного изъ подручныхъ пелымскому князю мурзѣ, едва ли не того же Бегбелія, снова измѣнишаго русскимъ, по освобожденіи изъ ихъ плѣна.

одинъ, а ты-бъ таково-жъ велѣлъ своихъ людей съ Пермскими людьми и съ Семеповыми и съ Максимовыми вмѣстѣ стояти противъ Пелымскаго князя, и воевать имъ (вогуличамъ) не давати, чтобъ вамъ всѣмъ отъ войны уберетчися" (*Миллеръ*, 144). Мы видѣли, что, вслѣдствіе заранѣе составленнаго Кихекомъ широкаго плана военныхъ дѣйствій, событія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что ни воеводы, ни Строгановы, застигнутые врасплохъ, не успѣли принять никакихъ мѣръ къ самозащитѣ общими силами и должны были обороняться каждый отдѣльно. Понятно также, что если на противоположныхъ концахъ Перми Великой русскіе не знали о совершающихся событіяхъ, то тѣмъ болѣе ничего не знали о нихъ въ Москвѣ, тѣмъ болѣе ничего не могли тамъ подозрѣвать о роли казаковъ, какъ главныхъ виновниковъ всей этой смуты. Грамота Никитѣ Строганову служить лучшимъ тому доказательствомъ.

Посылая грамоту Никитѣ Строганову, Іоаннъ въ то же время посылалъ пермскому намѣстнику, князю Елецкому, стоять сообща со Строгановыми противъ общаго врага—вогуличей, собравшихся въ большомъ числѣ подъ знаменемъ пелымскаго князя ¹⁾. „А съ Перми же мѣстныя старостамъ людей въ помощь собравъ посылати велѣли жъ есмь“, писалъ Іоаннъ Никитѣ Строганову. Но намѣстникъ великопермскій не исполнилъ воли царя и допустилъ грознаго врага въ предѣлы ввѣреннаго его попеченію края. Мало того, этотъ врагъ явившійся сюда по замысламъ Кучума столь неожиданно, на всемъ пути своего опустошительнаго слѣдованія отъ Чердыни и Кайгорода до Чусовой не встрѣтилъ нигдѣ сколько нибудь серьезнаго отпора и, уничтожая все огнемъ и мечемъ, побѣдоносно прошелъ страну изъ конца въ конецъ на протяженіи по крайней мѣрѣ 400 верстъ. Все это совершилось такъ быстро и неожиданно, что царскіе гонцы, привезшіе въ Пермь упомянутыя грамоты князю Елецкому и Никитѣ Строганову, встрѣтили здѣсь, къ своему ужасу, только груды развалинъ и пепелища и услышали вопль оставшихся въ живыхъ жителей этой страны. На сколько ужасенъ былъ этотъ погромъ Перми Великой, на сколько вѣзался онъ въ память мѣстныхъ жителей, можно судить по тому, что въ г. Соликамскѣ, пострадавшемъ въ 1581 г. больше всѣхъ другихъ городовъ этой страны, доселѣ существуетъ

¹⁾ Грамота князю Ивану Михайловичу Елецкому дана почти въ той же формѣ и отъ того же 6-го ноября 1581 г. Она сохранилась въ фамильномъ архивѣ Строгановыхъ въ С.-Петербургѣ и напечатана въ „Пермской лѣтописи“ *Шимонко*, т. I, стр. 96.

въ память этого нашествія торжественный крестный ходъ въ девятую пятницу по пасхѣ, къ которому стекается ежегодно въ этотъ городъ множество людей со всѣхъ концовъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ ¹⁾. Убитые при нашествіи Ыихека были похоронены на песчаномъ холмѣ, возвышающемся съ южной стороны города. Множество человѣческихъ костей, обнажаемыхъ изъ-подъ песка вѣтромъ, доселѣ свидѣлствуетъ о бывшемъ здѣсь побойщѣ; на общей могилѣ встарину стоялъ большой крестъ, а нынѣ стоитъ небольшая деревянная часовня. Народъ доселѣ усердно и свято чтитъ память этихъ „убіенныхъ“ ²⁾.

Полное умиротвореніе Перми Великой послѣ такого опустошенія, конечно, совершилось не вдругъ, тѣмъ болѣе, что внутри страны оказались недовольные элементы. Мы видѣли, что къ пелымскому князю пристали инородцы, жившіе на Обвѣ и Иньвѣ. Вѣроятно, это были обвинскіе остяки, а подъ вотяками скорѣе всего слѣдуетъ разумѣть иньвенскихъ пермяковъ, увлеченныхъ въ общій потокъ инородческаго возстанія противъ русскихъ. Земли по Иньвѣ и Обвѣ инородцы считали своею исконною собственностью, но со времени появленія Строгановыхъ въ Перми Великой онѣ постепенно стали переходить въ ихъ руки, не смотря на оговорку грамоты 1558 г. о неприкосновенности владѣній прежнихъ обитателей края. Теперь даже пермяки рѣшились подняться противъ своихъ притѣснителей сообща съ другими инородцами. Ближайшимъ же поводомъ къ возстанію сылвенскихъ и иренскихъ татаръ и остяковъ, безъ сомнѣнія, послужили „задиранія“ казаковъ, такъ какъ эти инородцы жили за предѣлами Перми Великой. Итакъ, умиротвореніе Пермской страны

¹⁾ Протоіерей А. М. Луканинъ, Церковно-историческое и археологическое описаніе г. Соликамска, Пермь, 1882 г., изданіе 2-е, стр. 88. Авторъ, тщательно изучившій богатые церковные архивы г. Соликамска, приводитъ въ подлинникѣ нѣсколько челобитныхъ къ епископамъ вятскимъ и великопермскимъ и ихъ указовъ, изъ коихъ видно, что празднованіе девятой пятницы въ Соликамскѣ установлено еще при епископахъ вологодскихъ и пермскихъ, рядъ которыхъ начинается съ 1584 года. Крестный ходъ въ упомянутый день установленъ „по обычаю и челобитію прежнихъ мірскихъ людей ради варварскаго нашествія“ (челобитная вятскому епископу Діонисію отъ 5-го февраля 1711 г., въ книгѣ стр. 83—85). Въ другой челобитной епископу Алексію отъ 1719 г. сказано: „Съ прошлымъ лѣтъ, изстари отъ нахожденія войски Ногайскихъ соулчи на городъ Соликамскую и убійства... установлено празднество“ (стр. 85).

²⁾ На этомъ историческомъ холмѣ и лично бывалъ неоднократно и слышалъ преданія о битвѣ русскихъ съ вогуличами и другими „чуждыми“.

потребовало, по крайней мѣрѣ, съ полгода времени, а, вѣроятно, и болѣе, и лишь послѣ того великопермскія власти могли донести царю о всемъ происшедшемъ. Судя по тому, что крестный ходъ въ Соликамскѣ, установленный вскорѣ же послѣ погрома Кихека, приуроченъ къ іюню мѣсяцу, мы думаемъ, что полное избавленіе отъ враговъ послѣдовало только къ этому времени. Но всякомъ случаѣ въ декабрѣ 1581 г. Пермь Великая еще не была спокойна. Это доказываетъ второй и третій челобитными Семена и Максима Строгановыхъ, отвѣтомъ на которыя были царскія грамоты—одна отъ 20-го декабря 1581 г. въ Пермь Великую и въ Усолье Камское старостамъ и цѣловальникамъ о дозволеніи Строгановымъ брать охочихъ казаковъ и пойдти войной на вогуличей, а другая грамота отъ 30-го декабря того же года въ Пермь Великую Василию Писелеплицыну о возвращеніи убѣжавшихъ изъ слободъ ихъ въ Пермь Великую людей ихъ ¹⁾. Эти двѣ грамоты доселѣ хранятся въ подлинникахъ въ архивѣ главнаго управленія Пермскими имѣніями Строгановыхъ, въ селѣ Ильинскомъ Пермскаго уѣзда. Мы должны остановить на нихъ вниманіе читателя, какъ на документахъ, повидимому, никому не извѣстныхъ. Какъ сохраняемыя въ Пермскомъ краѣ, а не въ Петербургскомъ фамильномъ архивѣ Строгановыхъ, онѣ извѣстны были О. А. Волегову, но ихъ не зналъ проф. Устряловъ.

Грамота отъ 20-го декабря 1581 г. очень напоминаетъ грамоту отъ 6-го августа 1572 г., данную Строгановымъ по поводу Черемисскаго бунта. Семенъ и Максимъ Строгановы, чувствуя крайнюю нужду въ людяхъ съ уходомъ Ермака и опасаясь въ то же время вогуличей, просили государя, по примѣру 1572 г., дозволить на тѣхъ же условіяхъ набирать „охочихъ казаковъ“, которые не измѣнили царю, чтобы съ ихъ помощью восвать вогуличей. При тогдашнемъ положеніи имъ дѣйствительно нельзя было придумать ничего лучшаго. Имъ приходилось думать уже не о личныхъ выгодахъ отъ этого предпріятія, которыя всѣ должны были поступить въ руки казаковъ („животы“ побѣжденных), а только о личной и имущественной безопасности отъ выѣшнихъ враговъ. Пикита Строгановъ въ этой челобитной опять не участвовалъ, потому что, живя на Камѣ, не чувствовалъ болѣе по отдаленію опасности отъ вогуличей. Семену и Максиму дозволено было, согласно просьбѣ ихъ, набрать охочихъ казаковъ, сколько нужно (пригоже), составивъ имъ именной списокъ и т. д.,—словомъ на тѣхъ же

¹⁾ Эти грамоты нигдѣ изданы не были.

условіяхъ, какъ было дозволено то же самое въ 1572 году: доказательство, что царь ничего еще не зналъ о посылкѣ тѣмъ же Строгановыми въ Сибирь вольныхъ казаковъ.

Другая грамота отъ 30-го декабря 1581 г., не представляя интереса по своему содержанію, важна для насъ тѣмъ, что писана на имя одного Василя Пелепелицына. Значить, въ декабрѣ этого года князь Елецкій уже не былъ намѣстникомъ Перми Великой ¹⁾, и его имени мы болѣе не встрѣчаемъ ни въ одномъ документѣ. Пелепелицынъ нѣкоторое время оставался на Пермскомъ воеводствѣ безъ соправителя, который былъ присланъ въ Чердынъ лишь въ ноябрѣ 1582 г. въ лицѣ Воина Оничкова. Съ послѣднимъ былъ посланъ въ Пермь Великую еще Иванъ Глуховъ въ качествѣ военачальника, тотъ самый, который въ 1583 г. назначенъ былъ въ товарищи къ первому сибирскому воеводѣ, князю Семену Дмитріевичу Болховскому.

Итакъ, съ января до ноября 1582 г. Пелепелицынъ оставался одинъ на Чердынскомъ воеводствѣ. Нѣкоторые сторонники Есиповской лѣтописи думаютъ, что этимъ-то временемъ и воспользовался онъ, чтобы написать доносъ на Строгановыхъ и обвинить ихъ въ мнимомъ будто бы призваніи Ермака. Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, мы предлагаемъ всѣмъ сторонникамъ Есиповской и Ремезовской лѣтописей и противникамъ Строгановской разрѣшить намъ на основаніи существующихъ источниковъ три дилеммы: 1) Если Пелепелицынъ наклеветалъ на Строгановыхъ въ своей челобитной царю, будто они призвали Ермака, царь же повѣрилъ клеветѣ и сдѣлалъ ошибку въ грамотѣ 1582 г., повторенную затѣмъ въ послѣдующихъ царскихъ грамотахъ,—то почему Строгановы съ своей стороны не жаловались царю на Пелепелицына за то, что онъ допустилъ казаковъ безнаказанно разбойничать въ вотчинахъ Строгановыхъ, по словамъ Ремезова; допустилъ задиранія ихъ съ сосѣдними инородцами, которые все это и выместили жестоко на злополучной Перми тотчасъ по уходѣ казаковъ: клевета, съ одной стороны, и благодарность за нее съ другой—немыслимы. 2) Если Пелепелицынъ завѣдомо по

¹⁾ Въ I выпускѣ „Пермской Старины“, на стр. 170, въ спискѣ великопермскихъ воеводъ мы поставили неправильно князя Елецкаго подъ 1582 г., полагавшіеся на протоіерея Луканина; слѣдуетъ поставить 1581 годъ; а предъ воеводою Пулгаковымъ, на второмъ мѣстѣ послѣ князя Ковра, подъ 1570 г. въ спискѣ нужно поставить намѣстники Никиту Ивановича Ромодановскаго. Пелепелицынъ въ 1581 г. сидѣлъ на воеводствѣ совместно съ княземъ Елецкимъ, а въ 1582 г.—съ Юриемъ Оничковымъ.

злѣбѣ сказать царю ложь про (Строгановыхъ, представивъ ихъ измѣнниками, то почему Строгановы не приняли никакихъ мѣръ къ оправданію себя въ глазахъ царя, при посредствѣ хотя бы того же князя Елецкаго, какъ недавняго свидѣтеля всего происходившаго, только что вернушагося изъ Перми въ Москву, или самихъ казацкихъ атамановъ, вскорѣ получившихъ царское прощеніе, а съ нимъ и довѣріе: клевета съ одной стороны и молчаніе праваго съ другой, особенно предъ лицомъ царя—не совмѣстимы. 3) Если весь сибирскій походъ былъ дѣломъ самихъ казаковъ, безъ всякаго участія Строгановыхъ (по Есипову) и даже съ ущербомъ для нихъ (по Ремезову), то почему Строгановы, ранѣе проявившіе на Камѣ и Чусовой такую энергію и предпримчивость, безропотно отказались отъ всѣхъ правъ на данныя имъ обширныя земли въ Сибири, конхъ свободно хватило бы и на ихъ долю по завоеваніи страны казаками; отказались отъ этого богатства, лежавшаго подъ ихъ ногами, при тѣхъ широкихъ льготахъ, какія предоставляла имъ грамота 1574 г., почти списанная съ такихъ же грамотъ на земли по Камѣ (1558 г.) и Чусовой (1568 г.): бить самого себя человѣку не свойственно ¹⁾.

Если сторонники Есиповской и Ремезовской лѣтописей въ состояніи удовлетворительно рѣшить эти три основныя дилеммы въ вопросѣ о покореніи Сибири,—рѣшить безъ натяжекъ, на основаніи всей совокупности источниковъ, то мы перейдемъ на ихъ сторону, сознавъ свою ошибку; а теперь, не смотря на послѣднія увѣренія г. Адріанова, намъ остается повторить тѣ главныя десять положеній въ „сибирскомъ вопросѣ“, которыя имѣютъ для насъ силу твердаго убѣжденія и приведены въ IV-мъ выпускѣ „Пермской Старины“, на страницахъ 61—63. Мы недоумѣваемъ, на какомъ основаніи г. Адріановъ считаетъ всѣ наши доказательства участія Строгановыхъ въ покореніи Сибири „простымъ пересказомъ мнѣній другихъ ученыхъ“. тогда какъ въ рѣшеніи этого вопроса мы всадѣ впереди всего ставили свидѣтельства источниковъ и на основаніи ихъ-то впервые установили три группы мнѣній ученыхъ, принятія затѣмъ Иловайскимъ, а чрезъ него и самимъ г. Адріановымъ. Д. И. Иловайскій въ третьемъ томѣ своей „Исторіи“ воспользовался нашей статьей 1884 года, которая и перепечатана въ 1892 г. въ IV выпускѣ „Пермской Старины“.

А. Дмитріевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Весьма основательныя соображенія по этимъ вопросамъ находятся въ историческомъ обзорѣнн Тобольской губерніи, заключающемся во введеніи въ списки ея населенныхъ мѣстъ, С.-Ииб., 1871 г., стр. LXXI—LXXIV.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІ.

1894.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Багашева и К°, Наб. Екатеринин. кан., № 80.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	15
— Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей	66
А. А. Дмитріевъ. Роль Строгановыхъ въ покореніи Сибири (окончаніе)	243
А. Н. Веселовскій. Гетеризмъ, побратимство и кумовство въ купальской обрядности	287
Ө. И. Леонтовичъ. Очерки исторіи литовско-русскаго права (продолженіе)	319
И. Н. Ждановъ. Василий Вуслаевичъ и Волкъ Вославъевичъ (продолженіе)	369

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Н. Веселовскій. Слѣды народной Библии въ славянской и древнерусской письменности. Изслѣдованіе В. Мочульскаго. Одесса. 1893	413
С. Ө. Ольденбургъ. Смерть въ представленіи современныхъ бретонцевъ	427
А. Л. Липовскій. <i>K. Jireček. Posolství republiky dubrovnické k císařovně Kateřině II v l. 1774—1775. V Praze. 1893</i>	442
— Книжныя новосты	445
— Наша учебная литература (разборъ 12 книгъ)	9

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Отчетъ о состояніи О.-Петербургскихъ вышнихъ женскихъ курсовъ за 1892—1893 годъ	93
Е. П. Ковалевскій. Народное образованіе на всемірной выставкѣ въ г. Чикаго (окончаніе)	110

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

М. И. Ростовцевъ. Оновѣйшихъ раскопкахъ въ Помпеяхъ (окончаніе)	65
Н. Н. Платонова. „Риторика“ Аристотеля (продолженіе)	102

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофіціальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1891 годъ	33
--	----

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го февраля).

РОЛЬ СТРОГАНОВЫХЪ ВЪ ПОКОРЕНИИ СИБИРИ ¹⁾.

(Новый пересмотръ сибирскаго вопроса).

Вслушаемъ теперь ту горькую правду про Строгановыхъ, которую повѣдалъ царю его великопермскій воевода Пелепелицынъ въ челобитной 1582 года и которой не скрылъ отъ потомства неизвѣстный составитель Строгановской лѣтописи, къ его собственной чести. Грамота, бывшая результатомъ этой челобитной, писана только на имя Максима и Никиты Строгановыхъ, что я объясняю тѣмъ, что Семенъ Аникіевичъ въ 1582 г. (въ январѣ или февралѣ) переселился въ Сольвычегодскъ, куда и посланъ былъ ему особый списокъ той же опальной грамоты. Тамъ, въ Сольвычегодскѣ, Семенъ Аникіевичъ и скончался 22 октября 1587 г. ²⁾ Грамота скрѣплена черной посковой печатью и подписями царя Ивана Васильевича и дьяка Андрея Щелкалова. Подлинная грамота на имя Максима и Никиты хранится въ фамильномъ архивѣ Строгановыхъ въ Петербургѣ, а экземпляры Семена Аникіевича, кажется, утрачены.

Челобитная Пелепелицына передана въ грамотѣ въ такихъ словахъ: „писалъ къ намъ изъ Перміи Василій Пелепелицынъ, что послали вы изъ остроговъ своихъ волжскихъ атамановъ и казаковъ Ермака съ товарищи воевать вотяки (не было ли въ челобитной слова остяки?) и вогуличей и Пелымскія и Сибирскія мѣста сен-

¹⁾ Окончаніе. См. январскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ „Пермская старина“, IV, 67, и родословная таблица во II вып., стр. 70. „Опальную“ грамоту отъ 16 ноября 1582 г. см. у *Миллера*, стр. 145 — 147, также въ „Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ“, I, 184—185, въ „Пермской лѣтописи“ *Шишонка*, I, 100—101, и въ Строгановской лѣтописи, изданной *Спаскимъ* въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ* 1821 г. и отдѣльно (С.-Пб., 1821 г.).

табря въ 1-й день, а въ тотъ же день ¹⁾ собрався Пелымской князь съ Сибирскими людьми и съ вогуличи приходилъ войною на наши Пермскія мѣста, и къ городу къ Чердыни къ острогу приступалъ. и нашихъ людей побилъ, и многіе убытки нашимъ людямъ починили. и то сдѣлалось вашею измѣною: вы вогуличъ и вотяковъ (остяковъ) и пелымцовъ отъ нашего жалованья отвели, и ихъ задирали и войною на нихъ приходили, да тѣмъ задоромъ съ Сибирскимъ салтаномъ ссорили насъ ²⁾, а волжскихъ атамановъ къ себѣ призывавъ, воровъ, наняли въ свои остроги безъ нашего указа, а тѣ атаманы и казаки прѣжъ того ссорили насъ съ Нагайскою ордою, пословъ нагайскихъ на Волгѣ на перевозѣхъ побивали ³⁾, и Ардобазарцовъ грабили и побивали и нашимъ людямъ многіе грабежи и убытки чинили; и имъ было вины свои покрыти тѣмъ, что было нашу Пермскую землю оберегать, и они сдѣлали съ нами вмѣстѣ потому-жъ, какъ на Волгѣ чинили и воровали; въ который день къ Перми къ Чердыни приходили вогуличи сентября въ 1 день, а въ тотъ же день отъ тебя изъ остроговъ Юрмакъ съ товарищи пошли воевать вогуличи. а Перми ничѣмъ не пособили, и то все сталося вашимъ воронствомъ и измѣною"... Въ послѣднихъ словахъ весьма ясно сказано, что походъ начался отъ Чердыни, гдѣ вогуличи были въ самый день наступленія казаковъ изъ Чусовскаго городка; но какъ могли въ городкѣ на Чусовой знать, что въ тотъ же день дѣлалось въ Чердыни за 400 верстъ? Строгановы, конечно, не предвидѣли столь скорого нападенія на Пермь непріятелей, иначе они задержали бы казаковъ, потому что сами остались почти беззащитны. Пеленелицынъ, очевидно, былъ недоволенъ тѣмъ, что Строгановы не предупредили его своевременно объ отправленіи войска въ Сибирь. Само собою разумѣется, что ему не могъ нравиться образъ дѣйствій Строгановыхъ по отношенію къ казакамъ, какъ противозаконный; онъ не могъ не знать объ этомъ темномъ дѣлѣ, но не могъ, повидимому, и донести о немъ царю, пока въ

¹⁾ Совершенно не согласны съ толкованіемъ этой точной даты у Илювйского въ примѣч. 70 къ III т. его „Исторіи Россіи“, стр. 661. На самомъ дѣлѣ все было именно такъ, какъ говоритъ грамота.

²⁾ Очень важное доказательство, что Пелымскій князь Кихакъ дѣйствительно съ отцомъ Кучумомъ, какъ его вассалъ. Потому-то онъ и не боялся оставить свое княжество на Пелымѣ въ виду скорого прибытія казаковъ въ Сибирь. Безопасность его владѣній была гарантирована Кучумомъ.

³⁾ Фактическія доказательства справедливости этихъ словъ можно найдти въ изслѣдованіи Перетяжковича: „Новоустье въ XV и XVI вѣкахъ“, Москва, 1877 г., глава VI, 288, 304 и мн. др.

Чердыни сдѣлалъ князь Елецкій, кажется, сильно благоволившій богатымъ солеварамъ изъ своихъ выгодъ. Но какъ только послѣдній оставилъ Пермь Великую, и послѣдняя была окончательно замирена, Пелепелицынъ тотчасъ сообщилъ въ Москву о всемъ „безъ утайки“. Это сообщеніе сдѣлано было лѣтомъ 1582 года, а грамота написана была 16 ноября.

Достопамятная грамота, повторяющая челобитную Пелепелицына, устами царя повелѣвала Максиму и Никитѣ Строгановымъ и мѣстнымъ властямъ немедленно принять слѣдующія мѣры для защиты Перми Великой: „И мы послали въ Пермь Воина Оничкова, а велѣли *тѣмъ* казаковъ *Ермака съ товарищи* взять отвести въ Пермь (то-есть въ Чердынь) и въ Усолъ въ Камское и тутъ имъ стоять раздѣляся. и изъ *тѣхъ мѣстъ* на Пелымскаго князя зимою на нартахъ ходить воевать велѣли есмь *тѣмъ* всемъ казакомъ и пермичамъ и ямчанамъ съ своими посланники съ Воиномъ съ Оничковымъ да съ Иваномъ съ Глуховымъ“. Подчеркнутыя слова дѣлаютъ очевидными для насъ два обстоятельства: во-первыхъ, ходить на Пелымскаго князя велѣно было изъ Чердыни на нартахъ тою же сѣверною дорогою по Вишерѣ и Лозьвѣ, по которой пришелъ на Пермь самъ Кихекъ въ сентябрѣ 1581 года; во-вторыхъ, въ Москвѣ въ ноябрѣ 1582 года ничего не знали о предпріятіяхъ казаковъ, которые были уже за Ураломъ, въ Тюмени, на такомъ разстояніи отъ Перми, что немедленно вернуть ихъ въ Пермь не было никакой возможности. Далѣе грамота предписывала Строгановымъ: „А вы бѣ обсылаяся въ Чердынь съ Васильемъ съ Пелепелицынымъ и съ Воиномъ съ Оничковымъ посылали отъ себя воевать вогуличъ и отяковъ (остяковъ), а однолично бѣ естя по сей нашей грамотѣ казаковъ всѣхъ, только къ вамъ изъ войны пришли. послали ихъ въ Чердынь тотчасъ и у себя ихъ не держали“. Ясно, что въ Москвѣ походъ казаковъ считали обыкновеннымъ набѣгомъ на сосѣдей Перми, который можно было тотчасъ остановить, и не подозрѣвали, что за Ураломъ эти казаки уже вели настоящую войну съ старымъ врагомъ Москвы—Кучумомъ, что отступаться отъ такого дѣла имъ было уже невозможно. Изъ челобитной Пелепелицына нельзя было усмотрѣть ничего подобнаго, да, вѣроятно, онъ и самъ не зналъ, что казаки уже были такъ далеко отъ Перми; это знали только Строгановы. „А не вышлете изъ остроговъ своихъ въ Пермь,—грозить далѣе грамота Максиму и Никитѣ,—волжскихъ казаковъ атамана Ермака Тимоѣева съ товарищи, а учнете ихъ держати у себя, и Пермскихъ мѣстъ не учнете оберегати. и такую вашу измѣною, что падъ Пермскими мѣстами учинитца отъ вогуличъ и отъ пелымцовъ и отъ Си-

бирскаго саитана людей впередъ, и намъ въ томъ на васъ опала: своя положить большая. А атамановъ и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, великъ перевѣшати". Разъ все это сдѣлано было безъ царскаго указа, правительству нельзя было поступить иначе какъ со Строгановыми, такъ и съ казаками. Строгановы не исполнили, не могли уже исполнить повелѣніе царя, при всемъ желаніи ихъ, и, слѣдовательно, оказались въ большой опалѣ у царя, а Ермакъ и прочіе казаки подлежали смертной казни чрезъ повѣшеніе. Страхъ этой-то казни и побудилъ затѣмъ Ермака съ товарищами бить челомъ непосредственно царю царствомъ Сибирскимъ, въ надеждѣ заслужить прощеніе. Очевидно, люди Строгановыхъ не замедлили сообщить Ермаку гнѣвную грамоту царя, о которой иначе казаки не могли бы знать, — новое доказательство связи Строгановыхъ съ дружиною Ермака.

Отъ Перми Великой и Строгановыхъ перейдемъ къ Ермаку и последуемъ за его дружиной. Мы знаемъ, что она выступила изъ Нижняго Чусовскаго городка (нынѣ село Пермскаго уѣзда того же названія) 1-го сентября 1581 года. Въ отрядѣ Ермака было 540 человекъ вольныхъ казаковъ, пришедшихъ съ Волги, къ которымъ Строгановы, по условію съ Ермакомъ, присоединили еще своихъ воемскихъ людей. Сколько же было послѣднихъ? По Строгановской лѣтописи 300 человекъ, но такое количество представляется невѣроятнымъ, если принять во вниманіе, что по писцовой книгѣ Яхонтова 1579 г. все населеніе Пермскихъ вотчинъ Строгановыхъ едва превышало 400 человекъ мужскаго пола. Очевидно, Строгановская лѣтопись въ данномъ случаѣ допускаетъ такую же ошибку, какихъ не мало дѣлаютъ въ разныхъ мѣстахъ Есиповъ и Ремезовъ. Такъ, сообщеніе Ремезова, будто у Ермака было отъ 5 до 7 тысячъ человекъ, представляется совершеннымъ абсурдомъ уже потому только, что Кихекъ съ 700 человекъ такъ страшно разгромилъ Пермь Великую¹⁾. Нужно помнить, что тогдашнія оборонительныя средства городовъ были ничтожны сравнительно съ нынѣшними. Положимъ, Кихекъ, проходя чрезъ Пермь Великую, получалъ подкрѣпленія отъ жившихъ въ ней и по сосѣдству инородцевъ, но изъ Великопермскихъ писцовыхъ книгъ 1579 г., содержаніе которыхъ мы анализи-

¹⁾ Удивляемся, что Миллеръ (стр. 95—96) защищаетъ именно показаніе Ремезова. Карамзинъ, Соловьевъ, Иловайскій принимаютъ показаніе Строгановской лѣтописи.

ровали въ III и IV выпускахъ „Пермской Старины“, мы узнаемъ, что все тягловое мужское население Пермской Великой какъ русское, такъ и инородческое въ 1579 г. доходило только до 2.500 человекъ. Въ знаменитомъ „Югорскомъ“ походѣ 1499 — 1500 гг. участвовало до 4.000 человекъ, но этотъ походъ былъ снаряженъ Московскимъ правительствомъ и имѣлъ цѣлью покореніе всѣхъ Угорскихъ земель какъ по сю, такъ и по ту сторону Урала, и простирался даже въ сѣверныя части Сибири. Походъ же въ Сибирь 1581 г. былъ предпринятъ по частному почину, безъ вѣдома правительства, совсѣмъ иначе былъ обставленъ и уже потому не могъ располагать силами въ нѣсколько тысячъ человекъ. И еслибы казаки въ числѣ до 6.000 самовольно вторгнулись въ вотчины Строгановыхъ, лежавшія по Камѣ и Чусовой, то мыслимо ли, чтобы великопермскій намѣстникъ князь Елецкій не донесъ въ Москву объ этомъ вторженіи немедленно? Однако этого не было сдѣлано съ его стороны. На основаніи всѣхъ высказанныхъ соображеній, мы признаемъ весьма правдоподобнымъ показаніе Строгановской лѣтописи, что съ Ермакомъ выступило въ походъ 540 казаковъ; но подкрѣпленіе со стороны Строгановыхъ не могло быть до 300 человекъ. Гораздо вѣроятнѣе показаніе неизвѣстнаго составителя „Сказанія Сибирской земли“, что Ермакъ, убоявшись преслѣдованія царскихъ воеводъ на Волгѣ, „съ товарищи 500 человекъ убѣжали съ Волги въ Каму рѣку вверхъ и прибѣже въ вотчины Строгановы (конечно, по предложенію послѣдняго, такъ какъ въ противномъ случаѣ Строгановъ не могъ бы допустить Ермака въ свои вотчины и, при недостаткѣ своихъ силъ для этого, просилъ бы содѣйствія государева намѣстника) и тамо пребысть нѣсколько время. И въ то число въ Строгановы городки и вотчины по Чусовой и по Камѣ рѣкамъ пришелъ вольно изъ вогулячь Пелымской князь во многомъ собраніи“ (о приходѣ Ермака не сказано, что онъ пришелъ „вольно“). Тутъ несомнѣнно разумѣется набѣгъ Бегбелія съ 680 чел. на Чусовскіе городки, послѣдовавшій по тогдашнему численію 22-го іюля 1580 г. Задумавъ далѣе походъ въ Сибирь, „Максимъ Строгановъ повелѣ Ермаку изъ вотчины своей людей имать охотниковъ, сколько похотятъ; онъ же набравъ тутошнихъ жителей къ своимъ въ прибавку—сто пятьдесятъ четыре человекъ, всего собралъ себѣ 654 чел. и назвался казаками“. Это число охотниковъ идти въ Сибирь съ Ермакомъ не противорѣчитъ количеству тогдашняго населенія въ вотчинахъ Строгановыхъ и можетъ быть принято за самое вѣроятное. Всѣ эти охочіе Строгановскіе люди изъ Пермскихъ вотчинъ также

приняли названіе казаковъ, подъ которымъ ихъ все и знали въ Сибири, не различая отъ настоящихъ волжскихъ казаковъ.

Переходимъ къ вопросу о пути Ермаковой дружины въ Сибирь; рѣшеніе его связано съ другимъ болѣе важнымъ вопросомъ о западной границѣ тогдашней Сибири. Изъ Строгановской лѣтописи мы знаемъ, что казаки пробыли у Строгановыхъ 2 года и 2 мѣсяца, прибывъ къ нимъ 28-го іюня 1579 г. согласно пригласительному письму ихъ отъ 6-го апрѣля сего года. Но если такъ, то здѣсь надо поставить, вопреки этой лѣтописи, 1578 годъ ¹⁾. Издаваемое нами „Сказаніе Сибирской земли“ замѣчаетъ довольно неопредѣленно, что Ермакъ у Строгановыхъ „пробыть нѣсколько время“. Есиповъ не дѣлаетъ никакой оговорки объ остановкѣ казаковъ въ вотчинахъ Строгановыхъ. Ремезовъ говоритъ, что Ермакъ изъ Камы вошелъ въ Чусовую и, не зная мѣстности, по ошибкѣ повернулъ въ ея притокъ Сылу, гдѣ зазимовалъ, занявшись во время зимовки разбоемъ среди мѣстныхъ жителей и даже вогуловъ, обитавшихъ за Ураломъ: „и по за Камени вогуличи воевали и обогатѣли, и хлѣбомъ кормилися отъ Максима Строганова“ ²⁾. Какъ же согласить все эти извѣстія? Если не считать очевидныхъ несообразностей въ хронологіи Ремезова, то между всеми этими извѣстіями не трудно усмотрѣть нѣкоторое согласіе, при чемъ мѣстная Строгановская лѣтопись, составленная въ Пермѣ Великой, опять даетъ намъ наиболѣе вѣроятныя свѣдѣнія о появленіи и пребываніи казаковъ въ Пермскомъ краѣ съ іюня 1578 г. до сентября 1581 г. Мы привели уже не разъ изъ нея то мѣсто, гдѣ говорится о буйствѣ казаковъ за это время среди инородцевъ, объ умышленныхъ „задираніяхъ“ съ ними, послѣдствіемъ которыхъ было два набѣга на вотчины Строгановыхъ въ 1580 г. — 22-го іюли мурзы Бегбелія и 1-го сентября 1581 г. грознаго Кихека, о коихъ подробно и говоритъ та же Строгановская лѣтопись. Если казаки, по словамъ Ремезова, воевали съ вогулами даже „по за Камени“ еще до начала главнаго сибирскаго похода, то оба эти набѣга являются вполне понятнымъ явленіемъ. Видно, что казаки предварительно „проездывали пути“ въ Сибирь, въ виду предстоявшаго большаго похода, подобно тому, какъ Маметкулъ въ 1573 г. „проездывалъ дорогъ“ изъ Сибири въ Пермь Великую. Идти въ Сибирь извѣстною сѣвер-

¹⁾ Нападеніе Бегбелія Строгановская лѣтопись также неправильно относитъ къ 1581 г., тогда какъ оно несомнѣнно было въ концѣ 1580 г. по тогдашнему численію времени.

²⁾ „Пермская Старина“, IV, 36.

ною дорогою по Вишерѣ и Лозьвѣ на Тавду казакамъ не представлялось возможности, потому что на этомъ пути находилась Тахтанская волость, или Тахчен, которая еще раньше перешла на сторону Кучума. Этотъ путь, слѣдовательно, былъ закрытъ, и потому приходилось разузнавать другіе болѣе южные пути въ царство Кучумово. Во всякомъ случаѣ извѣстіе Ремезова о предварительномъ разузнаваніи казаками путей, хотя и упущенное изъ вида всѣми прежними изслѣдователями вопроса, имѣетъ важное значеніе, показывая, во первыхъ, что казаки провели нѣсколько времени у Строгановыхъ, прежде чѣмъ пошли на Кучума, что они имѣли здѣсь приготовленія къ походу съ помощью Строгановыхъ, а не прямо прошли съ Камы въ Сибирь, какъ пишетъ Есиповъ; и, вѣторыхъ, что они въ 1581 г. шли въ Сибирь по отчасти извѣстному имъ краю, чѣмъ и объясняются удачи Ермака въ этомъ походѣ, не смотря на ограниченность его войска (654 чел.). Доказательствомъ довольно продолжительнаго пребыванія Ермака на Уралѣ служить и прочная память о немъ здѣсь, сохраняющаяся доселѣ въ географическихъ названіяхъ мѣстностей. Мы уже сказали, что на р. Сылвѣ выше села Тохтарева доселѣ существуетъ деревня „Хуторы Ермаковы“ ¹⁾. На дальнѣйшемъ историческомъ пути Ермака доселѣ встрѣчаемъ: Ермаково городище—мысъ при впаденіи рѣчки Кокуя въ р. Серебрянку, притокъ Чусовой въ Кушгурскомъ уѣздѣ; другое Ермаково городище на р. Тагилѣ, въ 16 верстахъ отъ Нижне-Тагильскаго завода, на лѣвомъ берегу, и въ 4 верстахъ ниже впаденія съ Тагилѣ рѣчки Баранчи, при устьѣ рѣчки Медвѣдки; рѣчка Ермаковка, незначительный притокъ Чусовой, и на ней Ермаковскій рудникъ въ дачѣ Серебрянскаго завода; наконецъ, Ермаковъ Камень на правомъ берегу Чусовой, въ 34 верстахъ ниже Кыновскаго завода, при устьѣ рѣчки Ермаковки. и пониже камня—отмель на р. Чусовой, называемая Ермаковъ переборъ, то-есть, перекасть ²⁾. Въ разныхъ мѣстахъ Пермской губерніи есть еще до 20 деревень подъ названіями: „Ермаки“, „Ермакова“,

¹⁾ Миллеръ, держась лѣтописи Ремезова, замѣчаетъ, что Ермакъ по ошибкѣ зашелъ въ р. Сылву. „То мѣсто, гдѣ онъ тогда зимовалъ, называется и понынѣ *Ермаково городище*“ (стр. 97). Но гдѣ именно оно, мы все-таки не знаемъ. Нынѣ у села Тохтарева есть только „Хуторы Ермаковы“.

²⁾ Всѣ эти географическія свѣдѣнія заимствую изъ „Географическаго словаря Пермской губ.“, Н. К. Чупина, стр. 481 — 486. Замѣтка Калашникова въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1861 г., сентябрь, стр. 210 — 212, есть сплошной плагиатъ этого мѣста словаря Чупина, безъ ссылки на настоящаго автора.

„Ермаковка“, „Ермачата“, въ Тобольской губ. 5 поселеній съ подобными названіями, тогда какъ въ Уфимской и Оренбургской — ни одного ¹⁾. Въ Пермскомъ уѣздѣ есть и село Кольцово въ 28 верстахъ отъ Перми по Сибирскому тракту, нѣсколько влѣво отъ него, по дорогѣ въ село Насадку, чтѣ на р. Сылвѣ. Это небольшое село возникло изъ старинной деревушки того же имени. Такимъ образомъ память о завоевателяхъ Сибири доселѣ жива въ Пермскомъ краѣ; если не всѣ мѣста, то расположенныя по пути Ермака сомнѣнія ему урошца несомнѣнно обязаны ему своими наименованіями, чего не могло бы быть, еслибы Ермакъ только прошелъ черезъ Пермскій край, а не прожилъ здѣсь болѣе двухъ лѣтъ, какъ и было въ дѣйствительности.

Изъ сопоставленія лѣтописныхъ извѣстій съ приведенными географическими названіями не трудно опредѣлить и самый путь, по которому дружина Ермака слѣдовала въ Сибирь. И въ этомъ отношеніи мѣстная Строгановская лѣтопись даетъ наиболѣе полныя свѣдѣнія, которыхъ не могло быть у далекихъ Тобольскихъ лѣтописцевъ по весьма понятной причинѣ: великопермскій бытописатель гораздо лучше зналъ географію Приуралья и всѣ обстоятельства движенія казаковъ въ Сибирь. Съ момента же вступленія Ермака въ Сибирь, дальнѣйшія подробности похода онъ не могъ знать столь подробно, по отдаленности мѣста событій, почему свидѣтельства Ремезова и отчасти Есипова получаютъ преобладающее значеніе въ сообщеніи многихъ фактовъ.

Движеніе Ермаковой дружины было таково. Казаки отправились 1-го сентября 1581 г. изъ Нижняго Чусовскаго городка вверхъ по Чусовой, по которой поднялись до Ермакова Камня при устьѣ рѣчки Ермаковки, гдѣ была сдѣлана первая остановка. Эта рѣчка и камень-скала получили названіе несомнѣнно отъ имени главнаго атамана казаковъ. Отсюда главная сила Ермака и самъ онъ поплыли къ устью Серебрянки, а другая часть дружины проплыла по Чусовой еще выше до рѣки Межевой Утки, вѣроятно, съ цѣлью разузнать дальнѣйшіе пути и вмѣстѣ поселенія вогуловъ; но путь съ верховьевъ Утки оказался непроходимъ, казаки должны были вернуться къ устью Серебрянки ²⁾ или къ становищу у Ермака-Камня, если главный отрядъ еще не оставилъ его, и затѣмъ вся дружина стала под-

¹⁾ См. „Списки населенныхъ мѣстъ“ этихъ губерній.

²⁾ Это видно изъ статьи 6-й лѣтописи Ремезова.

ниматься вверхъ по Серебрянкѣ. достигнувъ ко времени замерзанія рѣки устья ея лѣваго притока Кокуя. Здѣсь на высокому мысу Ермакъ заложилъ Кокуй-городокъ („городокъ“ на Чусовой. откуда вышли казаки, также назывался по рѣкѣ) для защиты себя во время зимовки. Съ того времени это урочище получило названіе „Ермакова городища“ (нынѣ въ Кунгурскомъ уѣздѣ). Могло быть и такъ, что направившійся по Межевой Уткѣ отрядъ казаковъ поднялся прямо къ верховьямъ этой рѣки, очень близко подходящимъ къ истокамъ Кокуя, спустился по Кокую до его устья и здѣсь соединился съ остальною дружиною. Но въ самыхъ верховьяхъ рѣчки Кокуй и Межевая Утка не судоходны. почему это предположеніе имѣетъ менѣе вѣроятія. Весною 1582 г., а по сентябрьскому численію того же 1581 г., Ермакъ съ казаками перетанилъ свое имущество и суда чрезъ 25-ти-верстный волокъ на рѣчку Жаравлякъ, правый притокъ Баранчи, нынѣ въ Верхотурскомъ уѣздѣ, и, идя берегомъ Жаравляка. достигъ рѣчки Баранчи. построилъ здѣсь плоты или суда, на которыхъ поплылъ внизъ по Баранчѣ въ рѣку Тагилъ и послѣднимъ—въ рѣку Туру, гдѣ начиналось уже Сибирское царство. Приведемъ наиболѣе обстоятельное слѣдѣтельство Строгановской лѣтописи объ этомъ движеніи казацкой рати. „И казаки идоша по Чусовой рѣкѣ вверхъ до усть Серебряныя рѣки 4 дни и по Серебряной рѣкѣ идоша 2 дни и донде Сибирской дороги и при ней городокъ земляной поставиша и назва его Ермаковъ-Кокуй-городокъ. И съ того мѣста перевезеся 25 поприщъ за волокъ на рѣку. рекомую Жаравль, и по той рѣцѣ поидоша внизъ и вышедъ на Туру рѣку; ту бѣ и Сибирская страна“¹⁾. О развѣдкахъ по Межевой Уткѣ и въ другихъ мѣстахъ извѣстія находимъ у Ремезова. Въ довольно достоверномъ „Сказаніи Сибирской земли“ читаемъ: „И отпусти ихъ въ Сибирь судами по рѣкѣ Серебрянкѣ вверхъ. Они же доидоша до оной и переволокли насады на рѣчку Жаравль и Пѣтухъ (sic!) и промежъ оныхъ рѣчкахъ (рѣчекъ?) поставили городокъ и тутъ зимовали. И оттуду пришли на Тагилъ рѣку и по Тагилу плыша внизъ до рѣки Туры и Турою плыша внизъ до рѣки Тавды“. Относительно

¹⁾ Изъ имѣющейся у меня рукописи Строгановской лѣтописи. Ср. у Карамзина стр. 385 и примѣч. 675 въ IX т. „Исторія“ его. Сообщеніе этой лѣтописи, что казаки вступили въ Сибирскую землю 9-го сентября того же года, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что съ этого числа дружина остановилась на зимовку за предѣлами Пермь Великой для развѣдокъ дальнѣйшаго пути, въ который Ермакъ выступилъ лишь весною.

лѣста зимы казакѣ тутъ допущена очевидная ошибка, но о самой зимѣ догадѣ сохранились на Уралѣ народные преданія. Подъ упомянутою въ Строгановской лѣтописи „Сибирскою дорогою“ нужно разумѣть главную дорогу изъ Сибири въ Ногайскую орду, между которыми существовали постоянныя сношенія ¹⁾. Этою дорогою пользовались только инородцы, особенно сибирскіе татары, вогуличи, остяки и ногаи; русское же правительство ея не признавало.

Мы дошли до вопроса: гдѣ же начиналась тогда Сибирь? гдѣ шла ея западная граница? Сѣверную границу этой страны для XV вѣка мы опредѣляли по источникамъ въ V выпускѣ „Периской Старинѣ“. Тамъ мы пришли къ заключенію, что эта граница шла приблизительно по 58° сѣв. широты, къ сѣверу отъ котораго лежала Югорская въ широкомъ смыслѣ, а къ югу Сибири, при чемъ на нижнемъ теченіи Туры и Тавды вогульскія населенія встрѣчались съ татарскими. Вся Конда, Иртышъ ниже устья Тобола, его правые притоки Турташъ и Демьянка и лѣвые притоки Оби Юганъ и Васъ-Юганъ составляли еще Угорскую область. Такъ было во времена Тайбугиной династіи въ Сибири. Съ паденіемъ ея и воцареніемъ грознаго Кучума, сѣверные предѣлы Сибири къ концу XVI вѣка значительно раздвинулись. Мы видѣли, что вся Тавда, Пелымъ были подвластны Кучуму, и князья пелымскіе изъ вогуль, сохраняя нѣкоторую автономію, дѣйствовали, однако, подъ его знаменемъ; Тахченъ и Конда, притокъ Иртыша, были ему подвластны, и только татарскія княжества по Турѣ—Епанча и Чинги-Тура, то-есть, Туринскъ и Тюмень по русскому наименованію, въ то время не признавали, по видимому, власти Кучума, жившаго въ Искерѣ. Но если не считать подручныхъ, союзныхъ Кучуму княжествъ вогульскихъ и татарскихъ, то собственныя его владѣнія были не велики. Объ этомъ справедливо говоритъ П. А. Словцовъ: „Ландкарта Кучумовой Сибири или ханства Иртышскаго ограничивалась (вскорѣ по овладѣніи Искеромъ) къ сѣверу рѣчкою Демьянкою, въ Иртышъ впадающею, къ востоку юртами Вагайскими, къ югу холмомъ Атбашскимъ, гдѣ послѣ 1633 года былъ нашъ острогъ, къ юго-западу устьемъ Туры, къ западу устьемъ Тавды. Далѣе-жъ сихъ предѣловъ кочевали союзники малозависимые или независимые: остяцкіе князцы, барабинцы, киргизъ-кайсаки, ногаи, туралинцы Чингидинскаго улуса (то-есть, тюменскіе

¹⁾ Выше было упомянуто, что сынъ Кучума Алей въ 1677 г. женился на ногайской царевнѣ, дочери Тинъ-Ахмата.

татары), князцы вогульскіе, епанчинской и пелынской" ¹⁾. Каранзинъ считалъ Туру западною границею Сибири на основаніи приведенной выше оговорки Строгановской лѣтописи: „и вышедъ (Ермакъ) на Туру рѣку: ту бѣ и Сибирская страна" ²⁾. Но для рѣшенія вопроса о границахъ Сибири въ XVI вѣкѣ случайной лѣтописной замѣтки, конечно, еще недостаточно.

Въ первый разъ слово Сибирь, какъ названіе города, упоминается на картѣ Франсиска и Доминика Пицигани 1367 г. и во второй—на картѣ фра-Мауро, 1459 г. ³⁾. (Слѣдовательно, по время перваго, достоверно извѣстнаго изъ IV Новгородской лѣтописи, зауральскаго похода 1364 г. на рѣку Обь новгородскихъ воеводъ Александра Абакумовича и Степана Ляпы слово „Сибирь" уже было въ употребленіи. При описаніи похода 1483 г. Архангелогородскій лѣтописецъ довольно опредѣленно упоминаетъ Сибирскую землю: „пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ мимо Тюмень въ Сибирскую землю,... а отъ Сибири шли по Иртышу рѣцѣ внизъ воюючи... въ Югорскую землю". О важности этихъ указаній мы говорили въ V выпускѣ нашей „Пермской Старины", указавъ при этомъ и сѣверную границу Сибири того времени. Въ 1484 г. тою же лѣтописью упоминается древнѣйшій „сибирскій князь Лятикъ" (см. тамъ же). Подъ 1505 г. одна лѣтопись говоритъ: „рать пришла безъ вѣсти изъ Тюмени, Кулукъ-Салтанъ"... (см. начало настоящей статьи). Въ составленной около того же времени великопермской уставной грамотѣ уже опредѣленно указывается на торговля отношенія между Пермью Великою и волокомъ Тюменскимъ ⁴⁾. На картѣ Антона Вида, составленной между 1537—1544 гг., но изданной въ 1555 г., указаны: города Sibir, Tumen, и страны Abdori, Kondori, Wilki Perim ⁵⁾. Дальнѣйшія упоминанія тѣхъ же названій мы встрѣчаемъ на картахъ: Мюнстера 1544 г., Герберштейна 1549 и 1556 гг., Дженкинсона 1562 г., голландца Баренца 1598 г., Исаака Массы 1609 г., Гесселя Герарда 1614 г. и, нако-

¹⁾ *Словцовъ*, „Историч. обзор. Сибири", ч. 1, С.-Пб., 1886 г., XVIII.

²⁾ „Истор. Госуд. Россійск.", IX, 385, и примѣч. 675 къ нему.

³⁾ „Пермская Старина", II, 3. Проф. *Амучинъ* неправильно считаетъ первымъ упоминаніемъ слова Сибирь въ 1459 г. См. его статью въ „Древностяхъ Моск. Археологич. Общ.", т. XIV, Москва, 1890 г., стр. 245: „Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака".

⁴⁾ „Пермская Старина", I, 192.

⁵⁾ *Д. Н. Амучинъ*: „Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака" въ „Древностяхъ Московск. Археолог. Общ.", т. XIV, 276—277.

онецъ, на русскихъ чертежахъ XVI вѣка ¹⁾). Такимъ образомъ еще до покоренія Сибири русскими слово Сибирь и другіе, относящіеся къ ней, наиболѣе важные географическіе термины можно прослѣдить по древнимъ картамъ и лѣтописямъ на протяженіи, по крайней мѣрѣ, двухъ съ половиною столѣтій. Сопоставляя показанія этихъ картъ съ извѣстіями всѣхъ сохранившихся письменныхъ источниковъ XIV—XVI вѣковъ, особенно лѣтописей, грамотъ и челобитныхъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ о значеніи слова Сибирь въ XVI вѣкѣ.

Сибирь на Иртышѣ и Тюмень на Турѣ, Сибирь на востокѣ и Тюмень на западѣ въ глазахъ русскихъ и всѣхъ европейцевъ, по крайней мѣрѣ, съ XIV вѣка составляли два отдѣльных княжескія владѣнія, изъ коихъ Сибирь возвышается на степень ханства, то-есть, царства, только съ появленіемъ въ ней Кучума, представителя дома Шейбанидовъ, но въ географическомъ смыслѣ оба владѣнія всегда составляли одну страну Сибирь. Эти два отдѣльных владѣнія находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Ногайскою ордою, и ногаи въ лѣтописяхъ и грамотахъ сибирскихъ упоминаются нерѣдко. Связи Сибири и Тюмени съ ногаями была такъ близка, что иногда и сибирскіе татары назывались ногайскими. Это можно объяснить какъ одинаковымъ тюркскимъ происхожденіемъ тѣхъ и другихъ татаръ, такъ въ особенности ногайскимъ происхожденіемъ Онсона и Тайбуги и ихъ дальнѣйшихъ потомковъ. Вѣдь не смѣшивались же сибирскіе татары, напримѣръ, съ казанскими. Резиденція Тайбугиной династіи неоднократно переносилась изъ Сибири въ Тюмень и обратно, и когда со времени Махмета въ концѣ XV вѣка она перемѣстилась въ Сибирь, то въ Тюмени сидѣли особы князья или беки подъ гегемоніей Сибири. Извѣстный данникъ Москвы Едигеръ самъ едва ли не жилъ въ Чинги-Турѣ (татарское названіе Тюмени), побуждаемый къ тому политическими обстоятельствами своего времени, а въ Сибири соправительствовавъ его родной братъ Бекбулатъ. Если это такъ, то предположеніе П. А. Словцова о мѣстѣ Едигерова юрта, встрѣченное учеными недовѣрчиво, получаетъ значительную долю вѣроятности. „Пространство земли,—говорилъ онъ,—называвшееся Сибирь Едигера, не далеко лежало отъ главнаго Ногайскаго юрта, и едва ли юртъ Сибирской не

¹⁾ О всѣхъ поименованныхъ картахъ см. тѣ же сочиненія гг. *Замисловскаго* и *Дручина*, изъ коихъ послѣдній приводитъ въ своей работѣ и факсимиле многихъ картъ. Для географіи Сибири XVII вѣка очень важно изданіе *Г. В. Юдина*: „Сибирь въ XVII вѣкѣ“, Москва, 1890 г., подъ редакціей *А. А. Тихонова*.

стоялъ между Исети и Міяса, при озерахъ Иртышѣ и двухъ Нанягахъ, гдѣ на южномъ берегу одного изъ озеръ видѣнъ курганъ изъ полевого шпата съ древнимъ укрѣпленіемъ и ровомъ“... ¹⁾). Курганъ при озерѣ Большомъ Нанягѣ въ южной части нынѣшняго Екатеринбургскаго уѣзда былъ принадлежностью гораздо болѣе древнихъ насельниковъ этихъ мѣстъ, что доказывается его эпитетомъ „Чудской“, о которомъ свидѣлствуетъ Палласъ, сдѣлавшій весьма подробное описаніе кургана ²⁾). Но мысль Соловцова, что Едигеръ жилъ не на Иртышѣ, а западнѣе, сама по себѣ вѣрна. Я увѣренъ, что резиденціей его была Тюмень, или по-татарски Чинги-Тура, гдѣ нѣкогда жилъ и самъ родоначальникъ его династии — Тайбуга. При такомъ мѣстоположеніи Едигерова улуса Словцовъ полагалъ, что „предѣлы его на западѣ Урала могли простираться отъ истоковъ Уфы до Утки, близъ которой, въ значеніи границы, течетъ (другая) рѣчка Сибирка,падающая въ Чусовую, въ широтѣ 57° 9'“ ³⁾). Выше Словцовъ указываетъ рѣчку Сибирку на восточномъ склонѣ Урала, выше Лялинскаго спуска, въ широтѣ 59° 12' (часть I, стр. XIV), а далѣе упоминаетъ третью Сибирку въ Тобольскомъ уѣздѣ, въ бассейнѣ Иртыша (ч. II, стр. 113). Итакъ, западную границу древней Сибири П. А. Словцовъ отодвигаетъ къ истокамъ р. Уфы и оттуда къ притоку Чусовой — рѣкѣ Уткѣ. Такъ какъ и послѣ покоренія Сибири указанныя мѣста въ первое время по управленію относились къ Тюмени и затѣмъ къ Верхотурью, то мы считаемъ возможнымъ согласиться съ такимъ заключеніемъ почтеннаго историка Сибири. До нашего времени дошло много поземельныхъ актовъ XVII в., скрѣпленныхъ „печатью Сибирскія земли города Верхотурья“, которые захватываютъ большую часть зауральской половины нынѣшней Пермской губернии. Слѣдовательно, почти весь этотъ обширный районъ въ XVII вѣкѣ считался Сибирью. Сѣверовосточные предѣлы поселеній ногаевъ такимъ образомъ были не особенно удалены отъ тогдашней юго-западной границы Сибири, почему между ногайскими и сибирскими татарами были возможны постоянныя сношенія, которыя и

¹⁾ „Историческое обозрѣніе Сибири“, С.-Пб., 1886 г., ч. I, стр. XVI. *Словцовъ* основываетъ свое заключеніе на грамотѣ 30-го мая 1574 г., гдѣ нашествіе Маметькула на югъ представляется, хотя и не буквально, съ верховьевъ Тобола.

²⁾ Петръ Симонъ *Палласъ*, „Путешествіе по разнымъ мѣстамъ Россійскаго государства“, часть II, книга 1-я, перев. съ нѣмецкаго Ѳ. Туманскаго, стр. 166—169. См. также дополненіе къ „Словарю Пермской губ.“, *Н. К. Чупина*.

³⁾ „Историческое обозрѣніе Сибири“, часть I, стр. XVI.

существовали дѣйствительно, какъ мы уже показали выше. Поэтому, надо полагать, московское правительство въ XVI вѣкѣ не хотѣло признавать дозволенной эту южную дорогу въ Сибирь, хотя она была удобнѣе сѣверной ¹⁾.

Повторимъ для ясности всѣ наши выводы относительно границъ Сибири въ XV и XVI вѣкахъ. Отъ истоковъ рѣки Уфы граница шла къ лѣвому притоку Чусовой, Верхней Уткѣ, и сосѣдней съ нею рѣчкѣ Сибиркѣ, текущей слѣва также въ Чусовую пониже этой Утки (нынѣ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, почти на границѣ его съ Екатеринбургскимъ). Здѣсь юго-западная граница Сибири соприкасалась съ юго-восточной границей Перми Великой (Пермская Старина, I, 115) и IV, 124). Отсюда граница направлялась на востокъ къ истокамъ Тагила, шла параллельно правому берегу этой рѣки и умиралась въ р. Туру выше нынѣшняго Туринска, тогда именовавшагося Епанчею. Изъ описанія пути казаковъ въ лѣтописяхъ ясно видно, что р. Тагиль протекала по Угорской территоріи, а Тура, отъ впаденія въ нее Тагила, составляла уже сибирское владѣніе. Далѣе на востокъ граница между Угорской и Сибирской странами шла приблизительно по 58° сѣверной широты чрезъ Тавду и Иртышъ, пересѣкая послѣдній пониже нынѣшняго Тобольска. Со времени утвержденія Кучума на Иртышѣ, владѣнія его на пространствѣ отъ Туры до Иртыша вѣзались большимъ угломъ въ Угорскую территорію, при чемъ Тахченъ, — бывшая Тахтанская вогульская волость на Тавдѣ, — составили сѣверную вершину этого угла. Между тѣмъ, на встрѣчу этому тюркскому вторженію въ область угровъ, съ XV вѣка постепенно распространялась русская колонизація по направленію съ сѣвера на югъ и юго-востокъ. Къ востоку отъ Иртыша сѣверная граница Сибири въ XV вѣкѣ шла къ вершинамъ рѣки Васъ-Югана и достигала Оби къ сѣверу отъ ея притока Кети. Съ теченіемъ времени и на этомъ пространствѣ угры постепенно были стѣсняемы съ сѣвера русскими, а съ юга татарами, пока со всѣхъ сторонъ не были окружены тѣми и другими поселеніями. Болѣе или менѣе опредѣленная угорско-сибирская территоріальная граница шла параллельно 58° сѣверной широты до исхода XV вѣка, послѣ чего она довольно замѣтно отодвигается къ сѣверу подъ напоромъ сибирскихъ татаръ.

¹⁾ Изъ грамоты 1574 г., жалованной Строгановымъ, мы видѣли однако, что и сѣверный путь не мѣшалъ спосылать Сибири съ враждебными Москвѣ инородцами: Кучумъ тайно посылалъ людей въ Ногаи чрезъ Тахченъ.

Съ момента вступленія Ермака въ предѣлы Сибири извѣстія лѣтописей о его дальнѣйшемъ движеніи становятся болѣе согласны между собою. Строгановскій лѣтописецъ, жившій, по всему вѣроятію, въ Перми Великой и скорѣе всего гдѣ нибудь въ вотчинахъ Строгановыхъ (въ Орлѣ или на Чусовой), потерявъ съ глазъ казацкую дружину, естественно уже не имѣлъ болѣе возможности сообщать о ней такія подробности, какія онъ зналъ за время пребыванія казаконъ въ Перми Великой. О дальнѣйшихъ событіяхъ такія подробности могли узнать со временемъ только сибирскіе лѣтописцы, жившіе, какъ извѣстно, въ Тобольскѣ. Потому-то съ этого времени преобладающимъ источникомъ свѣдѣній дѣлаются сибирскія лѣтописи, особенно Ремезовская, а великопермская (Строгановская) лѣтопись неизвѣстнаго составителя теряетъ то первостепенное значеніе, какое она несомнѣнно имѣетъ для пермскаго періода похода Ермакова; въ особенности страдаетъ ея дальнѣйшая хронологія¹⁾ и фактическая обстоятельность изложенія. Все это намъ кажется совершенно натуральнымъ явленіемъ въ области мѣстнаго лѣтописанія; почему для безпристрастнаго изслѣдователя всѣ лѣтописи должны имѣть въ вопросѣ о походѣ Ермака свое специальное значеніе соотвѣтственно разнымъ фазамъ событія. Спокойное, вполне объективное отношеніе изслѣдователя къ каждому источнику гораздо скорѣе и вѣрнѣе приведетъ къ открытію исторической правды, нежели пристрастное отношеніе къ одному источнику въ ущербъ другимъ, каковое позволяютъ себѣ Небольсинъ, Адриановъ и другіе ученые.

Итакъ, со времени вступленія Ермака въ бассейнъ р. Туры мы должны слѣдить за его движеніемъ преимущественно по лѣтописи Ремезова, не забывая, однако, гдѣ нужно, и прочихъ сибирскихъ лѣтописей. Извѣстный Миллеръ имѣлъ полное основаніе предпочесть въ этомъ случаѣ Ремезова всѣмъ другимъ сибирскимъ лѣтописцамъ. Такъ какъ изложеніе дальнѣйшаго похода Ермака лишь косвенно относится къ нашей прямой задачѣ, то мы ограничимся въ этомъ изложеніи существенными фактами, опустивъ подробности, которыя многократно сообщались уже въ трудахъ нашихъ историковъ²⁾. Для

¹⁾ Весьма основательныя хронологическія поправки относительно Строгановской и Ремезовской лѣтописей сдѣлалъ Д. И. Пловайскій въ примѣчаніи 70 къ III тому своей „Исторіи Россіи“, на стр. 660—662.

²⁾ Последнимъ по времени обстоятельнымъ изложеніемъ этого событія служить статья Д. И. Пловайскаго: „Ермакъ и покореніе Сибири“ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 1889 г., сентябрь. Отсюда эта статья цѣлкомъ вошла въ III томъ его же „Исторіи Россіи“ (М., 1890 г., глава X).

насъ особенно важно указать путь Ермака и тѣ поселенія, которыя ему встрѣтились на этомъ пути.

По Турѣ Ермакова дружина плыла до татарскаго города Епанчи, который находился новыше нынѣшняго Туринска. У Ремезова опредѣленно сказано: „...и поплыла внизъ по Тагилу маія въ 1 день (1581 г. по сентябрьскому счисленію), разбиваше суды по Турѣ до перваго князя Епанчи, идежѣ нынѣ Епанчинъ-Усениново стоитъ“ (статья 14)¹⁾. Здѣсь и была первая битва русскихъ съ татарами въ предѣлахъ Сибири. Село Усениново до сихъ поръ существуетъ въ Туринскомъ округѣ Тобольской губерніи. Въ 1750 г. Миллеръ писалъ, что „по князю Епанчѣ городъ Туринскъ и понынѣ въ просторѣчій Епанчинъ называется“ (Опис. Сиб. царства, стр. 108). Побѣдивъ татаръ, казаки и сопровождавшіе ихъ люди Строгановыхъ 1-го августа 1581 г. „взяша градъ Тюмень, еже Чингида, и царя Чингыза убиша, и многіе припасы и богатства взяша, и ту зимоваша, яко видя множество басурманскаго языка по Турѣ“ (Ремезовъ, статья 15). Изъ лѣтописей можно видѣть, что владѣвшіе Епанчиномъ и Чинги-Турою князья еще не были въ подданствѣ у Кучума. Перезимовавъ въ Тюмени, казаки весною 1582 г. (по сентябрьскому счисленію) двинулись далѣе внизъ по Турѣ, при чемъ самъ Ермакъ выступилъ изъ Тюмени только 9-го мая. Въ Тарханскомъ городкѣ, что нынѣ Тарханскіе юрты въ Тюменскомъ округѣ на р. Тоболѣ, противъ устьевъ Туры, они захватили въ плѣнъ Кучумова ясачнаго сборщика Кутугая. „Тарханской же бѣ заставной таможной Кучумовъ городокъ, а не Чингизовъ“ (Ремезовъ, статья 30). Последнія слова лѣтописи заслуживаютъ особеннаго вниманія: они ясно показываютъ, что собственныя владѣнія Кучума ограничивались бассейномъ Тобола, а на Турѣ лежали другія татарскія княжества, принадлежавшія потомкамъ убитаго Кучумомъ Едигера, но что эти княжества также считались по географическому положенію сибирскими наравнѣ съ собственными владѣніями Кучума. Тарханскій городокъ былъ Кучумовой таможей на границѣ съ Тюменскимъ княжествомъ, слѣдовательно, городкомъ пограничнымъ. Ремезовъ вполне подтверждаетъ такимъ образомъ мнѣніе П. А. Словцова о размѣрахъ Кучумова юрта, принятое выше и нами (юго-западную его границу составляло устье рѣки Туры).

¹⁾ Это извѣстіе передаетъ своими словами и Миллеръ, стр. 107—108. Ило-оискій смѣшалъ Епанчинъ (Туринскъ) съ Чинги-Турою (Тюменью). См. „Исторія Россіи“, III, стр. 391.

На устьѣ Туры произошла битва Ермака съ 6 татарскими князьями—кучумлянами, по выраженію Ремезова (статьи 35—37), который и упоминаетъ при этомъ по именамъ трехъ князей: Мантмаса, Каскара и Варваринну ¹⁾. Въ предѣлахъ собственныхъ владѣній царя Кучума это была первая битва русскихъ съ татарами. На Тоболѣ, между устьевъ Туры и Тавды, произошло еще двѣ битвы съ татарами: у Березоваго Яру и далѣе—у Караульнаго Яру, урочищъ, получившихъ съ тѣхъ поръ это названіе отъ казаковъ ²⁾ (Ремезовъ, статьи 37—38). Лѣтопись Есипова и „Сказаніе Сибирской земли“ добавляютъ къ Ремезовской лѣтописи извѣстіе, что на устьѣ Тавды казаки опять схватили кучумлянина Таусина (по Есипову, Таусака), посланнаго Кучумомъ на Тавду для рыбной ловли. Отъ него казаки получили новыя свѣдѣнія о приготовленіяхъ Кучума къ войнѣ. Такъ какъ ряды казаковъ послѣ предыдущихъ битвъ значительно порѣдѣли, то среди нихъ, по словамъ Ремезова, возникъ вопросъ: слѣдовать ли далѣе по Тоболу на Кучумову столицу, или повернуть вверхъ по Тавдѣ и вернуться чрезъ земли вогуличей въ Пермь Великую сѣвернымъ Московскимъ путемъ (Тавда-Тахчен-Лозьва-Ураль-Вишера). „И проплыша до усть Тавды,—читаемъ у Ремезова въ статьѣ 39,—и стояше недѣлю, размышляше, яко да идути съ вожами вспять по Тавдѣ вверхъ и черезъ Камень вогуличами да возвратятся“. Большинство съ Ермакомъ во главѣ сочли, однако, такое намѣреніе за недостойное храброй дружины малодушіе и рѣшили двинуться внизъ по Тоболу, не взирая на предстоявшую опасность. 8-го іюля 1582 г. дружина выступила въ дальнѣйшій походъ и достигла затѣмъ юрта мурзы Бабасана, что нынѣ Бабасанскіе юрты на Тоболѣ, въ 67 верстахъ отъ губернскаго города ³⁾. Тѣмъ временемъ Кучумъ, слышавъ о приближеніи вооруженныхъ людей, дѣятельно готовился къ оборонѣ, устраивалъ укрѣпленіе на Иртышѣ въ урочищѣ Чувашевомъ и, собравъ множество татаръ, остяковъ, вогулоу ⁴⁾ и иныхъ чюдскихъ языковъ ⁴⁾, выслалъ ихъ къ Бабасану, подъ на-

¹⁾ Въ Тюменскомъ округѣ донныя сохранились татарскіе юрты *Большіе и Мало-Каскаринскіе, Мантмасовскіе и Варваринскіе или Вурваръ*. См. „Списки насел. мѣстъ Тоб. губ.“, стр. 137, 138, 139 и 141.

²⁾ Нынѣ *Березовый Яръ* есть деревня на р. Тоболѣ, а *Караульный Яръ*—село на той же рѣкѣ, оба въ Тюменскомъ округѣ Тобольской губерніи. См. „Списки ея населенн. мѣстъ“, С.-Пб., 1871 г., стр. 140.

³⁾ „Списки населенн. мѣстъ Тоб. губ.“, С.-Пб., 1871 г. стр. 9.

⁴⁾ По выраженію „Сказанія Сибирской земли“.

чадьствомъ Магметкула, на встрѣчу непріятелямъ. 21-го іюля „въ Бабасанахъ на устьѣ озера на Тоболѣ“ (Ремезовъ, статья 43) завязалась кровопролитная битва, возобновлявшаяся пять дней сряду и кончившаяся пораженіемъ кучумлянъ. Казаки огнестрѣльнымъ оружіемъ проложили себѣ дальнѣйшую дорогу и поплыли далѣе по Тоболу въ погоню за Маметкуломъ. На устьѣ Турбы, у конца Долгаго Яра. 26-го іюля кучумяне собрались въ значительномъ количествѣ въ ожиданіи прибытія Ермака (Ремезовъ, статья 44). Когда струги казацкіе поровнялись съ этимъ мѣстомъ, кучумяне пустили въ нихъ съ горы тучу стрѣлъ, не причинивъ, однако, большаго вреда казакамъ, которые слѣдовали все далѣе, достигнувъ къ 1-му августа 1582 года Карачина улуса ¹⁾. „И тотъ градъ Карачинъ,—гласить лѣтопись,—взяша и въ немъ безчисленныя богатства, злата и серебра, и каменія драгаго, и жемчугу, и меду довольно и скота; и сѣдоша ту двѣ недѣли госножина поста“ (Ремезовъ, статья 53) ²⁾. Съ 1-го августа Ермакъ съ дружиною держалъ 40-дневный постъ, готовясь къ дальнѣйшей войнѣ и сознавая, что уже приближается ея рѣшительный моментъ—взятіе Кучумовой столицы. Наконецъ, въ праздникъ Воздвиженія 14-го сентября 1588 года казаки поплыли изъ Карачина къ устью Тобола, гдѣ ожидало ихъ множество татаръ. Сколько войска было теперь у Ермака, трудно сказать, но едва ли буквально можно понимать слова Ремезова (статья 58), что въ это время „Ермаковы воя остася отъ боевъ 45 человекъ“, хотя въ ихъ рукахъ было огнестрѣльное оружіе, а у кучумлянъ „оружія не бѣ. точию луки и стрѣлы, копія и сабли“ (тамъ же, статья 64). Это ясно уже изъ того, что подъ Чувашевой горой въ октябрѣ того же года Ермакъ потерялъ убитыми 107 человекъ. Скорѣе всего было такъ, что упомянутые 45 человекъ остались у Ермака изъ первоначальнаго состава дружины, которая затѣмъ пополнялась новыми вы-

¹⁾ Село *Карачино*, *Смородного* тоже, при озерѣ *Карачинскомъ*, доселѣ существуетъ въ 25 верстахъ отъ Тобольска. „Списки“, 7.

²⁾ Въ лѣтописи *Ремезова* предъ этимъ извѣстіемъ есть позднѣйшая вставка (статья 49—52), несогласная съ нимъ въ показаніи времени событій. Еще *Миллеръ* обратилъ вниманіе на эти противорѣчія, которыя и объяснилъ тѣмъ, что въ оригиналѣ лѣтописи „послѣ былъ вклеенъ листъ, какъ по разности письма и рисунковъ явствуетъ“ (Опис. Сиб. царства, гл. II, § 62, стр. 117). Въ 1880 году Археографическая Коммиссія издала лѣтопись по этому самому списку, взятому изъ Академіи Наукъ, съ тою же вставкою. На самомъ дѣлѣ вложенныя на этомъ листѣ событія—походъ Ермака на р. Тавду—совершились позже.

ходцами изъ Пермь Великой. Трудно предположить въ самомъ дѣлѣ, чтобы Ермакъ, постепенно подвигаясь въ глубь непріятельской страны, не постарался обезпечить себѣ тылъ отъ внезапной измѣны, а для этого необходимы были новыя подкрѣпленія вѣрными атаману людьми. При томъ же въ тылу казаковъ осталась непокоренною вся Тавда. населенная вогулами, сторонниками Кучума. Названіе Караульнаго Яра, упомянутого нами выше, наводитъ на мысль, что для обезпеченія тыла Ермакъ оставилъ позади себя небольшіе форпосты.

На устьѣ Тобола, какъ мы сказали, казаки встрѣтили множество татаръ. Тутъ стоялъ тогда городокъ мурзы Атика, что послѣ назывался Заостровными юртами, существующими доселѣ на рѣкѣ Иртышѣ ¹⁾. Не смотря на неравенство силъ, казаки одолѣли татаръ, благодаря огнестрѣльному оружію, взяли городокъ и крѣпко засѣли въ немъ. „И пребываше вси въ Атикскомъ городкѣ съ великимъ опасеніемъ, яко видѣша множество бусурманъ, яко битись единому противъ десяти и двадцати ратныхъ“ (Ремезовъ, статья 60). Казаки избрали городокъ Атикъ опорнымъ пунктомъ, откуда стали дѣлать вылазки противъ непріятеля, укрѣпившагося на горѣ Чувашевой, въ двухъ верстахъ выше устья Тобола, на правомъ берегу Иртыша, гдѣ Кучумъ еще ранѣе устроилъ крѣпкую засѣку. Здѣсь сидѣлъ самъ Кучумъ съ главными силами, почему взятіе Чувашскаго укрѣпленія должно было рѣшить судьбу его царства. Здѣсь же находился и извѣстный намъ Маметкулъ. Въ виду наступленія рѣшительнаго момента войны, нѣкоторые казаки опять заговорили объ отступленіи, какъ было на устьѣ Тавды, но Ермакъ снова отклонилъ такое намѣреніе, недостойное храбрыхъ казаковъ (Ремезовъ, ст. 59).

Три раза Ермакъ безуспѣшно приступалъ къ Чувашской горѣ (засѣкѣ) ²⁾, „крѣпщѣ бяхуся съ самымъ Кучюмомъ, хотяше взяти Чювашскій градъ на горѣ Чювашской и ту засѣсти на зиму, да пребудеть въ сидѣніи сохранно, яко крѣпокъ былъ Чювашскій градъ окопани“ (тамъ же, статья 61). Наконецъ, 23-го октября 1583 г. Ермакъ сдѣлалъ четвертый, самый рѣшительный приступъ къ горѣ, задумавъ взять укрѣпленіе съ помощью огнестрѣльнаго оружія, а затѣмъ и съ рукопашнаго боя. Казаки дрались необыкновенно храбро, „бишася три дни безъ опочиву неотступно“ (Ремезовъ, статья 64). Доблестный Ермакъ геройски ратовалъ впереди всѣхъ, воодушевляя

¹⁾ „Списки населенныхъ мѣстъ Тобольск. губ.“, стр. 8, подъ № 48.

²⁾ Первый приступъ казаки сдѣлали 1-го октября 1583 г. (Ремезовъ, ст. 61).

мужествомъ своихъ храбрыхъ бойцовъ. На другой день битвы, 24-го октября, въ войскѣ Кучума началось замѣшательство. „Первѣе всѣхъ,— пишетъ Ремезовъ (статья 65),—низовые остяки князья ¹⁾ отъ Кучума повелѣнія и раменту отступивша и бѣгу яшася“. Вечеромъ того же числа „такъ же и вогуличи тайно отъ заступленія Кучумова убѣгоша во своя жилища за Яскалбинскія непроходимыя болота и озера“ (Ремезовъ, статья 67); положеніе Кучума становилось шаткимъ ²⁾. „Сказаніе Сибирской земли“ добавляетъ, что казаки „единодушно приступивша къ засѣлкѣ и съ царевичемъ Маметкуломъ сразившася крѣпко, и на томъ бою царевича ранили, едва жива увезли татары за Иртышъ рѣку“. На третій день битвы, „вечеру бывшу, 25-й день (октября), и преста подчивашская брань, казаки отыдоша за рѣку и обночевали со стражею“ (Ремезовъ, статья 69). Во время приступовъ къ Чувашиной горѣ Ермакъ потерялъ 107 человекъ ³⁾. Кучумъ, считая дѣло окончательно проиграннымъ, въ ночь на 26-е октября бѣжалъ „изъ града своего Кашлыка, еже Сибирь зовома“, „нощю возставъ тайно“ (Ремезовъ, статья 68). За нимъ „и вси изъ града невозвратно бѣгоша на степь въ Казачью Орду, на прежнее свое селеніе (?). Грады жъ Чювашской и Кашлыкъ, Сузгунъ, Бишникъ, Абалакъ и протчіе ⁴⁾... оставивша пусты“ (тамъ же). 26-го октября 1583 г., въ день памяти св. Димитрія Солунскаго, Ермакъ съ дружиною безпрепятственно вступилъ въ опустѣлую столицу Кучума, исполненный „велия веселія и тайной радости“. „И видѣвъ оставшаго имѣнія и богатства множество и хлѣба, глаголюще: съ нами Богъ!“ (Ремезовъ, статья 70). И самъ лѣтописецъ радостно заявляетъ далѣе (статья 71): „Промчеси слухъ о Ермакѣ и о казацѣхъ во всю Сибирскую страну, и нападе Божій страхъ на вся живущіе бусурманы во всей странѣ той!“

¹⁾ То-есть, остяки съ низовьевъ рѣки Иртыша. См. *Миллеръ*, гл. II, § 88, стр. 181.

²⁾ *Ескалбинскіе юрты* татаръ донныя существуютъ на Иртышѣ, въ 12 верстахъ ниже Тобольска. „Списки“, стр. 19; *Миллеръ*, гл. II, § 85, стр. 182. Чрезъ нихъ лежитъ прямая дорога на рѣку Конду по низкимъ мѣстамъ, озерамъ и болотамъ.

³⁾ *Карамзинъ*, т. IX, стр. 389, и примѣчаніе къ нему 685, гдѣ сдѣлана ссылка на синодикъ Тобольскаго собора.

⁴⁾ На мѣстѣ *Кашлыка* или *Сибири* нынѣ городище въ 16 верстахъ отъ Тобольска; на мѣстѣ *Бишникъ-тура* нынѣ *Ламинъ Бузюръ* въ г. Тобольскѣ; на мѣстѣ *Сузге-тура*—*Сулунскіе юрты* и далѣе село *Абалацкое*. „Списки“, стр. LXXV; *Миллеръ*, гл. II, стр. 183—184; гл. I, стр. 49 и 52.

Здѣсь мы должны остановиться на спорномъ вопросѣ о годѣ занятія Ермакомъ столицы Кучума. Миллеръ относилъ это важное событіе къ 1581 году (7090)¹⁾, Карамзинъ и Соловьевъ къ тому же году²⁾. Авторъ статьи при „Спискахъ населенныхъ мѣстъ Тобольской губерніи“, плохо зная исторію Перми Великой, относитъ самое выступленіе Ермака съ Чусовой къ 1578 г., а взятіе Сибири (города) — къ 1581 г.³⁾ Л. Н. Майковъ, совершенно правильно опредѣляя начало похода (1-го сентября 1581 г.), относитъ взятіе Сибири (города) къ 26-му октября того же самаго года⁴⁾. Къ этому циклу ученыхъ примыкаетъ и мѣстный сибирскій историкъ П. А. Словоцовъ⁵⁾. Наконецъ, послѣдній изслѣдователь вопроса Д. И. Иловайскій въ III томѣ своей „Исторіи Россіи“ (стр. 393 и 661) высказался за 1582 годъ, какъ годъ взятія русскими Кучумовой столицы. Послѣднее мнѣніе мы считаемъ болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ всѣ предъидущія.

Причина ученыхъ разпорѣчій по данному вопросу заключается въ неодинаковыхъ показаніяхъ сибирскихъ лѣтописцевъ. Мы говорили, что Строгановская лѣтопись совершенно правильно излагаетъ начало Ермакова похода, но со времени вступленія казаковъ въ Сибирь теряетъ значеніе источника, на который безусловно можно полагаться. Лѣтопись Ремезова, наиболѣе богатая фактическими подробностями за все время пребыванія казаковъ въ Сибири, крайне неудовлетворительна въ своихъ годовыхъ показаніяхъ. По Ремезову, Ермакъ взялъ городъ Сибирь (иначе Кашлыкъ или Кавлымъ, какъ названъ онъ въ статьѣ 69) 26-го октября 7095, то-есть, 1586 г., что уже явно нелѣпно. По Строгановской лѣтописи, весь переходъ отъ Чусовой до Иртыша, соединенный съ такими трудностями среди праждебныхъ народовъ, продолжался съ 1-го сентября до 26-го октября 1581 г., что намъ кажется также нелѣпостью. Нисколько не больше можно вѣрить и „Сказанію Сибирской земли“, по словамъ котораго Ермакъ вступилъ въ Сибирь 7089 (1580 г.) октября въ 12-й день. По лѣтописи Есяпова, это вступленіе послѣдовало того же 1580 г.

¹⁾ Описан. Сиб. царства“ С.-Иб., 1750 г., гл. II, §§ 77 и 89, стр. 126 и особенно 186.

²⁾ Карамзинъ, IX, 389 по изд. бр. Слѣпниныхъ; Соловьевъ, VI, 480.

³⁾ „Списки насел. мѣстъ Тоб. губ.“, С.-Иб., 1871 г., стр. LXXIV—LXXV.

⁴⁾ Журн. Мин. Нар. Пр., 1881 г., № 9.

⁵⁾ Историч. обзор. Сибири, изд. 2-е, С.-Иб., 1886 г., стр. XVІІІ первой части.

октября 26-го (это сказаніе во многомъ сходно съ лѣтописью Есипова). Изъ приведенныхъ сопоставленій ясно, что въ данномъ вопросѣ никакъ нельзя полагаться только на лѣтописи, а необходимо придавать рѣшающее значеніе официальнымъ актамъ того времени — царскимъ грамотамъ, на которыя ученые обращаютъ во всякомъ случаѣ меньше вниманія, чѣмъ какого онѣ заслуживаютъ въ сравненіи съ лѣтописями относительно хронологическихъ показаній ¹⁾).

Ремезовская лѣтопись хотя и показываетъ годы завѣдомо неправильно, однако по обстоятельству изложенія событій со времени вступленія Ермака въ Сибирь, именно со статьи 14-ой, безспорно, заслуживаетъ предпочтительнаго вниманія предъ всѣми другими сибирскими лѣтописями, подобно тому, какъ для начала похода такое же значеніе имѣетъ Строгановская лѣтопись. Этимъ свойствомъ лѣтописи Ремезова, кажется, нужно объяснить и то, что мѣсячныя и числовыя данныя ея идутъ въ послѣдовательности событій, не смотря на путаницу въ годовыхъ показаніяхъ. До взятія столицы Кучума эта послѣдовательность въ показаніи мѣсяцевъ и чиселъ событій нарушена только въ статьяхъ 49—52 о походѣ на Тавду, заключающихся на вклеенномъ послѣ въ оригиналъ рукописи листѣ, и въ статьѣ 66 о сновидѣніи Кучума; кромѣ того, статьи 16—25 представляютъ ретроспективный обзоръ исторіи Сибири до Кучума и при его воцареніи. Остальныя статьи Ремезовской лѣтописи, именно: 14, 15, 26—48, 53—65, 67—71 (до которой мы дошли въ настоящемъ обзорѣ событій), представляютъ собою на столько полное и послѣдовательное изложеніе событій, что мы должны только удивляться, откуда составитель ихъ могъ почерпнуть эти точныя свѣдѣнія о сибирскомъ походѣ, совершенно согласныя и съ современными географическими названіями тѣхъ мѣстностей.

Время выступленія Ермака въ походъ 1-го сентября 1581 г. нами установлено выше, полагаемъ, достаточно прочно и достовѣрно на основаніи всей совокупности источниковъ ²⁾). На всемъ пути отъ юж-

¹⁾ Удивляемся, что нѣкоторые ученые, какъ, напримѣръ, С. А. Адриановъ, вѣрятъ больше хронологіи лѣтописей, нежели царскихъ грамотъ. То же допускаетъ и нѣтъ Д. И. Иловайскій въ примѣчаніи 70-мъ къ III тому своей „Исторіи Россіи“ на стр. 662, гдѣ см. произвольную поправку даты въ грамотѣ отъ 7-го января 7092 (1584 г.).

²⁾ Рѣшенію того же вопроса посвящена и статья Л. Н. Майкова въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1881 г., № 9: „Хронологическія справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Русской державѣ“.

ной границы Перми Великой до столицы Кучума дружина Ермака несомнѣнно имѣла двѣ зимовки: первую въ Кокуѣ-городкѣ, что въ бассейнѣ рѣки Чусовой, и вторую—въ Тюмени на р. Турѣ. Первая зимовка засвидѣтельствована въ „Сказаніи Сибирской земли“ и въ мѣстныхъ народныхъ преданіяхъ на Уралѣ, вторая въ 15-й статьѣ лѣтописи Ремезова, гдѣ она подтверждается всѣми дальнѣйшими мѣсячными и числовыми данными этого источника. Необходимость второй зимовки ясна уже изъ одного того, что Тюмень, какъ мы видѣли выше, считалась тогда важнѣйшимъ стратегическимъ и административнымъ пунктомъ въ Сибирской странѣ послѣ Кучумовой столицы. Но лѣтопись Ремезова упоминаетъ и о первой зимовкѣ казаковъ, не указывая только опредѣленнаго мѣста ея. Въ концѣ 12-й статьи лѣтописи замѣчено: „и воеваша (казаки) во всю зиму Пелымскіе уѣзды до весны“, послѣ чего въ 15-й статьѣ ясно сказано о второй зимовкѣ въ Тюмени ¹⁾. Въ виду этихъ свидѣтельствъ двухъ лѣтописей мы не имѣемъ никакого основанія отвергать фактъ двукратной зимовки Ермака съ дружиною на пути отъ Чусовой до Иртыша тѣмъ болѣе, что на этомъ пути казакамъ приходилось брать съ боя каждый шагъ земли и подвигаться впередъ очень медленно, среди постоянныхъ опасностей и препятствій.

Разъ такой фактъ установленъ, мы получаемъ возможность точно опредѣлить продолжительность похода Ермака отъ Чусовой до Иртыша: въ теченіе перваго года съ 1-го сентября 1581 г. до 1-го сентября 1582 г. казаки прошли путь отъ р. Чусовой до гор. Тюмени на Турѣ; во второй годъ съ 1-го сентября 1582 г. до 1-го сентября 1583 г. они подвинулись отъ Тюмени до Карачина улуса, что въ 25-ти верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска. Слѣдовательно, столица Кучума была занята Ермакомъ въ началѣ 1583 года, по тогдашнему счисленію времени съ 1-го сентября.

Теперь послѣдуемъ дальше за сибирскими лѣтописцами. По занятіи Кучумовой столицы Ермакомъ, къ послѣднему начали являться съ изъявленіемъ покорности и съ дарами жители окрестныхъ и далекихъ селеній и прежде всѣхъ демьянскій князь Бояръ (Ремезовъ, ст. 71). Въ „Сказаніи Сибирской земли“ о немъ замѣчено: „Прииде къ Ермаку во градъ оятатской князь Боярина со многими осяки и принесоша дары и запасы“. Почти то же читаемъ и у Есипова: Ермакъ ласково принималъ всѣхъ приходившихъ „и повелѣ имъ жити

¹⁾ О первыхъ же двухъ зимовкахъ до выхода изъ Перми Великой, то-есть, до начала настоящаго похода, въ 1579 и 1580 гг. Ремезовъ говоритъ въ статьяхъ 5 и 6.

въ домѣхъ своихъ попрежнему, яко же живша при Кучюмѣ". Казаки же ѣздили „по жильямъ татарскимъ и по промысламъ смѣло, не бо-
яшеся ничего" (Ремезовъ, ст. 72). Однако 5-го ноября 1583 г. (а по Строгановской лѣтописи 5-го декабря) 20 казаковъ, ѣздившихъ для
рыбной ловли на Абалацкое озеро, ночью во время сна убиты были
внезапно появившимся Маметкуломъ (по Есипову, это было при уро-
чищѣ Вабасанѣ). „Се первое убіеніе казаковъ въ Сибири", по заня-
тіи ея русскими, какъ вѣрно замѣчаетъ Ремезовъ въ статьѣ 81; тутъ
же онъ говоритъ, что Ермакъ тотчасъ погнался за Маметкуломъ,
настигъ татаръ при урочищѣ Шаншинскомъ (нынѣ Шамшинскіе юрты
въ Тобольскомъ округѣ), побилъ многихъ изъ нихъ, но царевича не
догналъ. Ермакъ съ честію похоронилъ убитыхъ казаковъ на Саус-
канскомъ мысу „на царскомъ кладбищѣ" ¹⁾. 6-го декабря Ермаку
изъявили покорность и принесли ясакъ князя Ишбердей и Суклемъ,
владѣтели Ескалбинскихъ и Суклемскихъ юртъ, доселѣ существую-
щихъ въ Тобольскомъ округѣ. Ишбердей оказался особенно полезенъ
Ермаку, „яко первѣе многихъ взыска князковъ и приведе въ ясакъ,
и ясакъ принесе, и пути многи сказа и на немирныхъ казакомъ вожъ
изрядный былъ и вѣренъ велми" (Ремезовъ, ст. 82).

Послѣ этого Ермакъ съ дружиною сочли своевременнымъ довести
о завоеваніи Сибири до свѣдѣнія московскаго царя, просить Іоанна
принять завоеванную страну подъ свою высокую руку, а имъ, каза-
камъ, простить ихъ прежнія вины предъ царемъ. Ермакъ послалъ
въ Москву пять казаковъ во главѣ съ Иваномъ Кольцо, съ кото-
рымъ препроводилъ къ царю собранный ясакъ, заручную „пѣstonую
отписку о взятіи Сибири" и челобитную о прощеніи казаковъ за
своею-жъ рукою ²⁾. Атаманъ Кольцо съ товарищами отправился изъ
города Сибири 22-го декабря 1583 года „волчьею дорогою, нартами
и лыжи, на оленяхъ, имъ же вожъ бѣ яскалбинской князь Ишбердей
со своими вогуличи, въ Великую Пермь и оттолѣ къ Москвѣ дои-
доша" ³⁾. Указанная глухая дорога въ Великую Пермь пролегла по
Кондѣ и Тавдѣ въ Чердынскій уѣздъ и признавалась, какъ мы
знаемъ, единственною дозволенною дорогою изъ Московскаго государства
въ Сибирь и обратно. Въ январѣ 1588 года (по сентябрьскому числе-
нію) посольство прибыло къ Іоанну, удостоилось весьма милостиваго

¹⁾ На Саусканѣ жилъ пѣкогда, какъ мы говорили, татарскій князь того же
имени, вѣроятно, родственникъ дому Тайбуги.

²⁾ Изъ „Сказанія Сибирской земли".

³⁾ Изъ лѣтописи Ремезова, статья 84.

пріема и царскаго „жалованья“—деньгами, сукнами и камками (Строгановская лѣтопись). Ермаку государь послалъ „великіе дары: 2 панцыря, и сосуды и шубу свою“, при жалованной похвальной грамотѣ (Ремезовъ, ст. 85). Казаки отправились изъ Москвы въ обратный путь тою же дорогою, и 1-го марта Иванъ Кольцо вручилъ Ермаку царскую грамоту и подарки (Ремезовъ, стр. 86). Эта грамота, къ сожалѣнію, не дошла до насъ¹⁾.

Здѣсь мы должны остановиться на показаніяхъ Строгановской лѣтописи. Она весь походъ приурочиваетъ къ 1581 году и, между прочимъ, сообщаетъ, что казаки о взятіи Кучумовой столицы и о плѣненіи царевича Маметкула упѣдомили предварительно Строгановыхъ, а тѣ написали самому Іоанну; „послѣди же того и сами (Семенъ, Максимъ и Никита) нево мнозѣ времени пріѣхавше къ Москвѣ и государю о всемъ томъ извѣстиша“. Уже послѣ всего этого будто бы Ермакъ написалъ отписку самому царю, которую и отправилъ къ нему съ казаками. Эти извѣстія Строгановской лѣтописи, принятыя на вѣру наиболѣе авторитетными нашими историками, каковы Карамзинъ (IX, 396 — 397) и Соловьевъ (VI, 431), во первыхъ, не подтверждаются всѣми другими сибирскими лѣтописями и прочими источниками и, воторыхъ, рѣшительно противорѣчатъ фактамъ дѣйствительности. Прежде всего столь далекій и трудный походъ не могъ совершиться менѣе чѣмъ въ два мѣсяца: это слишкомъ очевидная нелѣпость лѣтописи. Походъ продолжался болѣе двухъ лѣтъ. какъ убѣждаетъ сопоставленіе всѣхъ извѣстныхъ намъ фактовъ того времени. За это время, какъ мы уже знаемъ, Строгановыхъ постигла царская опала. Глѣбная грамота Іоанна отъ 16-го ноября 1582 года доказываетъ, что въ это время въ Москвѣ ничего не было еще извѣстно о предпріятіяхъ казаковъ; выѣстъ съ тѣмъ она же убѣждаетъ насъ, что казацкое посольство явилось въ Москву позже, и что опальные Строгановы уже ни въ какомъ случаѣ не могли въ 1581 году писать царю о взятіи Сибири и даже Маметкула, плѣнъ котораго послѣдовалъ еще позже казацкаго посольства. Тѣмъ болѣе опальные Строгановы не могли лично ѣхать въ Москву. Несообразность и полная нелѣпость приведенныхъ извѣстій Строгановской лѣтописи слишкомъ очевидна. Такою же нелѣпостью представляется намъ

¹⁾ Занесенное въ „Сказаніе Сибирской земли“ и въ „Новый Лѣтописецъ“ извѣстіе о томъ, будто Іоаннъ назвалъ въ этой грамотѣ Ермака не атаманомъ, а *княземъ Сибирскимъ*, мы считаемъ маловероятнымъ. См. объ этомъ у Карамзина, IX, 401 и примѣч. 709.

и пожалованіе Семена Строганова Солью Большою и Солью Малою на Волгѣ, а Максиму и Никитѣ дарованіе права торговать во всѣхъ своихъ городкахъ безпошлинно, хотя лѣтопись прибавляетъ даже, что грамота на обѣ Соли дана была Строганову „за красною печатью, за приписью дьяка Андрея Щелкалова, почему ему тѣми городами владѣти“¹⁾). Какъ все это могло быть въ 1581 году?

Не могло быть этого и въ 1582 году, когда Строгановы были нѣ опалѣ. Въ моихъ рукахъ нѣтъ значительное собраніе рукописей о Строгановыхъ, какимъ едва ли кто располагаетъ, кромѣ ихъ самихъ, и въ нихъ нигдѣ нѣтъ слѣда подобнаго пожалованія; въ самыхъ подробныхъ перечняхъ жалованныхъ Строгановымъ грамотъ нѣтъ упоминанія объ этой грамотѣ на Соль Большую и Малую. Итакъ, всѣ приведенныя сообщенія Строгановской лѣтописи завѣдомо не вѣрны и потому-то не находятъ себѣ подтвержденія даже у Ремезова, самаго обстоятельнаго лѣтописца о сибирскомъ походѣ. Всѣ эти сообщенія намъ представляются явнымъ измышленіемъ, и въ этомъ отношеніи мы вполне раздѣляемъ недавно высказанный взглядъ С. А. Адрианова. Выше мы говорили уже, почему Строгановскій лѣтописецъ хорошо зналъ только начало сибирскаго похода и не зналъ близко дальнѣйшихъ обстоятельствъ его.

Въ дѣйствительности событія слѣдовали именно такъ, какъ показано нами выше на основаніи другихъ сибирскихъ лѣтописей, изъ коихъ лучше слѣдуетъ признать Ремезовскую, за исключеніемъ ея годовыхъ помѣтъ. Казаки, узнавъ о царской опалѣ на Строгановыхъ, поспѣшили подать челобитную непосредственно Іоанну Грозному, чтобы изъ-за Строгановыхъ не навлечь и на себя царскаго гнѣва; они естественно боялись, что этотъ гнѣвъ обрушится и на нихъ, но надѣялись на царскую милость за свои заслуги предъ отечествомъ и самоотверженное служеніе русскому дѣлу. Строгановы и безъ особаго извѣщенія знали о томъ, что дѣлалось въ Сибири, потому что ихъ люди принимали участіе въ походахъ Ермака. Можетъ быть, Ермакъ частнымъ образомъ извѣстилъ ихъ о занятіи сибирской столицы, потому что обязанъ былъ имъ поддержкою въ походѣ, но на официальной, такъ сказать, почвѣ онъ игнорировалъ ихъ съ тѣхъ

¹⁾ *Ларамзинъ*, IX, 399 и примѣч. 704. У *Перетяжковича* въ его изслѣдованіи „Поволжье“ (Одесса, 1882 г.) сдѣланъ обзоръ колонизаціи Волжскаго „Усоля“, что на Самарской луцѣ (см. стр. 224—228), но о Строгановыхъ нѣтъ упоминанія. Солиными источниками тамъ владѣлъ одно время Семенъ Свѣтешниковъ, а не Семенъ Строгановъ.

поръ, какъ узналъ отъ ихъ же людей о царской опалѣ на нихъ. Эта переменѣна въ отношеніяхъ Ермака къ Строгановымъ послѣдовала въ началѣ 1582-го сентябрьскаго года, когда казаки находились въ Тюмени, вопреки царскому указу. Дальнѣйшія подкрѣпленія людьми онъ могъ получать не отъ однихъ Строгановыхъ; „охочихъ людей“ онъ могъ получать и изъ другихъ мѣстъ, можетъ быть, съ той же Волги и нижей Камы, откуда пришла и дружина перваго состава. Съ другой стороны опальные Строгановы не могли предъявлять къ Ермаку какихъ либо законныхъ требованій. Ихъ связывалъ съ казаками частный и при томъ тайный договоръ, нарушить который казаки всегда могли безнаказанно. Исключительныя обстоятельства 1582 года такъ и заставили ихъ поступить, послѣ чего Строгановы должны были считать задуманное ими дѣло проиграннымъ, какъ ни дорого оно имъ обошлось. Малѣйшая огласка тайнаго договора ихъ съ казаками могла угрожать имъ лишеніемъ и всѣхъ прикамскихъ вотчинъ.

Продолжаемъ прерванный разказъ о дальнѣйшихъ обстоятельствахъ сибирскаго похода. Когда казацкое посольство было уже на обратномъ пути изъ Москвы, 20-го февраля 1583 г. пришелъ къ Ермаку „ближній мурза ясашиной Сепбахта Тагинъ“ ¹⁾ и сообщилъ ему, что царевичъ Маметкулъ стоитъ на Вагаѣ, верстахъ въ 100 отъ города (Вагай впадаетъ слѣва въ Иртышъ выше Тобольска). Ермакъ немедленно отправилъ на Вагай „искусныхъ юныхъ мужей 62 человекъ ратныхъ“, вѣроятно, не изъ числа казаковъ, которые дѣйствительно нашли Маметкула при озерѣ Куларовѣ ²⁾, что въ 53 верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска. Здѣсь русскіе рассчитались съ татарами за обиду при Абалацкомъ озерѣ и, какъ было тамъ, напали ночью на спящихъ татаръ, перебили ихъ, а „царевича жива въ шатрѣ взяша и съ богатствомъ приведоша къ Ермаку во градъ февраля въ 28 день“ (Ремезовъ, ст. 87). Плѣнъ Маметкула былъ новымъ чувствительнымъ ударомъ для старика Кучума, который стоялъ на Агитской лукѣ на Иртышѣ. Онъ горько рыдалъ о потерѣ царевича, не успѣвъ успокоиться; какъ получилъ новую опасную вѣсть о томъ, что на него идетъ войною „Бухарскіе земли князь Сейдякъ“

¹⁾ Въ началѣ статьи сказано было, что Сепбахта былъ сынъ Махметовъ изъ дома Тайбуги и нѣкогда состоялъ особымъ правителемъ на берегахъ Иртыша. Поэтому естественна вражда его къ дому Кучума.

²⁾ При озерѣ Куларовѣ, Спасское тожъ, и нынѣ есть слобода *Куларови* „Списки“, стр. 21.

Бекбулатовъ, хочетъ отмстить кровь отца своего“. Въ довершеніе несчастій, „думный князь“ Карача оставляетъ Кучума, удаляется на озеро Чулымское и тамъ кочуетъ затѣмъ „межъ Тары, и Барабы, и Оми“, въ то время, когда Кучумъ стоялъ „на дорогахъ на урочищахъ Вагаю, Куларово и Тарханъ въ крѣпкихъ мѣстахъ“ (Ремезовъ, ст. 89).

Между тѣмъ Ермакъ, получивъ царскія милости, воодушевился на новые подвиги. Иванъ Кольцо вернулся къ нему 1-го марта 1583 г., а 5-го числа Ермакъ послалъ отрядъ войска подъ начальствомъ пятидесятника Богдана Брязги внизъ по Иртышу собирать ясакъ съ Демьянскихъ волостей (Демьянка—правый притокъ Иртыша, ниже рѣки Туртаса) и воевать Казымскіе городки остяковъ на р. Оби и ея правомъ притокѣ Казымѣ ¹⁾). Избѣгая лишннихъ подробностей, я обозначу путь Брязги лишь въ общихъ чертахъ. Сначала онъ взялъ Аремзянскую волость на Иртышѣ съ ея укрѣпленнымъ городомъ (въ Тобольскомъ округѣ доселѣ есть Аремзянскіе юрты татаръ и еще 3 русскихъ селенія того же названія); далѣе разбилъ татаръ на Тургасскомъ (не Туртасскомъ ли?) городищѣ и на коняхъ доѣхалъ до устья Демьянки рѣки, „до большева ихъ сборнаго княжца Демайна“ (Ремезовъ, ст. 74). Здѣсь Брязга наложилъ ясакъ на покоренныхъ татаръ, вогуличъ и остяковъ. „Романъ же князецъ ихъ лутчей бѣжалъ съ жилья своего вверхъ по Ковдѣ (Кондѣ) къ Пелыни съ родомъ своимъ. лыжами и нартами“, при первомъ слухѣ о завоевателяхъ (Ремезовъ, ст. 76) ²⁾. Миновавъ опустѣлое Рачево городище, мѣсто мольбища остяковъ, Брязга поплылъ далѣе по Иртышу до Цингалинскихъ юртъ, что нынѣ въ 395 верстахъ отъ Тобольска, и до Нарымскаго городка, что нынѣ Сотниковскіе юрты ³⁾, гдѣ встрѣтилъ только женщинъ и дѣтей, объятыхъ страхомъ. Взявъ здѣсь ясакъ, Брязга 9-го мая 1583 года поплылъ далѣе въ Колпуховскія волости (нынѣ юрты въ 441 верстѣ отъ Тобольска), которыя взялъ съ бою, а 20-го мая доплылъ до княжца Самара (нынѣ значительное село Самароно на Иртышѣ, въ 570 верст. отъ Тобольска, въ его округѣ). Казаки

¹⁾ О походѣ Богдана Брязги въ оригиналѣ Ремезовской лѣтописи говоритъ другой авторъ; тутъ вклеены два листа (ст. 73—80) послѣ. См. *Барамзинъ*, примѣч. 694 къ IX тому. У *Миллера* см. стр. 152 (гл. III, § 10).

²⁾ Туртасская и Уватская волости были послѣднія съ татарскимъ населеніемъ; ниже начиналась обширная область угровъ-остяковъ. *Миллеръ*, стр. 15 (гл. III, § 13).

³⁾ „Списки населенн. мѣстъ Тоб. губ.“, стр. LXXVI.

взяли городокъ съ бою, умертвивъ самого князя съ родомъ его (Ремезовъ, ст. 78). Въ Самаровѣ къ Брязгѣ явился извѣстный остяцкій князь Алачей изъ сѣверной Коды съ изъявленіемъ покорности. Брязга поставилъ его „большимъ княземъ“, „яко богата суца, и отпустиша со мною честію“ (Ремезовъ, ст. 78).

Отъ Самарова казаки чрезъ недѣлю (27-го мая 1583 г.) вступили въ еще болѣе обширную долину рѣки Оби. „И виде много пустого мѣста, а жилья мало и пристаха на Вѣлогорѣ, ту бо у нихъ молбище большое“ (Ремезовъ, ст. 79). Нынѣ на этомъ мѣстѣ, въ 470 верстахъ отъ Березова, въ округѣ этого города, находится Вѣлогорскій улусъ остяковъ и русская деревня того же имени, на рѣкѣ Оби. „Богданъ же виде пустоту жилья и размыслиша съ товарищи ѣхать далѣ не по што и возвратишася, пождавъ на мѣстѣ 3 дни, въ Сибирь градъ“ (Ремезовъ, ст. 80). Возвращеніе Брязги въ этотъ городъ та же лѣтопись относитъ къ 29-му мая, но это, очевидно, ошибка, ибо пройти такой путь вверхъ по Оби и Иртышу въ столь короткое время было немислимо.

Не успѣла окончиться экспедиція Брязги, какъ самъ Ермакъ отправился тѣмъ же путемъ по его слѣдамъ собирать ясакъ съ покоренныхъ народовъ и ихъ князей. Атаманъ хотѣлъ лично удостовѣриться въ ихъ покорности русскому царю. Ремезовъ въ статьѣ 90 говоритъ, что „ѣхалъ Ермакъ внизъ Иртыша рѣки, воевалъ Кодскіе городки, князей Алачевыхъ съ богатствомъ взялъ, и всѣ городки Кодскіе и Казымскій городокъ со многими богатствомъ князя ихъ взять, и возвратился во градъ свой іюня въ 20 день“. Бывшіе Кодскіе городки нынѣ составляютъ село Кондинское на Оби и Кондинскій остяцкій улусъ на той же рѣкѣ. Казымскій городокъ, Юльевскій онъ же, при рѣкѣ Казымѣ, составляетъ нынѣ также остяцкій улусъ того же названія—всѣ въ Березовскомъ округѣ. Здѣсь-то, въ Казымѣ, и былъ крайній сѣверный предѣлъ завоеваній Ермака. Какъ извѣстно, эти далекія мѣста русскіе уже воевали во время извѣстнаго большаго похода въ Югру въ 1499—1500 гг.; но чрезъ 80 лѣтъ потребовалось вторичное покореніе тѣхъ же земель, что показываетъ, какъ слаба была дотолѣ политическая зависимость этихъ земель отъ московской власти. Со вторичнымъ же покореніемъ ихъ казаками Ермаковой дружины, онѣ окончательно вошли въ составъ Московскаго государства.

Покончивъ съ далекимъ сѣвернымъ краемъ, Ермакъ поспѣшно сталъ собираться въ новый походъ на р. Тавду. Объ этомъ пред-

пріятіи въ лѣтописи Ремезова также сдѣлана вставка послѣ, о чемъ мы сказали выше (вклеенъ листъ со статьями 49—52), а въ текстѣ оригинала лѣтописи о походѣ на Тавду сдѣлана только бѣглая замѣтка (въ статьѣ 90). Рѣка Тавда, берега которой были населены вогуличами, въ 1582 г. осталась въ сторонѣ отъ пути Ермака, а между тѣмъ по ней пролегалъ главный тогдашній путь изъ Руси въ Сибирь, который важно было взять въ русскія руки. Возвратившись въ Искеръ изъ сѣвернаго похода противъ остяковъ, 20-го іюня, неустрашимый Ермакъ чрезъ 10 дней, 1-го іюля, уже выступилъ въ новый походъ противъ Тавдинскихъ вогулъ. „И погребоша вверхъ по Тавдѣ рѣкѣ, воюя съ устья вверхъ“, замѣчаетъ лѣтописецъ (статья 49). Сперва онъ занялъ Красноярскую и Калымскую волости (нынѣ Красноярскіе юрты близъ устья Тавды въ Тюменскомъ округѣ), взялъ здѣсь Лабутиный городокъ, именовавшійся такъ по князю Лабути ¹⁾ (нынѣ деревня Антипина, Лабута тоже, въ Тюменскомъ округѣ), и пошелъ далѣе до Паченки ²⁾, что нынѣ деревня того же округа. Здѣсь также жилъ въ тѣ времена Печенегъ или Паченкъ, княжець, котораго вмѣстѣ со множествомъ татаръ казаки и убили. „И ту велій бой бысть, и раниша многихъ казаковъ; ихъ же татаръ прибиша до единого и Печенега княжца убиша, и наполниша труповъ езеро, и то слыветъ и доннынъ Ванное-Поганое, полно костей человѣческихъ“ (Ремезовъ, ст. 49). Поднимаясь вверхъ по Тавдѣ, Ермакъ въ августѣ занялъ городокъ Кошуки, принудивъ князя ихъ Ворлякова дать ясакъ (нынѣ село Кошукское Туринскаго округа); затѣмъ Кондырбай или Чандыр ³⁾, и Табары (нынѣ село Табаринское Туринскаго округа). Объ этомъ говоритъ Ремезовъ въ статьяхъ 50 и 90. Наконецъ, Ермакъ дошелъ до владѣній Пелымскаго князя Патлика, которому и нанесъ пораженіе. За наступленіемъ осени, атаманъ не пошелъ далѣе на сѣверъ и 4-го октября 1584 г. (по сентябрьскому численію) повернулъ обратно внизъ по Тавдѣ, собиравъ дорогою ясакъ съ покоренныхъ и въ началѣ ноября, вѣроятно, уже на лошадахъ возвратился въ городъ Сибирь. Теперь Ермакъ могъ считать себя обезпеченнымъ со стороны остяковъ и вогуличей, но съ татарами еще предстояла трудная борьба.

¹⁾ Миллеръ, стр. 117—118 (гл. II, § 63); „Списки насел. мѣстъ“, стр. 141.

²⁾ При Миллерѣ это была деревня сосѣдней архіерейской Тавдинской слободы. См. гл. II, § 64, стр. 118.

³⁾ При Миллерѣ была „последняя Кошучкой волости деревня“ (тамъ же, § 67, стр. 120).

Пока Ермакъ совершалъ свои далекіе походы противъ остяковъ и вогуличей, изъ Москвы послана была рать на помощь ему. Слѣдовательно, со времени прибытія казачкаго посольства въ Москву въ январѣ 1583 г. дальнѣйшее завоеваніе Сибири стало дѣломъ государственнымъ; съ этого времени Ермакъ дѣйствовалъ уже съ вѣдома государя подъ его знаменемъ, и прежній тайный союзъ его со Строгановыми былъ болѣе не нуженъ и даже не безопасенъ, такъ какъ именитые люди были тогда въ опалѣ у государя. Теперь Ермакъ ожидалъ поддержки отъ Москвы, а не отъ Строгановыхъ, съ которыми, повидимому, онъ прервалъ всякія сношенія, какъ съ людьми опальными въ глазахъ царя. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается причина того явленія, что заслуги Строгановыхъ въ дѣлѣ первоначальной поддержки Ермака въ его сибирскомъ походѣ теперь отвергаются крайними поклонниками атамана, которые отняли у нихъ и самую инициативу похода. Поэтому-то апологеты Ермака, ослѣпленные его подвигами, приписываютъ всю заслугу въ покореніи Сибири исключительно казакамъ, забывая, что инициаторы всего этого дѣла, призвавшіе казаковъ съ Волги, вложили въ него не мало и своихъ заботъ, помогая Ермаку деньгами, оружіемъ, провіантомъ и людьми. Безъ этой поддержки Ермакъ, быть можетъ, и не достигъ бы тѣхъ боевыхъ успѣховъ, которые обезсмертили его имя. Черезъ три лѣта пора же, наконецъ, установить спокойный, вполнѣ объективный взглядъ на это дѣло и воздать каждому по заслугамъ его, не увлекаясь въ ущербъ истинѣ ни въ ту ни въ другую сторону.

(Остается не выясненнымъ, просило ли посольство Ермака помощи въ Москвѣ, или правительство само сочло необходимымъ подать эту помощь казакамъ, сознавая важность ихъ предпріятія. Последнее болѣе вѣроятно, какъ увидимъ ниже. Только забота о помощи Ермаку возникла въ Москвѣ вскорѣ по уходѣ оттуда Ивана Кольцо съ товарищами. По указу царя Ивана Васильевича 3-го мая 1583 года изъ Москвы отправился съ 500 воиновъ первый воевода князь Семенъ Дмитріевичъ Болховскій на помощь атаману Ермаку Тимофеевичу ¹⁾. Болховскій отправился сначала въ великопермскія вѣдичины Строгановыхъ и затѣмъ въ Чердынъ обыкновеннымъ водянымъ путемъ по Волгѣ, Камѣ и ея притокамъ. Изъ опальной грамоты Ю-

¹⁾ Такъ говоритъ *Ремезовъ* въ стр. 92, неправильно приписывая этотъ указъ Василию Шуйскому. *Миллеръ* относитъ почему-то выступленіе Болховскаго изъ Москвы къ 10-му мая 1583 г., см. стр. 170, гл. III, § 35. Болховскій отправился безъ Глухова, который былъ тогда въ Чердынѣ.

анна Строгановымъ отъ 16-го ноября 1582 г. мы знаемъ, что въ Чердынѣ воеводами были тогда Василій Пелепелицынъ и Воннъ Оничковъ, при которыхъ былъ еще Иванъ Глуховъ. Князь Болховскій привезъ съ собою въ Великую Пермь царскій указъ, которымъ повелѣвалось упомянутому „головѣ“ Ивану Глухову и другому головѣ Ивану Кирѣеву присоединиться къ войску князя Болховскаго, а Строгановымъ приказано было дать въ подмогу имъ „пятьдесятъ человекъ на конѣхъ“. Это видно изъ послѣдующей грамоты царя Ивана Васильевича отъ 7-го января 1584 г. на имя Семена Аникиевича, Максима Яковлевича и Никиты Григорьевича Строгановыхъ ¹⁾. Изъ этой же грамоты видно, что князю Болховскому предписано было выступить изъ Перми Великой только зимою. „И нынѣ намъ слухъ дошелъ, что въ Сибирь зимнимъ путемъ на конѣхъ пройти не мочно, и мы князь Семену нынѣ изъ Перми зимнимъ путемъ въ Сибирь до весны до полна воды ходить есмь не велѣли и ратныхъ людей по прежнему нашему указу ²⁾ 50 человекъ конныхъ имати есмь у васъ не велѣли“. Причина невозможности проникнуть въ Сибирь зимнимъ путемъ заключалась, кажется, въ томъ, что князю Болховскому предписано было слѣдовать туда обыкновеннымъ сѣвернымъ путемъ по Вишерѣ чрезъ горы (Камень) на Лозву и Тавду (другихъ дорогъ въ Сибирь изъ Москвы тогда не признавало правительство); но этотъ путь зимою дѣйствительно былъ непроходимъ для конницы: по этой дорогѣ, обыкновенно покрытой глубокими снѣгами, можно было ходить только на лыжахъ и нартахъ, съ помощью собакъ и оленей. Грамота отъ 16-го ноября 1582 г. такъ и предписывала дѣлать: „На Пелымскаго князя зимою на нартахъ ходить воевать“ (Миллеръ, стр. 146); на этотъ же разъ мѣстныя условія края почему-то были упущены изъ вида, и ошибка повела къ отмѣнѣ уже сдѣланнаго распоряженія. Сознавъ эту-то ошибку, Іоаннъ 7-го января 1584 г. и далъ Строгановымъ новую грамоту, въ началѣ которой по обычаю повторилъ свой прежній указъ, который теперь отмѣнялся. Въ новомъ указѣ Строгановымъ предписывалось слѣдующее: „На весиѣ велѣли есмь князю Семену, идучи въ Сибирь, взять у васъ подъ нашу рать и подъ запасъ пятнадцать струговъ со всѣмъ струговымъ запасомъ, которые бѣ струги подняли по

¹⁾ Напечатана у Миллера, стр. 170—171 въ сноскѣ (гл. III, § 36).

²⁾ Этотъ прежній указъ, привезенный княземъ Болховскимъ, не сохранился до нашего времени, но содержаніе его ясно изъ грамоты 1584 года.

двадцати человекъ съ запасомъ, а людей ратныхъ и подводъ и проводниковъ имать есмь у васъ не велѣли, и обиды есмь, идучи въ Сибирь, вашимъ людямъ и крестьяномъ никакія чинить не велѣли". Такимъ образомъ Болховскій, по этому указу, долженъ быть отправиться въ Сибирь только весною 1584 г., „во второе лѣто по взятіи Сибирскія земли“, какъ совершенно правильно на этотъ разъ замѣчаетъ Строгановская лѣтопись. Онъ остался на зиму въ главномъ городѣ Пермѣ Великой—Чердыни, а весною долженъ былъ выѣхать на Каму и Чусовую въ Строгановскіе острожки, то-есть, въ Орелъ и Чусовской городокъ, съ тѣмъ, чтобы отправиться въ Сибирь тѣмъ самымъ путемъ, конимъ слѣдовалъ Ермакъ въ 1581 г. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ той же грамоты 1584 г.: „и вы бѣ тотъ часъ велѣли къ веснѣ ко княжу Семенову пріѣзду (изъ Чердыни) Болховскому изготovitъ подѣ нашу рать и подѣ запасъ 15 струговъ добрыхъ со всѣмъ струговымъ запасомъ... И вы бѣ тѣ суды дали... князь Семену Болховскому или головамъ Ивану Кирееву да Ивану Глухову, чтобъ за тѣми струги въ вашихъ острогахъ и часу не мѣшкати; а не дадутъ судовъ подѣ наши ратные люди вскорѣ,... а нашему дѣлу учинитца поруха, и вамъ отъ насъ быти въ великой опалѣ". Какъ видимъ, все снаряженіе войска въ походъ обставлялось точно также, какъ было это въ 1581 году, при отправленіи Ермака, при чемъ Строгановы на этотъ разъ уже обязывались царскимъ указомъ принять участіе въ этомъ снаряженіи, подѣ угрозой опалы за неисполненіе этого указа. Последняя оговорка грамоты доказываетъ, что грозный царь не забылъ прежней вины Строгановыхъ. Судя по тому, что царь велѣлъ имъ снарядить 15 струговъ, считая по 20 человекъ на каждый стругъ, мы думаемъ, что войско князя Болховскаго состояло изъ 300, а не изъ 500 человекъ, какъ говорятъ лѣтописи. Ни откуда не видно, чтобы князю были даны, кромѣ этихъ 15, еще какіе нибудь струги.

Наконецъ, послѣ всѣхъ описанныхъ долгихъ приготовленій князь Болховскій съ товарищами Иваномъ Кирѣевымъ и Ив. Глуховымъ выступилъ изъ Чусовскаго городка Строгановыхъ вверхъ по Чусовой, „на полой водѣ“, раннею весною 1584 г. Трудно было подниматься на веслахъ противъ теченія по этой быстрой горной рѣкѣ во время ея разлива; особенно трудно было проходить каменные „переборы“ на рѣкѣ и плыть мимо горъ-каменей, расположенныхъ въ большомъ числѣ на ея берегахъ. Говорю это на основаніи личнаго опыта плаванія въ лодкѣ вверхъ по Чусовой во время ея разлива. Войско

могло двигаться очень медленно. На перевалѣ чрезъ Уралъ во время разлива рѣкъ оно неизбежно должно было встрѣтиться съ новыми препятствіями, когда пришлось тащить суда (струги) чрезъ волокъ. Далѣе по Тагилу, Турѣ и Тоболу плыть было легко по теченію, но князь Болховскій, надо думать, дѣлалъ остановки въ пути для сбора ясака съ покоренныхъ, такъ какъ прибылъ въ городъ Сибирь только осенью, а именно 1-го ноября 1585 г. по сентябрьскому численію времени (Ремезовъ, статья 92). Здѣсь умѣстно высказать слѣдующее соображеніе: если князь Болховскій по завоеванному краю слѣдовалъ водою столько времени отъ Чусовой до устьевъ Тобола, то есть ли какое либо вѣроятіе, чтобы Ермакъ въ 1581 г. могъ пройти тотъ же путь среди непріятелей съ 1-го сентября до 26-го октября, то-есть, менѣе, чѣмъ въ 2 мѣсяца? Итъ, вся совокупность лѣтописныхъ фактовъ убѣждаетъ, что Ермакъ прошелъ этотъ путь въ два слишкомъ года, потерявъ много времени на двухъ зимовкахъ. Зимнее путешествіе изъ Сибири въ Русь и обратно требовало гораздо меньше времени, какъ мы ясно видѣли это на первомъ посольствѣ отъ Ермака въ Москву.

Атаманы и казаки съ честью встрѣтили за городомъ царскаго воеводу. „Государевы же воеводы (Болховскій, Кирѣевъ и Глуховъ) по государской росписи государево имѣ жалованье объявиша“, говоритъ Строгановская лѣтопись, то-есть, потребовали положеннаго имъ содержанія. „Тое же зимы (1585 г.),—продолжаетъ та же лѣтопись,—егда приидоша московскіи вои въ Сибирь къ казакамъ, и кои запасы съ собою привезоша и тѣи изъядоша, и казацы запасъ пасяху, смѣтесе по своимъ людямъ (то-есть, берегли, соображаясь съ числомъ своихъ людей), а того не вѣдуще московскія силы людей пришествія къ себѣ“. Доказательство, что посольство Ермака въ январѣ 1583 г. не просило себѣ помощи людьми въ Москвѣ. „И того ради,—заключаетъ Строгановская лѣтопись,—бысть оскудѣніе веле всякимъ запасомъ, и мнози отъ гладу изомроша московскіи вои и казацы, и воевода князь Семенъ Болховскій тожъ умре“. Это было зимою 1585 г.. послѣ чего имени князя дѣйствительно не встрѣчаемъ болѣе. Только весною „татары и остяки отъ новинъ своихъ рыбы и овощи и запасы принесоша, и казаки отъ гладу насытишася“ (Ремезовъ, ст. 92).

Первымъ дѣломъ по прибытіи воеводъ въ Сибирь была отправка въ Москву плѣннаго царевича Маметкула. Ремезовъ относитъ это событіе къ тому же ноябрю, когда кн. Болховскій прибылъ къ Ермаку. „Ноября въ 21-й день,—пишетъ онъ,—послалъ Ермакъ къ

Москвѣ царевича Маметкула и собранной ясакъ. И привезоша его ко царю Ѳеодору Ивановичу“ (статья 91). То же подтверждаютъ Есиповъ и „Сказаніе Сибирской земли“, что служить полнымъ опроверженіемъ показаній Строгановской лѣтописи, приурочивающей посылку Маметкула къ первому посольству Ивана Кольца. Выше мы привели другія доказательства полной нелѣпости какъ этого извѣстія, такъ и мнимаго пожалованія Строгановыхъ Солюю Большою и Малою въ 1581 году. По единогласному свидѣтельствѣ лѣтописей, Маметкулъ и привезшіе его люди были встрѣчены въ Москвѣ съ великою честію. Встрѣча была „какъ посламъ, а не аки плѣннику“,—замѣчаетъ Сказаніе Сибирской земли,—и „оставленъ той царевичъ на Москвѣ, а провожатые казаки пожалованы и удоволены и отпущены въ Сибирь попрежнему, а съ ними послано князю Ермаку Тимофеевичу его царскаго величества жалованье и милостивое слово и награжденіе денегъ и сукна, и порохъ, и свинецъ, и ружіе, и иные всякіе припасы со множественнымъ удовольствіемъ“. То же „Сказаніе“ замѣчаетъ, что Маметкулъ былъ отправленъ въ Москву „съ оставшимся воеводою Иваномъ Глуховымъ“. Въ другихъ лѣтописяхъ это передается иначе: „по повелѣнію государя, воевода Ив. Глуховъ и сибирскіе атаманы и казаки послаша въ Москву Маметкула“¹⁾. Последнее извѣстіе намъ кажется правдоподобнѣе, потому что и далѣе опять упоминается воевода, вернувшійся чрезъ Камень въ Русь (Ремезовъ, статья 107). Или въ этомъ случаѣ слѣдуетъ разумѣть воеводу Ивана Кирѣева? При томъ же въ виду затрудненій, въ коихъ находились казаки, какъ могъ самъ воевода, только что прибывшій въ Сибирь и посланный туда по царскому указу, оставить ихъ въ столь тяжелое время? Сомнительно также, чтобы существовалъ въ дѣйствительности царскій указъ о посылкѣ Маметкула въ Москву: тамъ не могли знать до прибытія втораго посольства изъ Сибири о плѣнѣ царевича. Еслибъ Ермакъ особо извѣстия царя, то объ этомъ упомянули бы лѣтописи.

Намъ приходится вернуться по времени назадъ, чтобы показать, чѣмъ занятъ былъ Ермакъ въ то время, пока московское войско цѣлое лѣто 1584 года шло въ городъ Сибирь. Предыдущее лѣто, какъ мы знаемъ, Ермакъ посвятилъ далекимъ походамъ противъ Обскихъ остяковъ и Тавдинскихъ вогуль. Лѣто же 1584 г. онъ провелъ въ покоренія мѣстностей, лежавшихъ отъ города Сибири вверхъ по Иртышу и его лѣвому притоку Вагаю. Эти предпріятія его въ лѣтописи Ре-

¹⁾ Карамзинъ, примѣч. 712 къ IX тому.

мезова опять описаны какимъ-то другимъ лицомъ на вклеенномъ послѣ 25 листѣ (статьи 99—103) ¹⁾. Неизвѣстный авторъ на этотъ разъ совершенно правильно относитъ эти событія къ августу 7092 (1584) года, излагая ихъ опять съ такими подробностями, какія могъ знать только участникъ походовъ. Къ юго-востоку отъ города Сибири Ермакъ дѣйствительно еще не воевалъ, а обезпечить свое главное завоеваніе съ этой стороны ему было необходимо: тамъ гдѣ-то скрывались его злые враги Кучумъ и Карача.

Дѣло началось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 6-го августа 1584 г. Ермакъ получилъ первое извѣстіе изъ степи, что тамъ появился опять Кучумъ, который будто бы преградилъ путь въ Сибирь бухарскому торговому каравану. Ермакъ, по „Сказанію Сибирской земли“, хотѣлъ распространить бухарскую торговлю на городъ Сибирь, какъ видно, нуждавшійся въ предметахъ первой необходимости. Собравъ до трехсотъ человекъ, онъ пошелъ вверхъ по Иртышу, всюду встрѣчалъ покорность жителей, но Кучума и бухарцевъ не нашелъ. Онъ достигъ Сартезера (Сартскаго озера возлѣ Иртыша) и „до большаго князя Бѣгина княжева городка“ (нынѣ село Бѣгинское на Иртышѣ въ Тобольскомъ округѣ), гдѣ учинилъ „великой бой со сборными татарами и съ карачинцами“, разбилъ ихъ и поднялся къ Шамшѣ, къ Рянчикамъ и Саламъ до Клагдака (нынѣ при-иртышскіе татарскіе юрты Шамшинскіе, Репчинскіе и Салинскіе въ Тобольскомъ округѣ). Не встрѣтивъ здѣсь никакого сопротивленія, Ермакъ достигъ далѣе до „старосты древняго поставленія царя Саргачика Ишимскаго“, что нынѣ, надо полагать, Саургатскіе юрты въ томъ же Тобольскомъ округѣ ²⁾. На устьѣ рѣки Ишима была битва, гдѣ пало 5 казаковъ. Наконецъ, Ермакъ приступилъ къ городку Кулларову, что нынѣ юрты на Иртышѣ выше устья рѣки Ишима (ранѣе упомянута другая Куларова близъ устья Вагая). Тогда это былъ крайній сторожевой пунктъ со стороны владѣній калмыковъ, сильно укрѣпленный Кучумомъ, „и во всемъ верхъ Иртыша крѣпче его нѣтъ“ (Ремезовъ, статья 101). Пять дней приступалъ къ нему Ермакъ и, не взявъ, послѣдсвалъ далѣе по Иртышу къ городку Ташатканскому, что нынѣ деревня на лѣвомъ берегу Иртыша въ Тарскомъ округѣ. Затѣмъ, по взятіи

¹⁾ Это уже третья большая описка въ автописъ Ремезова, о которой см. у Карамзина въ примѣч. 718 къ IX тому и у Миллера, гл. III, § 48, стр. 180. Извѣстія о походахъ противъ Обскихъ остяковъ и Тавдинскихъ вогулъ принадлежатъ, вѣроятно, тому же лицу.

²⁾ „Списки насел. мѣстъ Тоб. губ.“, LXXVI, стр. 26, 27 и др.

его, Ермакъ проплыль къ устью рѣки Шиштамама (иначе Шинъ, правый притокъ Иртыша). „Волость Туралинская“, подъ коей надо разумѣть нынѣшнюю Тару, была крайнимъ предѣломъ Ермакова похода по Иртышу въ августѣ 1584 года. Отсюда Ермакъ послѣшно воротился назадъ, такъ какъ снова услышалъ о приближеніи Кучума. Въ началѣ сентября (по тогдашнему счисленію, значить, слѣдующаго 1585 года) атаманъ вернулся въ городъ Сибирь.

Здѣсь Ермака ожидали тяжелыя испытанія. 10-го сентября явился къ нему извѣстный намъ Карача, который далъ ему по своей вѣрѣ клятву въ вѣрности и просилъ дать ему помощь противъ враждебной Казачьей орды ¹⁾. Ермакъ повѣрилъ клятвѣ и отпустилъ съ Карачею 40 казаковъ подъ начальствомъ своего лучшаго боеваго товарища атамана Кольца. Но Карача измѣнилъ клятвѣ и вѣроломно умертвилъ всѣхъ казаковъ и съ ними атамана Кольца. Наступившая осень заставила Ермака отложить борьбу съ Карачею до весны. 1-го ноября противъ ожиданія Ермака, явилось въ г. Сибирь московское войско. затѣмъ послѣдовала отправка къ царю плѣннаго Маметкула, и наступила голодная зима, стоявшая потери многихъ людей и въ числѣ ихъ недавно прибывшаго князя Болховскаго. Военныя дѣла были отложены до весны.

12-го марта 1585 г., въ великій постъ, измѣнникъ Карача явился подъ городомъ Сибирью, обложилъ его обозами и таборами, а самъ расположился въ трехъ верстахъ отъ города на Саусканской лукѣ. „И стоя до пролѣтія и многую гибельную поруху казакамъ нанесе гибельно“ (Ремезовъ, статья 94) ²⁾. 12-го іюня,—говоритъ Строгановская лѣтопись (а по Ремезову 9-го мая),—казаки ночью напали врасплохъ на станъ Карачи, убили двухъ его сыновей, а самого его и прочихъ татаръ заставили разбѣжаться. Утромъ на Саусканѣ завязалась битва, кончившаяся бѣгствомъ непріятеля и побѣдою казаковъ. Наступилъ роковой для Ермака Тимоеевича августъ 1585 года 1-го августа онъ опять получилъ извѣстіе о приближеніи бухарцевъ и препятствіяхъ, которыя дѣлалъ Кучумъ ихъ свободному проходу въ городъ Сибирь. Ермакъ, взявъ съ собою 50 человекъ казаковъ, на этотъ разъ немедленно отправился на стругахъ вверхъ по Иртышу до Агитской луки, которую правильнѣе называть Вагайскою. Чтобы

¹⁾ Въ Строгановской лѣтописи „отъ Ногайской орды“.

²⁾ На этомъ основаніи сообщеніе синодика Софійской соборной церкви въ Тобольскѣ, будто Иванъ Кольцо былъ убитъ 17-го апрѣля, мы считаемъ ошибкою, согласно съ Карамзинимъ, см. его „Исторію“, примѣч. 714 къ IX тому.

скорѣе вступить въ устье Вагая и миновать длинный изгибъ Иртыша, образующійся въ этомъ мѣстѣ, Ермакъ направилъ струги по протоку или перекопи, прорытой здѣсь кѣмъ-то раньше и тогда еще не обмѣлѣвшей¹⁾. Въ устьѣ Вагая Ермакъ не встрѣтилъ, однако, бухарцевъ, почему сталъ подниматься вверхъ по рѣкѣ, достигъ урочища Атбаша, „идеже нынѣ,—говоритъ „Сказаніе Сибирской земли“,—поставленъ Абатской острогъ“, но отсюда повернулъ обратно къ устью рѣки. (Нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ деревня Черная, Адбашская тожъ: „Списки“, стр. 21). Онъ возвратился опять къ перекопи и въ бурную дождливую ночь съ 5-го на 6-е августа 1595 г. рѣшился ночевать на ближайшемъ островѣ Иртыша. Онъ не подозрѣвалъ близости врага, который между тѣмъ бдительно слѣдилъ за казаками. Во время глубокаго сна Кучумъ со скопикомъ татаръ началъ на казаковъ прасилохъ, перебилъ ихъ, при чемъ Ермакъ, какъ извѣстно, бросился вплавь къ берегу рѣки, но утонулъ подъ тяжестью надѣтыхъ на него царскихъ панцирей. „Стругъ же отплы отъ берега и не дошедъ (берега, Ермакъ) утопе.... Точію единъ казакъ утече во градъ и возвѣстивъ бывшимъ“ (Ремезовъ, статьи 105 и 106). Эта вѣсть, какъ громомъ, поразила всѣхъ жителей Искера и скоро облетѣла всю покоренную Сибирь.

Со смертью двухъ главныхъ храбрѣйшихъ атамановъ, дѣла казаковъ быстро пошли къ упадку, и неудачи слѣдовали одна за другой. Въ лицѣ Ермака исчезла та могучая нравственная сила, которая питала духъ храбрости и строгаго повиновенія среди казаковъ, внушая тѣмъ страхъ и побѣжденнымъ. Московскіе воеводы, не закалившіе себя въ непрерывныхъ битвахъ и опасностяхъ, далеко не могли замѣнить погибшаго героя и поддержать упавшій духъ войска. Смерть главнаго вождя показала все величіе исторической личности Ермака, который былъ душою всего предпріятія. Это-то обаяніе личности славнаго атамана доселѣ являлось главною причиною несогласій среди ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о покореніи Сибири и нерѣдко сводившихъ все дѣло къ заслугѣ одного человѣка. Здѣсь причина и совершеннаго забвенія нѣкоторыми учеными исторической роли Строгановыхъ въ этомъ дѣлѣ, которымъ принадлежала, однако, инициатива

¹⁾ *Миллеръ*, слѣдую *Ремезову*, говоритъ, что перекопъ вырыта была казаками Ермака длиною въ одну версту, чего не могло быть, когда Ермаку дорогъ былъ каждый день. См. гл. III, § 46, стр. 179, и § 62, стр. 189. *П. А. Словцовъ* на первой же страницѣ своего „Историч. обзор. Сибири“ справедливо отвергаетъ участіе казаковъ въ этомъ дѣлѣ. Свѣдѣніе о перекопи сообщилъ *Ремезовъ* въ ст. 98.

сибирскаго похода. Безспорно, велико значеніе Ермака Тимофеевича въ покореніи Сибири, но въ началѣ его похода немаловажное значеніе имѣли и именитые пермскіе люди Строгановы. Если Ермакъ и прервалъ съ ними сношенія со времени постигшей ихъ опалы, изъ опасенія навлечь таковую я на себя, то это еще не даетъ намъ права отнимать у нихъ всякую историческую заслугу въ дѣлѣ покоренія обширной и богатой страны власти русскихъ государей.

Но возвратимся къ году смерти Ермака и къ событіямъ, сопровождавшимъ его смерть. Годомъ смерти его обыкновенно считаютъ 1584-й, но это не правильно, какъ убѣждаетъ весь естественный ходъ событій, выше показанный нами. Это дѣлается только на основаніи сбивчивой хронологіи сибирскихъ лѣтописей безъ строгаго соображенія съ фактами того времени. Такъ, изъ этихъ лѣтописей, кромѣ Строгановской, допустившей въ данномъ случаѣ явную путаницу событій, ясно видно, что плѣнный царевичъ Маметкулъ доставленъ былъ въ Москву еще при жизни Ермака, но уже по смерти Іоанна IV. Ремезовская лѣтопись указала съ обычною точностью и правильностью мѣсячныхъ и числовыхъ датъ, что царевича Ермакъ отправилъ изъ города Сибири 21-го ноября 1584 года, но никакъ не предыдущаго, потому что это второе посольство въ Москву уже не застало въ живыхъ Іоанна IV, умершаго 18-го марта 1584 г., и явилось къ Ѳеодору Іоанновичу (указанія Есипова, Ремезова и „Сказанія Сибирской земли“). Слѣдовательно, Ермакъ жилъ еще до 6-го августа, но котораго: того же 1584 сентябрьскаго года, или слѣдующаго 1585-го? Конечно, послѣдняго 1585-го, потому что въ сентябрѣ 1585 г., то-есть, въ самомъ началѣ года по тогдашнему счисленію, самъ Ермакъ отправилъ Ивана Кольцо съ 40 казаками къ Карачѣ, а это событіе, въ свою очередь, было почти черезъ годъ по отправленіи плѣннаго царевича въ Москву. Вся путаница въ годахъ происходитъ отъ смѣшенія сентябрьскаго года съ январскимъ и отъ упущенія изъ виду второй зимовки Ермака въ Тюмени. Изъ двухъ рядовъ источниковъ, лѣтописей и грамотъ, мы должны вѣрить больше и даже безусловно хронологіи грамотъ, а никакъ не лѣтописей, которыя намъ дороги только по указанію фактовъ. Поступать же наоборотъ—значить безъ конца повторять ошибки въ опредѣленіи времени событій. И странно: ученые, начиная съ Карамзина, сами сознавали это и все-таки больше держались хронологіи лѣтописей. Такъ, еще Карамзинъ въ концѣ 703 примѣчанія къ IX тому „Исторіи“ послѣ долгихъ, но безплодныхъ хронологическихъ сопоставленій рѣшительно

замвилъ: „Остается или не вѣрить хронологіи грамотъ, или году Ермаковой смерти: то-есть, вопреки лѣтописямъ полагать ее въ 1585 году“. Последнее соображеніе было совершенно правильно, и однако Карамзинъ ему, не послѣдовалъ, предпочтя въ концѣ концовъ хронологію лѣтописей. То же самое допустилъ Соловьевъ, считавшій покореніе Сибири дѣломъ двухъ мѣсяцевъ и не признавшій ни одной зимовки Ермака на всемъ пути до Иртыша ¹⁾. По той же причинѣ Иловайскій вздумалъ поправлять дату грамоты отъ 7-го января 1584 г., чтобы только примирить ея хронологію съ лѣтописями ²⁾. На нашъ взглядъ всѣ эти натяжки происходили отъ недостаточно-строгаго критическаго отношенія къ хронологіи сибирскихъ лѣтописей, которыя не заслуживаютъ того довѣрія, какъ безусловно точныя и правильныя даты грамотъ.

Мы сказали, что со смертью Ермака скоро пошатнулось все дѣло, созданное имъ и державшееся только его энергіей, его мощнымъ духомъ. Со всѣхъ сторонъ тотчасъ показались старые враги казаковъ. Въ городѣ Сибири русскихъ осталось только 150 человекъ, если вѣрить Ремезову (статья 107); остальные всѣ погибли въ битвахъ и въ теченіе голодной зимы 1584 года. Московская помощь оказалась ничтожна. Воеводы Глуховъ и Кирѣевъ, повидимому, не оказались на высотѣ своего назначенія въ столь трудное время. Впрочемъ, если вѣрить „Сказанію Сибирской земли“, то Глухова тогда уже и не было въ Сибири (онъ увезъ въ Москву Маметкула); князь Болховскій умеръ вскорѣ по прибытіи въ городъ Сибирь, и здѣсь остался только Иванъ Кирѣевъ ³⁾. Какъ бы то ни было, но мы ни въ чемъ не видимъ проявленія ихъ дѣятельности. Напротивъ, вскорѣ же послѣ смерти Ермака, оставшіеся въ живыхъ русскіе воины въ числѣ полутора ста человекъ „сѣдоша въ струги своя августа въ 15 день и погребоша внизъ по Обѣ и съ воеводою (какимъ?) и по Иртышу и по Собѣ и черезъ Камень придоша въ Русь на свои жилища; градъ же (Сибирь) оставиша пустъ“ (Ремезовъ, ст. 107). Это было совсѣмъ не въ правилахъ Ермака. Опустѣвшій городъ немедленно занялъ Алей, сынъ Кучума, но не надолго: вскорѣ на него напалъ Сейдякъ Бекъ-

¹⁾ „Исторія“, VI, 428—430, и VII, 370—371.

²⁾ См. примѣчаніе 70-е къ III тому его „Исторіи“, стр. 662.

³⁾ Миллеръ въ 3-й главѣ „Описанія Сибирскаго царства“ вездѣ считаетъ преемникомъ Ермака воеводу Глухова, ничего не говоря о Кирѣевѣ, но лѣтописи не называютъ воеводы по фамиліи, почему мнѣніе Миллера требуетъ еще доказательства.

булатовичъ, заставилъ Алея очистить городъ, который и занялъ самъ. Отмстивъ, наконецъ, Кучуму за кровь отца своего Бекбулата (Ремезовъ, ст. 108). Казалось, всѣ труды Ермака и его дружины погибли безплодно!

Но Москва не забывала Сибири. Теперь царевичъ Маметкулъ служилъ ей живымъ напоминаніемъ о Сибири. Когда до нея еще не дошла вѣсть о гибели Ермака, царь Феодоръ Иоанновичъ отправилъ на помощь ему втораго воеводу Ивана Мансурова. По единогласному свидѣтельству сибирскихъ лѣтописей, это было во второе лѣто по смерти Ермака. Послѣдній погибъ на 6-е августа 1585 г., а Мансуровъ прибылъ въ Сибирь осенью (въ концѣ октября или началѣ ноября) 1586 г. по сентябрьскому численію, то-есть, онъ явился въ началѣ слѣдующаго года, вскорѣ послѣ того, какъ городъ Сибирь былъ оставленъ русскими. По указанію Ремезова въ статьѣ 119, Мансуровъ прибылъ только съ 100 воинами обычнымъ водянымъ путемъ. Это показывать, что новый воевода не зналъ о смерти Ермака, котораго хотѣлъ только подкрѣпить своимъ небольшимъ отрядомъ. Но противъ ожиданія онъ оказался теперь предоставленнымъ самому себѣ среди окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ непріятелей,—оказался въ самомъ трудномъ, безпомощномъ положеніи. Что же предпринялъ Мансуровъ съ своимъ небольшимъ войскомъ въ далекой непріятельской странѣ? На этотъ вопросъ подробно отвѣчаетъ Есиповъ и неизвѣстный составитель „Сказанія Сибирской земли“. Есиповъ пишетъ: „... и доплыша до рѣки Иртыша; татаръ же множество собращашь во уреченномъ мѣстѣ у рѣки Иртыша на берегу. Воевода-жь видѣ таково собраніе поганныхъ и слыша, яко казаки побѣгоша изъ града (въ Сказаніи добавлено: „и услыша, яко князь Ермакъ утопѣлъ“—доказательство, что воевода не зналъ дотогѣ о смерти атамана), и убояся, и не приста ко берегу, но поплыша внизъ по Иртышу; доплыша жъ до великой Оби, бѣ бо тогда осень, и ледъ въ рѣкахъ смерзается. Иванъ же Мансуровъ видѣ, яко наставше зима, и повелѣ поставити городокъ надъ рѣкою Обью противъ Иртыша во устію и сяде въ немъ съ своими людьми и тако озимоваше¹⁾. Этотъ Обскій городокъ справедливо считается первымъ русскимъ городомъ на берегахъ Оби. Онъ стоялъ посреди поселеній остяковъ, которые и называли его Рушъ-вашъ, то-есть. Русскій городокъ¹⁾. Онъ стоялъ у

¹⁾ Топографическое положеніе города подробно указываетъ *Миллеръ* въ главѣ III, § 77, стр. 199. *Обской Большой городокъ* упоминается впоследствии въ „Книгѣ Большому Чертежу“.

Вѣлыхъ горъ, близъ нынѣшняго села Самарова, противъ Березовскаго протока Иртыша, по сосѣдству съ остяцкимъ городкомъ Гулангъ-вашъ (Восточный городокъ). Во времена Миллера видны еще были слѣды обоихъ поселеній. Остяки, конечно, были недовольны водвореніемъ русскихъ на ихъ землѣ; они пытались было разрушить русскій городъ. но безуспѣшно, за неимѣніемъ огнестрѣльнаго оружія, которымъ владѣли русскіе. Въ теченіе зимы не было столкновеній между русскими и остяками; послѣдніе принесли даже ясакъ русскому воеводѣ и тѣмъ выразили свою покорность. Однако Мансуровъ сильно нуждался въ людяхъ и съ наступленіемъ весны 1586 г., сознавая свое безсиліе и опасности среди враждебныхъ инородцевъ, на вѣрность которыхъ нельзя было полагаться, рѣшился возвратиться въ Русь чрезъ Камень, то-есть, по слѣдамъ Глухова или Кирѣева (Ремезовъ, ст. 120). Такимъ образомъ и вторая посылка московскаго войска въ Сибирь имѣла мало успѣха, по малочисленности посланной съ воеводою военной силы.

Но Москва продолжала оказывать содѣйствіе въ покореніи страны русскими. Когда до нея дошелъ слухъ о гибели Ермака и выходѣ перваго войска изъ Сибири безъ всякаго почти успѣха (о неудачахъ Мансурова тамъ еще не могли знать), царь Θεодоръ Іоанновичъ весною того же 1586 года послалъ въ Сибирь третьяго воеводу Василя Борисовича Сукина и съ нимъ Ивана Мясного и письменнаго голову Данила Чулкова съ 300 человекъ¹⁾. Они явились на рѣку Туру въ половинѣ лѣта 1586 года, когда Мансуровъ успѣлъ оставить Сибирь. На этотъ разъ московское правительство распорядилось именно такъ, какъ слѣдовало поступить вначалѣ, чтобы прочною ногою утвердиться въ завоеванной казаками странѣ. Узнавъ, что главнымъ оплотомъ для татаръ постоянно служили два города Чинги-Тура (Тюмень русскихъ) на западѣ и Сибирь на востокѣ, что, вѣроятно, хорошо зналъ и Ермакъ, простоявшій въ Тюмени всю зиму 1582 года²⁾, правительство предписало воеводѣ Сукину прежде всего укрѣпиться въ Тюмени на р. Турѣ, а затѣмъ отрядить Данила Чулкова къ устьямъ Тобола, гдѣ онъ долженъ былъ воздвигнуть новое укрѣпленіе вблизи города Сибири. Прочно утвердившись въ этихъ

¹⁾ Въ „Сказаніи Сибирской земли“ князь Болховскій называется *первымъ* воеводою, а Василій Сукинъ *третьимъ*.

²⁾ Въ Москвѣ эти свѣдѣнія могли сообщить правительству Маметкулъ или воеводы Глуховъ и Кирѣевъ.

двухъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктахъ Сибири, русскіе легче могли удержать въ своихъ рукахъ завоеванія Ермака путемъ постепеннаго построения новыхъ русскихъ укрѣпленій на Турѣ, Тоболѣ, Иртышѣ и Оби.

Воеводы точно исполнили предписанія правительства. 29 іюля 1586 года они положили основаніе укрѣпленному городу Тюмени, вблизи стариннаго татарскаго города Чинги-Тура, заложили первую въ Сибири церковь Всемилоствяго Спаса ¹⁾ и стали собирать ясакъ съ татаръ, жившихъ по рѣкамъ Турѣ, Тоболу, Исети и Пышмѣ. Подробное топографическое описаніе вновь основаннаго города Тюмени и прежней татарской Чинги-Туры можно видѣть у Миллера (глава IV, §§ 4 и 5). Прочно утвердившись на Турѣ, вторично послѣ Ермака заставивъ всѣхъ окружныхъ татаръ признать русскую власть, воеводы могли уже безъ прежняго риска, но съ полной увѣренностью въ успѣхѣ распространять русское владычество далѣе на востокъ. Вторичное завоеваніе страны, какъ по всему видно, не требовало тѣхъ усилій со стороны русскихъ, съ какими было сопряжено первое занятіе этихъ мѣстъ дружиною Ермака. Имя русскихъ уже не наводило на туземцевъ того страха, какой внушали имъ казаки, съ Ермакомъ во главѣ, благодаря невиданному дотогѣ въ Сибири огнестрѣльному оружію.

Весною слѣдующаго 1587 года въ Тюмень пришло изъ Россіи новое подкрѣпленіе въ 500 человекъ при указѣ Θεодора Іоанновича, коимъ предписывалось воеводѣ Данилу Чулкову заложить на устьѣ Тобола новый городъ, въ 16 верстахъ отъ Сибири. „И по промыслу Божію, доплывъ воевода Данило Чулковъ и противъ устья Тоболу поставилъ градъ, именемъ Тоболескъ, на горѣ, первый столпой во всѣхъ городѣхъ, и церковь первую воздвиге во имя Святыя Троицы и другую Всемилоствяго Спаса на звозѣ“ (Ремезовъ, ст. 122). Послѣ Обскаго городка и Тюмени это былъ третій по времени основанія русскій городъ въ Сибири ²⁾, до 1590 года подчиненный по управленію Тюмени. Съ этого времени русскіе оконча-

¹⁾ Ремезовъ, ст. 121: „поставивша градъ Тюмень іюля въ 29 день, еже Чинги слыхъ, и церковь воздвигоша Всемилоствяго Спаса, *первую въ Сибири*, и ясакъ со многихъ татаръ собралша по Турѣ и по Тоболу и Исети и Пышмѣ“.

²⁾ И. А. Словцовъ на основаніи неизвѣстнаго намъ источника говорить, что городъ Тоболескъ основанъ въ 1586 г., а въ слѣдующемъ году перенесенъ на имѣе нагорнаго берега Иртыша. См. „Историческое обозрѣніе Сибири“, изд. 2-е часть I, стр. 816.

тельно закрѣпили за собою первое завоеваніе Ермака и его храброй дружины. Чулковъ скоро покончилъ съ Сейдякомъ, отправивъ его вмѣстѣ съ Карачею въ Москву, послѣ чего городъ Сибирь запустѣлъ. Дальнѣйшую борьбу русскихъ съ татарами до смерти Кучума и постепенное построеніе новыхъ русскихъ городовъ въ Западной Сибири мы не намѣрены излагать здѣсь. Эти времена достаточно изслѣдованы и не представляютъ особенно спорныхъ хронологическихъ вопросовъ ¹⁾).

А. Дмитриевъ.

¹⁾ Такъ какъ статья почтеннаго автора имѣетъ между прочимъ полемическое значеніе, а его хронологическія соображенія могутъ вызвать еще дальнѣйшія новыя возраженія, то мы рѣшились оставить его приемы хронологическаго вычисленія неприкосновенными даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они представлялись намъ не вполне правильными съ технической точки зрѣнія.

Ред.